

Лора Лей

С ПЕСНЕЙ ПО ЖИЗНЯМ

Нам песня строить и жить помогает. И тот, кто с нею по жизни шагает, порой не знает, куда попадет... А там его ждут, и не всегда приятности. Но разве можно отказаться — ведь они же ждут! И героиня этой истории пошла им навстречу то в темпе вальса, то перейдя в ритм адажио или даже ларго. Раз пошла такая пляска, шире круг, аборигены! Мы за мир, за дружбу, за улыбки милых, за сердечность встреч! Здесь нет суеты, но есть житейская философия, нет потрясений, но есть изменения, движение, которые обязательно приведут к счастью...

Глава 1

Ирина Михайловна Валиева сидела на веранде своего дома в деревне Малые дворики пила чай со смородиновым листом, смотрела на закат и лениво размышляла о своей, уже проходящей, жизни. Мысли текли вяло, по сути, топтались вокруг одной, навязчивой и давешней: что делать ей, пенсионерке 65 лет, вдове, дальше?

Не то, чтобы совсем заняться было нечем — вон, хозяйство-то, только успевай поворачиваться с утра до ночи: пара коз молочных, 2 поросенка, 3 десятка кур, петух горластый (сволочь такая, пташка ранняя), 6 индюшек, огород 5 соток да 5 же соток — поле под картошку, ну, про садовые деревья да кустарники по периметру участка и не говори... А, улы-то, улы — целых 4! И это сейчас...

А раньше-то, при покойном муже, Рудике, она чуть ли не фермершей была средней руки. Одних коз держала 23 головы, куры, индейки, пасека своя — до 30ти семей пчелиных в иной год доходило, а про картошку и говорить нечего: на тракторе распахивали от 30 до 50 соток, благо, деревня была тогда почти пустая, земли вокруг — полно, никто особо не считал, тем более, что к мужу, Рудольфу Саттаровичу, владельцу лесопилки и пасеки, и редкие соседи, да и власти местные относились с уважением, без злобы явной и зависти.

Приехали они сюда, в Дворики, в середине 90х и осели. Муж, бывший инженер, оказался сметливым и предприимчивым, организовал лесопилку, наладил отношения с районными боссами, поймал волну, что называется. Дело пошло. Супруги не так, чтобы шикавали, но дом отстроили в деревне двухэтажный, с водопроводом и газом, баня была хорошая: прям на речушку за домом мостки выходили, любили к ним начальники париться по выходным наезжать. Что поделаешь? Не подмажешь — не поедешь. Ирина тогда перед ними выкладывалась по полной: и пожрать приготовить (да, именно так, не стеснялись власть придержащие на природе-то), и развлечь культурной, так сказать, программой.

Как? А так: Ирина Михайловна имела диплом Музыкального училища им. Ипполитова-Иванова по специальности «Народное пение», превосходно играла на пианино, баяне и аккордеоне, освоила и балалайку, да и на гитаре неплохо перебирала струны. Но самое главное — она ПЕЛА! Голос у Иры был не очень сильный, но грудной, приятного тембра, пела она с душой и народные песни, и романсы, и частушки. Да все! В школе, когда сын Степан был маленький, работала учителем пения, позже и хором руководила школьным.

Вообще-то, девушка была заводная, юморная, даже подрабатывала тамадой на свадьбах, корпоративах. Так и с мужем познакомилась: пригласили ее на юбилей директора завода, где он работал, Ира не удержалась — спела-сплясала, мужчина ее заметил, проводил, да и сразу замуж позвал. Так что принимала Ирина городских гостей с огоньком и фантазией, совмещая полезное (помощь мужу в поддержании нужных связей) с приятным — от отупляющей домашней круговерти отдохнуть.

Рудик был хорошим мужем: щедрым, терпеливым, достаточно внимательным, но — молчаливым, замкнутым, очень занятым, предпочитал сделать, а не говорить. Да и старше он был Ирины на 15 лет. Поначалу, когда они только начали жить вместе, Ирину это не напрягало, тем более, что взял он ее с ребенком от первого брака: разошлись супруги плохо, Ира готова была бежать на край света от издевательств и жадности отца Степана, сына 5 лет. Ни копейки не дал, из квартиры кооперативной, что на него была оформлена, но покупалась совместно, выгнал с одним чемоданом. Молодая училка музыки, разведенка с ребенком, без

жилья — кому она была нужна? Родители жили в Ялте, в небольшой квартирке, на пенсию — как к ним ехать? Да соседи со свету сживут сочувствием и злорадством: как же, в консерваториях училась, в столице жить нацелилась, своих парней ей мало было, вот и пусть теперь мается, разведенка!

А Рудольф Валиев не стал смотреть на статус, принял ее и Степана сразу, и никогда ничем не то чтобы попрекнуть — намек какой дать про ее «неполноценность» и «грехи молодости». Не было неземной любви, ошеломляющей страсти, сумасшествия, было тепло, тихо, ровно, спокойно и стабильно. Ирина никогда не сомневалась в муже, верила ему и доверяла, полностью посвятив себя ему и сыну: работала, вела дом как принято — еда, чистота, забота. Когда перебрались в Малые дворики, Степан школу заканчивал, так серьезный парень остался в городе один. «Ты — говорит, — мама, приезжай раз в неделю, я сам справлюсь, просто чтобы ты не нервничала и не волновалась. Оставайся с отцом, ему ты нужнее».

Вот так она и моталась в Подмосковье к сыну: затаривала холодильник, готовила на неделю котлеты, пельмени, супы варила, убирала квартиру, стирала, гладила, иногда встречалась с немногочисленными приятельницами, изредка посещала салоны, чтоб совсем уж не обабиться в деревне, и возвращалась — обихаживать мужа и хозяйство.

Глава 2

Сейчас, оглядываясь назад, она не могла понять, зачем держала такое большое подворье? Много ли надо двум взрослым людям тех яиц, молока, да и прочего? Но тогда ей действительно было интересно: смогу ли вырастить, переработать? Сколько журналов покупала, литературы всякой по агротехнике, пчеловодству, консервации..

И ведь получалось почти все: и овощи чудные росли, и мед прекрасный гнали с мужем на продажу, и молочку умудрялась не портить — сыр варила козий, йогурты разные, масло, сметану свою бочонками на зиму заготавливала, крутила помидоры, огурцы, салаты/ соусы, про капусту квашеную вообще молчи. Грибов в лесу наберет с соседом — местный, знал окрестности, пустыми даже в безгрибные года не приходили с «тихой охоты» — и давай солить-консервировать-сушить-пирог печь. Да уж, вертелась-извращалась!

А что, надо было сидеть на попе ровно? Когда в деревне жилых дворов по — первости — раз-два и обчелся, старики да пьяницы, поговорить не с кем, вот и занимала себя с утра до вечера с весны до глубокой осени. Зимой, конечно, притормаживала. Ну, скотину-то все равно оставляла, не всю, понятно: сколько-то голов шло на тушенку, в заморозку, несколько лет коптила даже мяско-то, оставшихся кормила — берегла на развод на следующий сезон, да... И все-таки больше времени по зиме уделяла рукоделию.

Не думала-не гадала Ирочка-«консерваторка», что научится шить-вязать-вышивать! Причем так, что гости важные будут заказывать свитера, шапки, шали — особенно из козьего пуха! Ну и бралась, а чё не взять — и самой интересно, и людям на пользу. Пряжу ей проворили старушки-соседки: им тоже заниматься зимой чем-то хотелось.

Вот и наладилось у них сотрудничество: Ирина чешет с коз шерсть да пух, и с собак охранных (четыре алабая на дворе жили, боялась Ира одна оставаться — муж часто отсутствовал по делам), а бабульки моют и прядут, вспоминают молодость! Из такой пряжи хорошо получаются носки, варежки и свитера-жилеты, их она за зиму по несколько штук вывязывала: и с аранами, и с орнаментом. Вот пуховые шальки требовали большего труда — тут одну-две, разве что.

Потом перешла на крючок: пледы, шали «бабушкиным квадратом», кружевные палантины. На эту причуду тратилась: покупала, заказывала упаковками разноцветную пряжу отечественную, турецкую, не очень дорогую, но получалось красиво! Муж ее никогда не оговаривал, деньги не считал, просил только не перетруждаться. Супруга была ему благодарна, а насчет «перетруждаться»: пока нравится — нет усталости.

Так и жила Ирина Михайловна в труде, заботах, творчестве. Сын окончил юридический институт, устроился в международную компанию, сам купил себе квартиру, стал солидным человеком, но жениться не спешил, как бы мать не приставала с этой темой. Он, как и Рудольф, был замкнутым, даже нелюдимым человеком, хотя пара-тройка друзей имелась, они занимались спортом, музыкой — рок-группа у них состоялась, много путешествовали.

Нет, девушки были, не без этого, но Ирина чувствовала — по душе сыну пока не встретилась. Сначала женщина расстраивалась — а вдруг не туда сына повело? А потом успокоилась: может, просто не время ему? Да и характером он, как ни странно, пошел в отца, а тот, как сам говорил, не испытывал проблем от одиночества, и если бы не они со Степаном, так бы и прожил один. И на втором ребенке он не настаивал, хотя Ира пыталась, но что-то не срослось у них в этом плане: то ли у нее здоровье подвело, то ли Рудик не смог,

все-таки разница в возрасте...

Степана муж любил, во всем поддерживал, отношения у них были крепкими, как не у всякого родного отца-сына бывают. Так что Ирина со временем приняла ситуацию и особо не переживала. Это после смерти мужа, она, бывало, сожалела, но исправить ничего уже не могла...

Рудик умер внезапно, зимой, когда ей исполнилось 60. Приехал домой, поужинали под телевизор, он прилег на диване — и все, сердце... Вроде и понятно, но Ира чуть с ума не сошла! Одна в большом доме, в тишине зимних коротких дней и долгих-долгих ночей плакала она до икоты, выла в одиночестве, пила даже от тоски, забросила себя, ходила немытая-нечесаная. Только скотину кормила, да и то не каждый день, и вспоминала, вспоминала, вспоминала...

А потом жалела — и себя, и Рудика. Себя — потому что осталась одна, а любви-то не испытала с ним страстной, а как хотелось! Его — да потому же, и вину чувствовала, что капризничала порой, мало разговаривала, помогала, берегла... Ну и дальше, по кругу. Короче, тяжело ей далась та первая зима без мужа. И неизвестно, чем бы она закончила, если бы сын не купил ей квартиру в городе и не заставил заняться собой и им.

В городе Ирина чуть ожила и нашла себе применение: записалась в бассейн, в хор, на танцы и йогу, накупила видеокурсов по разным рукоделиям и отдалась этим занятиям «со всей пролетарской ненавистью», лишь бы не тосковать и не плакать. Жизнь продолжалась, и ей надо было жить, вот и жила — от курсов до курсов, от плиты до квартиры сына, утром — обязательные прогулки, вечером — рукоделие или чтение. Ещё пристрастилась Ирина Михайловна к сериалам азиатским, дорамам: включит — и творит под чужие страсти-мордасти; вроде и занята, вроде и не одна.

Степан много работал, но звонил каждый день, выходные часто проводил с матерью, помогал обставлять новую квартиру, так что уж совсем забытой женщина себя не ощущала, а что до счастья? Чего уж ...

Худо-бедно, но перезимовала вдова, а как начал снег сходить-потянуло ее опять в деревню... И как сын ни отговаривал, собралась и поехала туда, где прожила почти четверть века.

Дом встретил тишиной и некоторой затхлостью нежилого, поэтому хозяйка сходу давай все отмывать-протапливать, возвращать дому тепло и уют. Соседи обрадовались, понесли живности в подарок и вернули то, что она раздала при отъезде, сказали, что ждали ее, поделились рассадой, помогли в огороде и саду. И понеслась у Ирины Михайловны привычная уже сельская жизнь. Конечно, до прежних «объемов производства» женщина не дошла, да и зачем? Надрываться? Но озаботилась все равно достаточно, чтобы дни пролетали, и на тоску-печаль времени особо не оставалось.

Деревня разрослась в последние годы, надо сказать, и превратилась скорее в коттеджный поселок: укатали приезжие дорогу, летом наезжали бабули-дедули с ребятишками. По выходным — городские «шашлычники» оживляли деревенский пейзаж.

У Ирины приезжие покупали молоко, сыр, зелень, ягоду садовую, яйца. Ульи она продала еще зимой, однако покупатель вернул парочку, так что и с пчелами она опять связалась. Ну и рукодельничала помаленьку вечерами — до заката или в дождь.

И читала фэнтези! Не «заходила» ей серьезная литература. Грусть нагоняла. Другое дело романчики про магов, попаданок, драконье волшебство, истинные пары и прочую сентиментальную «дамскую» прозу почитывала с удовольствием. Где-то посмеивалась, как гладко да сладко проходила тамошняя романтическая жизнь героев и героинь: все-то они

умеют, все-то им удастся. Где-то, как ни странно, узнавала нечто новое для себя, особенно в книжках «бытовое фэнтези» — жанр этот ей приглянулся. Интересно подчас авторы описывали применение героинями (в основном Ирина читала женское словотворчество) земных знаний и навыков в иномирной действительности.

«Вот, правда, а что бы я на их месте сделала? Ну, или случись что-то подобное здесь, выживу?» — задавалась она вопросом, чисто теоретически. И честно отвечал: скорее да, чем нет. Но это так, несерьезно. Хотя иногда и заносило: вдруг да есть другая жизнь? Ведь никто еще не доказал, что ее нет.

Ирина Михайловна с возрастом все чаще задумывалась о смысле и содержании жизни человеческой, страшновато, однако, умирать... А придется, немного осталось... И что, все так и закончиться? А душа-энергия ведь, она не исчезает и не возникает из ничего, так ведь? Брр, от таких размышлений женщине становилось не по себе, и она старалась уйти на другую тему. «Я подумаю об этом завтра» — как завещала нелюбимая ею, правда, Скарлет О*Хара. Но сама установка нравилась, оптимистичненько.

Лето — осень пролетели, Ира закрыла дом, договорилась с добрыми соседями, что проживали в деревне постоянно, о временном содержании некоторой ее живности, нагрузила нанятую машину банками-мешками с плодами своего труда и вернулась к сыну, йоге, бассейну и так далее.

С тех пор, вот уже пятый год, она приезжает к себе на «fazенду» ранней весной с рассадой, семенами, саженцами и всякой прочей, необходимой в хозяйстве, мелочью, чтобы прожить здесь до холодов размеренной и относительно спокойной жизнью пенсионерки. Зимой же — город, квартира, курсы и сериалы.

Общенья хватает на занятиях и по телефону с оставшимися еще приятельницами, хотя с годами потребность в этом становится всё меньше. Разговоры о внуках? Их так и нет. О болячках? Приятного мало. О любви? С кем, простите? Смешно. О прошлом? Грустно.

Нет, она как-нибудь с крючком, спицами, дорамами, бассейном перезимует. Вот еще лоскутное шитьё освоит, машинку даже купила — и вообще красота! Сидишь, собираешь треугольнички-квадратики, компануешь разноцветное полотно и душа радуется! В доме от этого хенд-мейна уютно, весело! Хорошо, короче.

День уступил место сумеркам, от земли потянуло прохладой. Чай выпит, пора помыться после трудов праведных (благо, вода теплая в достатке, спасибо АГВ) и баиньки...

Уже лежа в постели, Ирина Михайловна подумала, что с утра, может, в райцентр рвануть, прикупить селедочки, в «Ткани» зайти, хотела в подарок прихваток настегать бывшей коллеге — та собиралась в выходные навестить. Просилась в баньку, чтоб с веником, потом в речку. Потом самогоночки с огурчиком и песню на ночь глядя. Йехуу!

Задуманное удалось. Утром сосед подбросил Валиеву до райцентра, где она пробродила целый день, «пошопилась», умудрилась в СПА-салон на массаж попасть (внезапно). Маникюр-педикюр — тоже повезло, без записи, это ж надо! Ирина была довольна как слон.

И тут погода резко начала портиться: откуда ни возьмись, натянуло облачность во все небо, похолодало, потом начал собираться туман, и когда женщина села в автобус, видимость снизилась весьма заметно. Стало как-то тревожно, но ехать надо, дома скотина не кормлена. Отправила сыну СМС, поцеловала виртуально. Чего бы? Она и сама не поняла порыв, наверное...

«От райцентра до проселочной дороги к Дворикам моим езды — полчаса или около того, а там пройти метров 500 — и деревня. Дорогу укатали, вдоль поля идти не так страшно, даже в темноте, огни в домах видны, проблем быть не должно»- убеждала себя Ирина Михайловна, пока автобус крался (по другому не скажешь) сквозь все уплотняющийся туман. В салоне было на удивление тихо, пассажиры сидели явно в напряжении и с завистью провожали взглядами тех, кто выходил. Считали, видимо, что им повезло: они раньше, до полной темноты, доберутся домой.

Ирина вышла у перекрестка и еще видела, куда идти, автобус уехал. Но стоило ей ступить с шоссе на проселочную дорогу, как видимость пропала напрочь. Женщина растерялась. Что делать? Идти на ощупь? Как? Но не стоять же!

Включила фонарик на телефоне, опустила луч вниз и, осторожно переставляя ноги, двинулась вперед. Кляла себя на чем свет стоит: и что ее понесло, идиотку, сидела бы дома сейчас и в ус не дула! Селедочки, понимаешь, захотелось, тряпочек! Как есть, дура старая!

Ругалась Ира, чтоб не так жутко было, и шла — медленно и печально. По ощущениям — деревня уже рядом: запахи знакомые, вроде, и собаки где — то пролаяли. «Еще чуть-чуть, Ирочка, и ты дома» — подбодрила себя женщина. И вдруг под ногу ей попал то ли камень, то ли, наоборот, ямка, она не поняла, но шаг сбился, и Ирину как толкнуло вперед. Она еще

неловко пару раз шагнула и упала: сначала на колени, потом как-то завалилась на бок, ударилась локтем обо что-то, вскрикнула от резкой боли и покатилась вниз. Прямо чувствовала, что катиться, переворачивается, цепляются за брюки какие-то сучья, потом вроде услышала треск разрыва ткани, вскрик (её?), острая боль в виске и полная темнота и тишина.

Не родись красивой, а родись счастливой.

Примерно так рассуждали жители Вельшского повята Градовского обвода Подоленского воеводства Великого герцогства Лях-Поляцкого, что граничило с Королевством Фризия — на западе, Царством Русичей — на востоке, с входящими узким клином от Холодного моря на севере промеж него и русичей землями, на которых с давних пор селились воинственные нордманы, управляемые избираемым на совете племен конунгом и Степным каганатом на юге, когда вспоминали о скандале, связанном с семейством пана Добруджанского, владельца самого большого поместья на территории повята.

Тема была свежей и весьма пикантной на вкус местной публики, поскольку какие еще происшествия могут взбудоражить сонное марево сельской глуши, как не известия о несчастьях, свалившихся на голову представителей одного из древних и знатных родов герцогства, в одночасье превративших их из почитаемых небожителей в презираемых грешников. Проживающие в ежедневной рутине селяне и горожане, а уж местные аристократы — тем более, с наслаждением следили за перипетиями происходящего в поместье Добруджа, обсасывая любую подробность, доходящую до их сведения, неважно, правдива она или нет.

Вообще, семейство это было на устах толпы последние пять лет, с тех пор, как умерла панна Славия, госпожа поместья, уважаемая местными жителями за доброту, благонравие и благочестие, а также за хозяйственную сметку, позволившую процветать землевладению и округе. Поскольку работы хватало, селяне и горожане были сыты, за здоровьем жителей, с легкой руки панны Славии, следили несколько лекарей, а духовность и некоторая образованность населения поддерживалась святой церковью при попечительстве все той же госпожи Добруджа.

Сама панна Славия была не отсюда родом, а откуда точно, местные особо не задумывались — вроде как с востока. Привез ее молодой тогда пан Тадеуш совсем юной девушкой из поездки очередной, поскольку состоял он на службе в Посольском приказе при Великом герцоге и разъезжал по свету чаще, чем сидел в родовом поместье. Иноземка была красива: глаза большие, синие, волос долгий, рыжевато-пшеничный, личико белое, сама хоть и тоненькая, но все при всем, говорила певуче так, была уважительна, степенна, деловита. А уж из какой семьи — знатной либо купеческой — сплетникам выяснить не удалось. Одно знали точно — сирота. Но с приданным.

Прижилась панна в повете сразу, как родилась тут. Может, красой взяла, но скорее — хозяйским умением. И то сказать: сам-то пан Тадеуш в дела поместья не вникал, отсутствовал больше, а управляющий пользовался и драл с селян три шкуры, да и городок центральный обирал не по-детски. Владелец в короткие наезды ходоков от «обчества» выслушивал, обещал разобраться, но, за приемами да увещеваниями управляющего и мешочками с золотом на расходы, реально ничего не предпринимал, уматывал в очередной вояж, а местные оставались терпеть.

Госпожа Славия сразу в дело вошла и взяла в оборот управляющего: учетные книги проверяла лично, разговаривала с главами деревень, городским головой, слугами в поместье, и по итогу выгнала зарвавшегося управленца в шею, предварительно выпоров публично на

городской площади; те же, кто ему помогал, сбежали сами.

В течение 15 лет иноземка превратила поместье Добруджа в богатое крепкое хозяйство, заслужив уважение всех и вся, ее даже герцог привечал. Ничто не оставалось ею не замеченным: по полям ездила в любую погоду, следила за дорогами, поборами не угнетала, разрешала пользоваться хозяйскими лесами- без фанатизма, конечно, не щадила лодырей и воров, помогала жителям советами, решала проблемы. В общем, была матерью народа, так сказать. А вот семейная жизнь господ не удалась...

Пан Тадеуш был красив, статен, обходителен, успешен по службе, но дома бывал редко, жену воспринимал больше как источник благосостояния и чрево для наследника, которого от нее так и не дождался, увы: Славия родила единственную дочь, Арину, через два года после свадьбы, все же последующие беременности заканчивались либо выкидышами, либо младенцы не доживали и до года. И с каждой неудачей отношения супругов все более и более ухудшались.

Когда Арине исполнилось 13, панна Славия умерла: очередная беременность закончилась выкидышем, и после неё госпожа с постели уже не встала, тихо отойдя в мир иной. Супруг не явился даже на похороны, прислал нового управляющего и начал жить холостяком в столице. На дочь и раньше внимания особо не обращал. А теперь и вовсе забросил: лишь изредка управляющий, господин Врочек, передавал ей короткие записки от отца — ничего не значащие, холодные, безразличные, типа: «Как учеба? Здорова ли?». За положенные три года траура пан Тадеуш в поместье не показывался ни разу, что не могло не отразиться на отношении местной публики к Арине: про неё не вспоминали аристократы, не уважали слуги в доме, даже церковники пренебрегали разговорами с девочкой.

Все повторилось: управляющий начал чувствовать себя хозяином в поместье, но работать не желал, вернулись непомерные поборы, чтобы обеспечить потребности владельца: пан Тадеуш ограничивать себя в тратах определенно не стремился. Постепенно поместье приходило в упадок, слуги разбежались, усадьба разрушалась...

Арина, в силу молодости, на процесс этот никак повлиять не могла- кто станет слушать малолетнюю панночку, пусть даже и наследницу? Мать ею, при жизни, занималась, знамо дело: и сама учила по хозяйству, и учителя жили в усадьбе. Оно, и панночка была, несомненно, талантливым ребенком: грамоту освоила рано и быстро, любила читать, играла на клавесине, с сеньными девками рукодельничала, за цветами в саду ухаживала — все, как положено юной аристократке. Но теперь, сиротой при живом отце, стала тихой и задумчивой, незаметной даже в стенах родного дома.

На содержание девочки управляющий не тратился — отцу не надо, а ему зачем? Учителей рассчитал, клавесин продал, кормил плохо, а то и забывали слуги к столу позвать, про наряды и вовсе Арина не заикалась-боялась, что напомним, а ее и совсем со свету сживет Врочек, сладу с ним не было. По мере взросления девушки, смотреть он стал на панночку как-то по-особенному, будто примерялся.

От таких взглядов Арине становилось не по себе, хотелось помыться, настолько грязной она себя чувствовала. К чему такой интерес управляющего может привести, девушка понимала: не в лесу жила, игрища молодежи дворовой видела, чем порой кончаются перегляды да смешочки по углам знала. Поэтому старалась отсиживаться в комнате, по дому ходила с оглядкой, чтобы лишний раз с управляющим не встречаться, да и не только с ним — от молодых парней также пряталась. И боялась — чем дальше, тем больше.

Тревогу девушки разделяла ее кормилица Дина-единственный близкий человек,

оставшийся рядом. Женщина переживала за хозяйку как за дочь, писала пану про житие наследницы, просила позаботиться о ее будущем. Но все письма ответа не имели: то ли отцу было наплевать, то ли не доходили до него жалобы. Так и жили две женщины в тревоге и небрежении.

Траур закончился, Арине исполнилось 16, стать родительская в ней проявилась в полной мере: девушка была очень красива, похожа и на Тадеуша, и на Славию сразу. Высокая, 2 аршина 6 вершков (примерно 168 см), коса до пояса рыжеватая, как у покойной матери, брови прям рисованные, ровные, ресницы темные, густые прятали большие синесерые, грозовые очи; ходила степенно, говорила спокойно, негромко, но веско, не лепетала дурочкой. Только вот стройность ее походила на худобу, да и бледна, пожалуй, была излишне, но такая невеста-подарок. А вот женихов на горизонте не было. Будущее разоряемого поместья надежд на приличное приданое не оставляли, а одной красотой сыт не будешь.

Да и некому было о замужестве панны Арины печься, ее отец сам жениться надумал: овдовевший дипломат пустился во все тяжкие, менял любовниц, кутил, на балах в столице молодых девиц смущал, выбирал побогаче. Со службы ушел, что-то не заладилось, темное дело, по слухам, опять же: испортились вдруг его отношения с герцогом, в немилость попал. А за что, почему — в повете никто не знал.

Арину слухи напрягали, тревожили, все свои страхи она доверяла кормилице да дневнику, который вела с тех пор, как умерла мать. Девушка чувствовала беду...

И она грянула, да так, что мало не показалось.

Пан Тадеуш был обвинен в государственной измене (о причинах слухи разные доносились, а доподлинно ничего не было известно, по крайней мере, дочери преступника никто ничего не сообщил), лишен всех титулов и званий и отправлен на рудники, поместье конфисковано и передано доверенному лицу великого герцога в управление. Бывшей наследнице, в память о ее матушке, жизнь сохранили, но высочайшим указом велено было съехать ей из усадьбы в месячный срок и более на глаза властям не показываться. Никогда.

Арина от таких известий умом не тронулась, но в горячке провалялась неделю. А когда очнулась, началась у нее другая жизнь...

Сначала Ирина Михайловна почувствовала запах — неприятный, какой-то кислый: так пахли бомжи в электричке и ее сосед-пьяница Серега, после недельного запоя приходивший опохмелиться и стрельнуть сигаретку. Открыть глаза не получилось — веки будто пудовые, тяжелые. Во рту сухо, язык словно спекся с нёбом, а тело ощущалось палками избитым, как после высокой температуры бывало.

«Заболела я, что ли? И как умудрилась? На земле полежала, простыла? Да где?» — мысли ворочались еле-еле. Да и голова чугунной казалась, как с бодуна. Классические признаки последствий сильной простуды, определилась с состоянием своего организма Ирина. Давненько такого не было, и на тебе, сподобилась. Теперь бы встать как-нибудь, врача вызвать или хоть соседке Зойке кликнуть, чтоб пришла, помогла.

Пока Ирина определяла для себя порядок действий, вокруг нее что-то начало происходить: скрипнула дверь (?), послышались шаги, потянуло прохладой (сквозняк?) и какими-то травами, сквозь закрытые веки мелькнул свет и пропал. А прямо над ухом запричитала-заплакала какая-то женщина:

— Панночка, девочка моя, очнись уже! Седьмой день пошел, лекарь говорит, не жилица ты, коли не проснешься! Как я жить буду без тебя, что матери твоей на другой стороне скажу? Не уберегла дитя? А как убережешь-то тут, когда отец родной бросил без защиты и помощи, да еще одарил грехом, окаянный! И сам сгинул, и тебя, невинную, под такую беду подвел! Изменник, против герцога выступил, говорят... Был непутевый, паразит, не ценил госпожу мою, уморил, сердешную, раньше времени, по миру пустил тебя, дитяtko! Вот и поделом ему, супостату! На рудник ему дорога, так и надо! А ты, Аринушка, поднимайся, оклемаешься, да и уедем мы отседова, пропади он, титул этот, да и усадьба, пропадом!

Женщина переместилась, вроде села на кровать (?) рядом с Ириной, потому что голос стал доноситься чуть слабее, но говорить она не перестала:

— Вот как в воду глядела матушка твоя! Перед смертью вызвала меня, и один на один, за закрытыми дверями взяла с меня клятву перед Богом, что не оставлю я тебя до кончины своей, чтобы ни случилось. А я-то и без клятвы тебя не оставлю, как бросить единственное дитя, хоть и неродное, а роднее нету! Так вот, еще наказала увезти тебя на ейную родину, если станет не вмоготу здесь жить или отец силком замуж решит отдать: после 16-ти то годков принято девок сватать да венчать. И коль ты согласишься уехать, с пана Тадеуша она слово взяла и герцогу отписала просьбу свою, что не будут тебя неволить ни в чем и отпустят на все четыре стороны. В Царстве Ружском осталось у нее, под присмотром доверенного человека, сельцо наследное, Древлянка. Сказала, что ты сообразишь, как добраться туда и найти и село, и человека. Все то матушка твоя в письме описала и велела передать тебе в нужное время, не раньше. Потом сняла с себя цепочку с ключом, надела мне на шею и дала в руки маленькую шкатулочку, от которой ключ тот. «Это — говорит, — Дина, важно очень, сбереги. Арина потом поймет, что делать.»

Невидимая рассказчица всхлипнула.

— Плохо ей было, бедной, с трудом продолжала, но заставила меня из сундука достать куль: в шали шелковой письмо тебе, какие-то еще бумаги, по виду — гербовые, несколько мешочков с монетами и драгоценности, в тряпице завернутые. Я смотреть не стала, не моё дело, госпожа сказала, где что. Приказала все на себя, под юбку, пристроить и вынести, а

потом до времени схоронить от чужих глаз. Про тетради свои и наряды сказала: уберите после похорон куда-нибудь осторожно, понадобятся вдруг дочке. И отпустила меня уж под утро... А сама, бедняжка, по утру и преставилась, храни Бог ее душу в посмертии!

Вот и настал день такой, что сбылись матушкины опасения: не жить тебе, милая, здесь, хоть и не по своей воле, но в путь указанный собираться следует. Ты только приди в себя, очнись, дитяtko, а я с тобой хоть на край света пойду. Я не старая еще, работать могу, голодать совсем не будем, а если там люди верные, то помогут тебе, защитят ради матери твоей. Выживем! Отсюда уедем, и все будет ладно! Ты очнись только! — сказала соседка и опять заплакала, тихо, горько так.

К концу монолога Ирина уже совсем очухалась. Анализировать полученную информацию пока не получалось, но одно она поняла: не ввали романчики-то, ежь твою рожь, попала ты, Ирина, попала! И тональность в голове относительно этого была как в поговорке: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день». На этом мысли запнулись, и она открыла глаза.

Потолок, довольно высокий, в углу паутина видна даже при дрожащем свете свечи, стены грязно-серые, темные. В ногах у нее сидит, склонив голову и сложив руки на коленях, полная женщина в чем-то тоже темном, но с чепцом на голове.

«Как в кино про средневековую Англию — почему-то подумала Ирина. — Пить хочу. Как ее зовут? Дина?»

— Дииннаа, пить... — проскрежетала просто, горло драло, губы сухие.

Женщина, сидевшая рядом, вскинула голову, вперила в нее взгляд отчаянный и бухнулась на колени перед ложем (кровать? лежанка? топчан? Жестковато для матраса, вроде, прям доски голые.

— Аринушка, очнулась, ласточка моя! Не оставил Бог тебя! На, попей скоренько!

Служанка Дина резво схватила с табуретки рядом плоску типа пиалы, поднесла ко рту Ирины, потом охнула, поставила назад и приподняла девушку (ну да, теперь девушку), просунув руку ей под голову, а второй подпихнув кое-как под спину подушку. Заплакала, погладила Ирину по голове, опять поднесла плоску ко рту:

— Пей, радость моя, отвар травяной, лекарь оставил! Пей! Ох, будем жить, будем!

Ирина пила теплую жидкость, глаз не поднимала, сосредоточившись на процессе, и оживала.

— Еще...

— Да, да, сейчас принесу, — заторопилась Дина и выскочила за дверь.

«Ну-с, попаданка Валиева, жить будем? Раз дали силы небесные отмашку, прими и не ропщи. Значит, будем жить, будем, только не здесь, однозначно. Расклад, описанный Диной, не нравится совсем. Надо собраться с силами, по максимуму разобраться с ситуёвиной нынешней, хоть немного выяснить «Что? Где? Когда?». И валить отсюда как можно дальше, пока власти не передумали. А то с них станется».

Усевшись поудобнее, Ирина огляделась. Каморка, не иначе на чердаке, квадратов 10, окно высоко, но стекла, хоть и грязные, есть. Полы, стены — камень голый, в углу вроде печь-голландка или такой камин, без дров. Под окном — комод, на нем свеча, почти огарок, но еще горит. Рядом на полу — ночная ваза, судя по запаху. Лежанка, на которой она, Арина, то есть, сейчас возлежит. И табурет. Всё.

«Да, негусто... Точно деву не баловали. Ни тебе балдахина, ни трюмо какого, портьер, кресла бархатного... Ну, что там еще описывали романы? Даже кровати нормальной не заслужила наследница. Доски голые».

Ирина вытянула из-под покрывала непонятного происхождения руку: запястье тоненькое, на ладони косточки видны, а пальцы длинные.

— Музыкальные, — протянула Ирина.

Осмотрела грудь, откинула покрывало: сорочка с длинными рукавами из льна(?) прикрывала тело от горла до пят, грубоватая, но терпимо. На ногах — носки вязаные, колкие, но теплые, а ведь в каморке совсем не жарко. Ирина с трудом подняла руку и ощупала голову: коса есть, толстая, цвет непонятный, не черный, точно. Дотронулась и до лица: вроде кожа без прыщей, гладкая, только явно не мытая, как и тело, давно — липкость чувствуется. Ну да, болела неделю, а до того когда мылась, неизвестно. Нос маленький, губы потрескавшиеся, сухие, но полные, подбородок тоже вроде ничего. Ладно, это потом, надо встать сначала. Вздохнула, прислушалась — идет кто-то. Дина?

— Вот и отвар, дитяtko, и бульончику немного прихватила. Повар не готовит совсем, ждет нового хозяина, так я тайком в деревню днем сбегала, тетку Вейру, старостиху, упростила курицу для тебя сварить, как чувствовала, что ты нынче в себя придешь, — протараторила женщина и поставила поднос с плошками на табурет, подвинула его ближе и спросила, — Ты что сначала выпьешь? Бульон тепленький, я его уж так кутала в шаль шерстяную, тулупом накрыла, не совсем остыл.

— Бульон.

Дина поднесла плошку, и Ирина мелкими глотками выпила чудный, вкусный куриный бульон, подождала немного, подышала и попросила отвар. Но его одолеть не смогла — глаза стали закрываться.

— Я посплю. Ты не уйдешь, Дина?

— Нет, нет, милая, я здесь, с тобой буду. Я тоже подремлю рядом. Отдохнуть надо. Спи, ласточка, спи! Теперь все будет хорошо. Хвала небесам! — сказала женщина, устроилась в ногах подопечной, прислонившись к стене, и задула свечу. Темнота. Ирина так и уснула полусидя, успев едва подумать: «Это ж надо — девушка...»

Проснулась Ирина Михайловна от желания посетить туалет, открыла глаза и ... Вспомнила! Она же куда-то в кого-то перенеслась! Точно! Арина!

Додумать не смогла: зов природы оказался сильнее разума. Ирина кое-как сползла с топчана (ну не кровать это!), выпрямилась и направилась к стене, у которой (не ошиблась!) на полу стояла посудина с крышкой, судя по запаху, явно предназначенная для того, что Ирине сейчас крайне необходимо. Решив первоочередную в этой реальности проблему, Ирина вернулась к лежанке и плюхнулась на неё. Слабость имела место быть.

Огляделась: ночные впечатления, в основном, были верны. Каморка, грязная, холодная, убогая. Женщина, завалившаяся на лежанке в углу на бок, тихо похрапывала. «Устала, видать, до смерти... Кто она Арине? Кормилица? Нянька? Что, впрочем, может быть «два в одном». А что? Скорее всего, это так и есть,» — подумала Ирина и решила лучше рассмотреть единственного человека, с которым, судя по всему, ей придется разделить в этой новой жизни многое.

«Странно, но я ведь не удивляюсь тому, что испытываю сейчас. Я спокойна как удав. Почему, интересно? Еще не осознала масштаб бедствия? Или это эффект переноса действует, а потом накроет? Или я в душе к чему-то подобному и стремилась — вторая жизнь? Потому мне нормально? Да я, вообще-то, истеричкой и паникершей никогда и не была... А тут перспектива путешествия, новизны, молодость, опять же... Так, ладно, все рефлексии позже. Как себя вести — вот в чем вопрос! Быть или не быть? Как там писали: амнезия наше всё? Смешно, но ничего другого не остается: тело что-то не спешит делиться воспоминаниями о прожитом. Будем решать проблемы по мере их поступления. Дину... Кстати. Как к ней обращаться? Она вроде не возражала, что просто по имени. Или это в состоянии аффекта она не врубилась? На радостях, что девочка очнулась? Лучше, наверное, больше молчать, вопросы задавать по мере надобности, а про беспамятство скажу, авось, прокатит. Должно! Иначе будет сложновато, а не хотелось бы еще больше подводных камней насобирать. Ну-те-с, Дина, что ты зверь невиданный?»

Ирина слегка повернулась к спящей женщине. Полная, но не толстая, в чепце либо старом, либо давно нестиранном, блуза-крестьянка, по горловине и низу рукавов вышивка крестом, юбка широкая в пол, вроде льняное все, только тоже как грязное, ну или краска такая, ближе к коричневому, немаркому.

«О, нижняя юбка есть, по-светлее, похоже на ту, что на мне. На мне? Да, теперь — на мне, Арине. А фамилие моё? Это не спросишь. А читать-писать я смогу? Дай-то Бог!!! Очень дай! А то пропаду, как швед под Полтавой! Да нет, должны быть и у меня эти, как их? Плюшки попаданские! Мне много не надо: грамоте да счету разуместь, а с остальным — разберусь!»

Осматривать няньку, Ирина продолжила беседу с собой.

«Так, ноги в ботиночках, заношенных. Но не лапти, и то хлеб. Лицо... круглое, славянского типа, чистое, морщин явных нет. Примерно 45–50 лет, хотя кто знает, как тут люди живут. Вон, в 19 веке в России 30ти летние дамы старухами считались. Старуха Ларина... Да и были, наверное, таковыми. В деревнях-то точно. А в целом, она ничего так, отторжения не вызывает. Будем дружить, мне без нее пока никак нельзя».

— Арина, проснулась уже? Как ты? Кушать хочешь? — упомянутая Дина выпрямилась, протерла рукой лицо, стряхивая сон, поправила чепец, встала.

«Высокая нянька, 1.75, не меньше, статная. Не красавица, но заметная. Характер есть, вон как стоит прямо, глаза честные, забота в них и ласка. Вот чувствую, сильная тетка. Сойдемся».

— А есть чего? Принеси. И еще помыть бы. Тяжко телу.

— Ой, милая моя! Конечно! Уж ты так горела, потом потеть начала, рубаху хоть выжимай! Но я боялась трогать тебя, так только обтирала чуток. Воды я нагрēju, Миколку попрошу, принесет лохань сюда, пока не начал работать, поесть сама на кухне кашку состряпаю, может, не всю крупу Евлай пропил. А нет, так потихоньку помоешься, переодену да вниз, в людскую, сойдем, а там до старости помаленьку доведу, накормит. Душевная она женщина, тебя любит и жалеет завсегда. Может, и баньку натопит, да хоть завтра; у них и переночуем, в сарае сенном, что тут в мешке этом каменном сидеть! Лето ведь, не замерзнем. Пару дней поживем у старости, полегчает тебе, вернемся сюда, соберем пожитки и айда! Ты письмо матушкино прочтешь, поймешь, куда ехать, я найму повозку, а то управляющий новый, бают, вот-вот приедет, хоть и указывали, что месяц ждать! Не надо, чтоб он тебя застал здесь, от греха подальше уйти бы! — в волнении закончила речь Дина.

— Хорошо, как скажешь. Я тебя слушаюсь во всем. Я как-то странно себя чувствую, Дина... Как в тумане. Помню плохо, что до болезни было... Вот начну думать, а в голове — шум, и болеть она начинает. Это как?

— Ох, ты ж, девочка! Не волнуйся, все пройдет. Лекарь говорил, что ты можешь не проснуться или можешь умом тронуться от мозгового воспаления, пугал меня до дрожи! Такая горячка у тебя была... А я не верила, день и ночь за тебя молилась, и бог вернул мою ласточку из-за грани! Не спеши, не страшись, все будет хорошо! Посиди-ка, я за водой пойду!

Нянька всхлипнула, потом улыбнулась, погладила Ирину по голове и широкими шагами вышла за дверь.

«Вот и отпала необходимость выдумывать оправдания, оказывается, беспамятство, с легкой руки местного эскулапа, на мозговое воспаление можно списать! Вот и ладненько! Спасибо, мир, неизвестный землянам! И тебе, Арина, спасибо. Пусть душа твоя найдет место лучшее! Я тебя не забуду».

Рассудив так и обретя некое душевное равновесие, Ирина Михайловна сидела на лежанке в ожидании обещанной лохани и воды, на время откинув думы о том, как жить дальше. Просто сидела, вперившись взглядом в оконце, где, даже сквозь серый налет на стекле, становилось все светлее и светлее — день набирал силу. Звуки снаружи доносились слабо, но вроде скрип колес, разговор невнятный, птичьё то ли чириканье, то ли трели короткие. Первый день от попадания вступал в свои права.

Через некоторое время за дверью послышались шаги, она распахнулась, и в каморку, пыхтя, ввалился молодой парнишка с большим деревянным продолговатым тазом в руках. Вошел, поставил лохань(?) на пол, выпрямился и буркнул:

— Здорова будь, панна Арина! — после чего низко поклонился и продолжил, — Хорошо, что очнулась, мы тут переживали за тебя...Ну, многие. А уж тетка Дина да старостиха — так те прям извелись.... Ты уж, эта, не пугай их больше-то....

Парень вздохнул, провел по вихрам рукой и продолжил:

— Вот, лохань принес, нянька воду греет, я пойду пока. Ты подожди малость. Вот, яблочко пососи, есть-то тебе его еще рано, а рот освежит. Это ранние, с саду, я его обмыл, не бойсь! На, а я пойду... — протянул на ладони извлеченное из-за пазухи небольшое зеленое яблочко и выскочил за дверь.

«О, брат, как, — улыбнулась Ирина, держа в руке презент. — Похоже на белый налив. Интересные отношения. Вроде и панибратство, и нет-с уважением он к Арине-то, смущался, но все равно сказал. Значит, есть здесь те, кому девочка небезразлична, это хорошо! Как его звать-то? Микулка? Нет, Миколка? Дворовый? Так вроде? Да и какая разница, потом разберусь в социальной пирамиде. Сейчас бы помыться, чешется все...Господи, а как волосы-то промыть? Или уточнить про баню и уж там — до скрипа?»

Додумать Ирина не успела: вернулся Миколка с двумя деревянными же ведрами воды, от которой шел пар — горячая. Одно сразу вылил в лохань и сказал:

— Это... Счас еще поднесу, и тетка Дина следом идет, еды вроде сготовила втихую, и одежду чистую достала. Яблоко-то как?

Ирина надкусила фрукт и начала сосать, не жуя — сочное.

— Спасибо, Микола!

— Да ладно, на пользу! Я-за водой!

Парень заулыбался во весь рот, почесал в затылке и опять умчался. Подросток, лет 16-ти, ровесник Арине, наверное, худощавый, но не тощий, высокий и плечи широкие. Мужик будет видный: шатен, волосы вьющиеся, глаза темные, карие, наверно, веснушки на небольшом носу, уже и загореть успел; как Дина, круглолицый (родня?), губы пухлые, а на подбородке — ямочка! Одет в такого же, как у няньки, цвета и материала широкие брюки (скорее, шаровары) и рубаху свободную по колено и подпоясанную веревкой. И босой. Не положено или летом и так сойдет? Что за глупости в голову лезут...

Ирина откусывала яблоко, слегка пережевывала, высасывала кисло-сладкий сок и сплевывала жмых в ладошку. Прав парень, сейчас ей в пустой желудок такой продукт вреден, а свежесть сока утоляла жажду. Через некоторое время в комнатку снова зашёл Миколка с ведрами и Дина — с подносом с плоской и 2-мя кружками и большим свертком под мышкой. Принесенное женщина сгрузила на лежанку. Парень поставил ведра на пол, покрутился и был изгнан улыбающейся нянькой со словами:

— Иди уже, охальник! Позже умыкни подводу, в деревню поедem, к Вейре. И не говори лишнего во дворе-то! Очнулась, мол, паненка, а большего ты не ведаешь. А подводу я просила, чтобы Арину в баню отвести да в храм, требу провести за здравие, но ты всем это не говори, только если Петор-конюх спросит, ему можно. И быстро давай!

Микола ушел, а Дина выплеснула еще одно ведро в лохань, потрогала воду рукой и

обернулась к Арине:

— Пока чуть горяча, но пол холодный, остынет быстро. Так что ты скидывай рубаху и в лохань на коленки, я волос подберу, вот, корень мыльный намочим и тряпицей оботрём, а потом чистую одежду, на голову платок замотаем. Ну, давай, милая, скоренько!

Ирина не стала ломаться в ложной стыдливости: наверняка для прошлой панны было привычно, что нянька ее моет, а уж Ирина Михайловна давно стесняться в бане перестала. Да и доставшееся тело хотелось рассмотреть, принять его как часть себя. Хотя она по этому поводу дискомфорта не ощущала, главное, молодое, а кости целы — мясо нарастет! Эх, зеркало бы еще, но это позже... Мыться. Мыться!

С такими мыслями Ирина/Арина распустила завязки горловины и через голову сняла длинную рубаху, бросила на пол и ступила в лохань. Ноги закололо — горячо! Однако не так, чтоб не стерпеть, привыкла быстро. Постояла, оглядела себя и опустилась на колени. Лохань небольшая, но Ирина в ней поместилась.

Дина тем временем успела сверток на лежанке разобрать, подвинуть табурет ближе и разложить на нем нечто серое комком и кусок полотна примерно с пол-метра длиной. После чего взяла растрепанную косу девушки и обернула вокруг ее головы, закрепив волосы шпильками — так показалось Ирине. Тряпку намочила, потерла о серое нечто (мыльный корень?), велела подержать, а сама зачерпнула кружкой воды и стала поливать подопечную, сначала со спины, потом и спереди.

— Вот и славно, вот и хорошо! Унеси вода хвори, очисти от болезни мою ласточку, смой беды-огорчения, яви здоровье, даруй легкость телу и силу духу! — приговаривала Дина.

Ополоснув девушку, быстро начала тереть тряпицей спину, руки, живот грудь, слила, еще раз натерла, опять ополоснула, велела встать и повторила процедуру с ногами. Ирина молчала, отдавшись ее рукам. Вода действительно творила чудеса! Даже вот в таком «кривом» исполнении: становилось явно легче, но и подмерзать Ирина тоже стала.

Дина ускорила, заметив, что девушка поежилась.

— Сейчас, милая, сейчас. Ты вот на рубаху встань, я грязную воду в ведро вылью и чистой тебя окачу, давай!

Ирина выполнила указание, а Дина — свои слова. Делала женщина все споро, но без суеты и аккуратно: на полу воды почти не было. Помытую девушку завернула в большее полотно, промокнула и, выхватив из свертка сначала длинную рубаху — тоньше прежней и белее, быстро надела ее на Ирину. За рубахой последовало платье-сарафан: с глубоким вырезом, с рукавами до локтя и длиной до щиколотки. Вместо пуговиц — широкая шнуровка, вроде корсета получилось, и утягивало это и со спины тоже, по кругу. Ткань платья напоминала лён, а может, он и был: гладкое синее полотно, по рукавам и подолу — редкая вышивка, цветы какие-то.

Дина удовлетворенно осмотрела девушку, огладила сверху до низу и, подведя к лежанке, указала на поднос:

— Поешь, милая, кашки, да взвар выпей. Потихоньку, позже у Вейры хорошо покушаешь. А я пока косу переплету. Потом схожу за Миколой, он все банное вынесет да приберется. Уж нашел, чай, подводу, через сад выйдем, неча на глаза лишний раз Врочеку попадаться, чтоб его леший уволок! Может, на скамейку сядешь, а кашу в руки?

— Хорошо, Дина, так удобнее будет, — согласилась Ирина.

Нянька освободила табурет (скамейка, оказывается) и достала откуда-то из складок юбки расческу с крупными зубьями. Ирина пересела, прихватив с подноса плошку с кашей и

ложку деревянную, простую совсем, и принялась за еду. Каша уже остыла, но всё равно показалась голодной попаданке вкусной, хоть и не понятно, из какой крупы: вроде перловки, но зерно меньше, разваренное, жуется хорошо. Каша на молоке, негустая, чуть подслащенная, даже масло чувствовалось. Дина встала сзади и начала возиться с ее волосами, попутно делясь наболевшим:

— Все будет хорошо теперь, дитятко! Не сомневайся. Уж как эти пять-то годков жили, страсть! Дадут небеса, родное место панны Славии, земля ей пухом, и тебя примет, не то, что здесь, чужачкой сделали. Верю я словам твоей матушки, не стала бы она дочь единственную во тьму посылать. Поначалу, как ее не стало, и Врочек стыд не потерял, мы неплохо жили: кухня блюда твои часто готовила, гуляли много, в деревню и в лес свободно ходили, никто и слова дурного не говорил, а уж в доме-то и тем паче.

А потом змей этот, Врочек, волю взял, без догляда-то, и порядки свои завел. Повыгонял недовольных им из усадьбы, везде своих поделльников наставил, сельчан прижал так, что и пикнуть не мог никто. Боялись, что прикопает ненароком и не сыскать потом. Было такое, грешили на него за пропажу Агнешки, прислуги панниной, уж больно он до нее домагивался, а она отказывалась отчаянно, все знали. Уж она и пряталась, и убегала, а потом пропала. Вроде как уехала с купцом. Да только не было купца никакого, да и вещи ее все в людской остались.

Чуть погода садовник исчез, Влас. Старый был, да уважаем матушкой твоей за знания и усердие. Вот он и схлестнулся с этим Врочком, когда тот сад рубить и корчевать на продажу начал. Ох, и ругал Влас его последними словами да тайные дела открыл, что ворует и казну от наследницы прячет. А народ-то слышал все, разговоры потом долго ходили. Ну и не стало Власа в одночасье сразу после того шума. Вечером видели, как шел он к себе в сторожку, а утром не нашли нигде...

Дина вздохнула тяжело, видно, что вспомнив, и продолжила:

— А уж как Врочек стал на тебя заглядываться, тут я и вовсе сон потеряла, да и ты боялась его до дрожи. Стала все больше в комнате просиживать да в библиотеке — там дверь на засов закрывалась, ела с нами на кухне, потом я еду в комнату носить стала. Так этот лиходей клавесин продал, с библиотеки засов снял, а чтоб ты смиреннее стала, велел кормить тебя хуже, дескать, придешь к нему сама, попросишь. Уважения ему хотелось прилюдного от наследницы! Мы с тобой, ежели помнишь, только благодаря старостихе-то и держались: она, божья жинка, ночью приходила через сад да приносила то сальца, то курицу отварную, пирогов, хлебушка ...

Отстал более-менее ирод только, когда Милка, швея городская, в усадьбу перебралась и в постель к нему залезла, прости Боже! А ты вот в эту комнатку поднялась, сюда ход отдельный да крутой, не набегаешься...

Ирина слушала очень внимательно, нужная была инфа, позже обмозговать ее успеет. Каша съедена, взвар выпит. Размеренные движения расчески и рук няньки расслабляли, клонило в сон, но Ирина держалась: сейчас спать никак нельзя, когда еще выпадет такой момент!

Между тем Дина всё откровенничала:

— Милка эта под стать гаду злыдня! Это она все отсюда вынесла, себе забрала: и кровать, и кресло со столом, зеркало тож. Мерзавка! Стращала нас, коль не отдадим, она Врочека сдерживать от похоти перестанет и тогда... Дрянная такая! И платья хорошие утащила, а взамен как селянке нашла пару, вот это одно на тебе. Правильно мы тогда матушкину

одежду припрятали: у старостиhi сундук стоит, там и книги ее. А что она мне тайно повелела хранить, я в склеп родовой снесла, там есть местечко. До сих пор лежит, я изредка проверяю тайком, хоть и страшно мне туда ходить! Но помолюсь Защитникам рода и иду. Так что собирать-то нам с тобой мало что надо... Да оно, налегке-то, и проще далёко идти. Ну вот, готово! Пойду за Миколкой, а ты полежи малость, передохни.

Дина подхватила поднос, рубаху, одно полное ведро и ушла. А Ирина осталась переваривать... И задремала...

Дрема — она дрема и есть, в реальность легче переходишь, нежели после сна, поэтому возвращение Дины Ирина Михайловна не пропустила, открыла глаза, потянулась, поприветствовала женщину улыбкой.

— Ты уже? А я вот вздремнула... Можно идти?

— Да, Ариша, вот, плат на голову накинь, да поглубже, мало ли, кто по дороге встретится, а ты только после болезни, не сглазили бы. И туфельки надень, босой нельзя — подала упомянутое Дина.

Туфельки напоминали балетки: узенькие, без каблука, кожаные, явно ношенные. Но по ноге сели, значит, свои. Ирина просьбу выполнила, повертелась перед нянькой, та одобрила и повела из комнаты за собой. Идти пришлось недалеко: небольшой коридорчик, потом резкий поворот и лестница каменная, крутая, как на колокольню. Свет падал на ступени из маленьких узких окошек, с непривычки точно кувырнешься в полутьме. 4 пролета, и тяжелая дверь выпустила их на улицу. Солнечный свет ослепил на мгновенье, Ирина запнулась, немного постояла, привыкая к яркости дня, и окинула взглядом местность.

Прямо перед ней на большой площади простирались остатки сада, судя по некоторым раскидистым деревьям и многочисленным неубранным пням, ровными рядами уходившим метров на 100 вдаль и в ширину чуть меньше, и кустам смородины (или чего-то, очень на нее похожего). Меж разоренных рядов буйно рос, радуя зеленью и пышностью, бурьян. Дина взяла Ирину за руку и резво потащила влево, к кустам, по неупотанной тропке, терявшейся среди густой растительности. В кустах виднелся узкий проход, туда они и нырнули, а, выйдя из сада, пошли вдоль него по такой же незаметной тропе до заброшенного пруда, обошли его и, пройдя метров 50 по лугу, вышли к проселочной дороге, где их ждал с телегой Микола.

Телега была привычного вида, с низкими дощатыми бортами и ворохом душистого сена, слегка прикрытого мешковиной, чтоб не колоться. Лошадь тоже вопросов по виду не вызывала: лошадь как лошадь, чалая, худая (как и все тут, что ли?), изредка вздрагивавшая, сгоняя насекомых.

Парень лежал на телеге на спине, прикрыв лицо согнутой в локте рукой и жевал травинку. Солнце золотило его кудри, в небе чирикали птицы, летали над лугом стрекозы и одуряюще пахло разнотравьем. Ирина остановилась, подняла лицо к небу, раскинула руки, вздохнула полной грудью и тихо рассмеялась.

— Хорошо-то как, Машенька!

— Что говоришь? — встрепелась Дина. — Садись, солнце припекает, поедем быстрее, не напекло бы голову. Миколка, трогай!

Они уселись на сено, Микола хлестнул вожжами, и лошадка неспешно потрусилась по дороге.

Телегу трясло, колеса поскрипывали, дорога уходила взад, а Ирина откинулась на дно телеги и, как ранее Миколка, уставилась в голубое небо.

«Господи, жизнь прекрасна! И небо, и облака, и солнце привычное, и деревья знакомые, и запах травы. Что за мир мне достался? Поживем-увидим, пожует-узнаем, да?»

Ирине хотелось смеяться от ощущения себя живой, но приходилось сдерживаться — неуместно сейчас, а впрочем, какая разница? Для всех она вырвалась из лап смерти, так что некоторая несдержанность должна быть простительна, ведь так? Она плюнула на

условности, повернулась и взяла Дину за руку:

— Дина, я жива! Это ведь хорошо?

— Ласточка моя, еще как хорошо! Я прям и сама не своя, боюсь сглазить, тьфу-тьфу! Старостиха ждет нас, увидит, обрадуется. Ты это, Ариша, если она не удержится и обнимет тебя, прости ее и не откажи, она такая... Ну, душевная... Врея с матушкой твоей близка была, не так, чтоб прям подруги, но по делам-то много говорили, помогали друг другу, тебя она привечала, помнишь? Да увидишь-узнаешь, сердцем хорошего человека видно...

Ирина согласно закивала головой и опять легла, только теперь она старалась смотреть вбок на пейзаж, медленно проплывающий мимо нее. Поля, лесок вдаль, какие-то злаки золотиться начали...Прям как в средней полосе России в конце июня. А здесь как сезоны отмечают? Ну, примерно также, судя по ранним яблокам и колосьям.

Им повезло: никто по дороге не встретился, и до деревни Мезги телега дотащилась спокойно.

Странно, но первое поселение нового мира не потрясло воображение Ирины. Деревня как деревня: довольно широкая улица, по обеим сторонам дома разной степени ухоженности, плетеные заборчики. Похожие на украинские хаты либо казачьи куреня: крытые соломой, в основном, крыши невысоких удлиненных построек поддерживались белеными, явно глинобитными, стенами, окошки с голубыми ставнями закрыты мелкими то ли стеклянными, но мутноватыми, то ли слюдяными рамами, наверху виднелись печные трубы, кое-где выпускающие дымок. Сады позади, куры в пыли возятся, детишки бегают. Взрослых не видно..

— Работают все в поле, да в лес, поди, за ягодой ушли, матушка твоя не запрещала в господский лес ходить, Врочек же пока не настолько осмелел, чтоб и это запретить, вот люди и пользуются, — разъяснила Дина, заметив, как Ирина крутит головой по сторонам. — Вона, Врея нас поджидает, глянь!

Ирина Михайловна приподнялась в телеге и увидела стоящую около дороги дородную светловолосую женщину средних лет в расшитой блузе и клетчатой юбке. Та, прикрыв от солнца глаза одной рукой, второй комкала в волнении передник, повязанный поверх юбки. Как только телега остановилась напротив, Врея подхватила Ирину под локоток и, причитая: «Ты ж моя дитятко, проходи скоренько в избу, я блинцов напекла, с ягодой йисть будем», — потянула через палисадник в дом. Ирина только и успела заметить побеленные известью стены да голубые наличники.

Миновав привычно-деревенски пахнувшие сени, ведомая старостихой, гостья оказалась в довольно большой, вытянутой вглубь, комнате. Справа — белая русская (?) печь, узкий длинный стол с кухонной утварью, на стене — полка с тарелками, прижатые стоймя доской, ближе к двери — бочка, на крышке — ковшик-черпак. Посредине комнаты сбитый из досок стол, лавки по обе стороны, на столе — миска с давленными с молоком ягодами и стопа блинов, накрытых рушником.

— Сидайте, сидайте! Микола, телегу-то во двор загони-ко, и тож подь сюды! — крикнула она через открытое окно. — А ко мне-то уж и лекарь утречком забежал, спросал, нет ли вестей от тебя, Динка..

— А ему-то кака корысть?

— Да не тот лекарь! Городской, панны Славии приятель, ну, ротмистр бывший, пан Збышек. Нуу, запямятовала, ни? Которого паныч наш еще выгнал, взревновав к хозяйке,

аккурат перед её, память ей вечная, смертью? Ну, вспомнила? Ты, детынька, блинца хватай и кушай, пока мы с Динкой-то балакаем.

Дина кивнула, поддерживая Врею, и, дернув ту за рукав, потребовала:

— Да говори ж ты яснее! Что забыл тут Збышек ентот? Да и откель ему про меня знамото?

— Дык постарались люди добрые, разнесли молву, что паненка при смерти, аж до Градовца. А он-то, как вернулся из Фризии, так и к нам собирался, да только помер дружок его военный, а там детишки совсем малэнькие сиротами остались, пришлось ему за семьей приглядывать. Вот он и не знал, что тута у нас приключилося. Говорит, писал письма, а ответа не было. А уж как узнал, прилетел соколом, да в Градовце его и ошарашили, что не жилица, мол, паненка, да и изгнанница теперича. Врочек, небось, злыдень, воду мутит. У него письмо к Аринушке есть, от матери, он в вечер приидет.

Дина сидела, хмурила лоб, что-то припоминая, а Ирина ела блин и, как тот кот Васька, молчала.

— Врея, а тот Збышек не Костюшко ли фамилии?

— Ну, он самый и есть. В годах, седой такой. А что?

— Так я ж его похоронила, считай. Я ж Тадеушу сколь раз писала про Арину, ответа так не дождалась, а Врочек и скажи мне, что не простил, мол, пан, жинку-то, за сомнения в ней, потому и ответа не будет, а лекаря того, что его на грех навел, поубивали на чужбине. И смеялся гаденько так. Я, дура, и поверила, и думать забыла.

— Ну, жив и годно. Панна Славия уважала его. И где ж Микола? Стынет всё. И ты, Динка, поишь, а я баньку гляну.

Врея убежала, Ирина вышла вслед, по сеням на задний двор. Ну что? Приличного размера кусок земли (соток 20–25) был весьма грамотно использован: и хозблок есть (конюшня, там и корова, наверняка), и рига, и птичник, и свинки хрюкают. Банька имеется. Огород аккуратный, плодовые деревья и кусты. Да все, на её взгляд, есть. Прямо на обложку журнала «Наша усадьба». А в поместье развал, по словам Дины. Ну да, тож господское, а тут свое. Ещё и староста. А, не ей судить. Что за зверь этот ротмистр? Вот еще один по попаданскую душу.

Однако мысли тяжелые ну никак по такой погоде да на сытый желудок в голову укладываться не хотели. И Ирина не стала их неволить.

Будет день-будет и пища. Вот помоемся как следует, поспит часик, приедет лекарь-ротмистр, послушаем, что скажет. А там и думать начнем.

Баня, хоть и черная, но отмыться до скрипа помогла, не чета лохани. Переодетая в чистое (Вреиной дочери, замужней ныне, рубаху и юбку), Ирина дошла до риги, и, бросив обнаруженную там же мешковину на сено, с удовольствием прилегла и заснула. Бабы чуть не потеряли паночку, хорошо Микола видел, как она туда пошла, а то Дину бы родимчик хватил.

Это ей Микола вечером со смехом рассказал, когда будить пришел:

— Идем, панна, лекарь приехал.

То ли со сна, то ли вообще от проснувшегося на фоне возрождения пофигизма, Ирина Михайловна бодренько почапала за парнем в дом. Не испытывая никакого волнения.

«А зря» — подумала сразу же, как только увидела вставшего из-за стола ей навстречу седого импозантного невысокого мужчину с военной выправкой.

— Здравствуй, крестница! Не чаял тебя живой увидеть! — вот те на! Новости к ночи да недобрые. — Не помнишь меня? Дядя Котюшко я, Аринушка!

Ирина Михайловна напряглась, отступила к Дине и взяла ту за руку, всем видом показывая, мол, я должна его знать? Нянька пребывала в сомнениях. Ирина решила косить под дурочку.

— Я мало что помню, простите, — глазки долу.

Этот мужик непростой деревенский увалень, лекарь, да еще и военный, определенно умом не скорбен. Хотя поговорка про военных и маневры не на пустом месте возникла. Но больно у него взгляд пристальный. Нет, несмотря на внимание, какой-то прям жути он на неё не нагнал, но виноватой себя Ирина почувствовала.

— Я разговаривал с тем, кто тебя пользовал, его великим врачевателем не назову, раз допустил, что ты в горячке столько дней пролежала, но о случаях потери памяти после кризисов на фоне нервного потрясения лекарская практика свидетельствует. Да такие бывали случаи, что человек как другой становился. Но это не к месту тема. Присядь, девочка, и ты, Дина, садись, надо серьезно поговорить.

Неназванные Врея и Микола из избы удалились и дверь прикрыли. Тактичные какие, надо же.

Дождавшись внимания женщин, пан Котюшко поведал им новости, от которых Ирина Михайловна некоторое время дар речи вызвать и не пыталась.

А дело обстояло так. Покарав папеньку Арины, поразив девушку в правах и повелев убираться к... далеко, в общем, герцог местный со временем одумался (или подсказал кто): задержав в пути назначенного в Добруджу нового управляющего, озадачил того письмом поместье принять, а деву Добруджанскую Арину ко двору доставить. А не окажется той девы на месте, найти и все одно доставить, только уже не как гостью.

Управляющий этот с Подоленским воеводой выпил за знакомство и проболтался о намерениях герцога. А воевода, бывший однополчанин ротмистра, сообщил тому о перспективах крестницы и посоветовал девицу спасти. Герцог — властитель, конечно, хороший, но до молодых девиц уж больно охочь. Делайте, выводы, господа!

Ротмистр подхватился и, загнав лошадь, примчался в Градовец, где его слухи об Арине чуть не убили. В поместье соваться он не стал, а к Врее доехал. И, слава Спасителю, узнал, что девушка очнулась, и Дина с ней.

Дина сидела блее мела. Ирина молчала. Ротмистр ждал. Видя, что дамы соображать не могут, мужчина принял на себя командование парадом, за что Ирина Михайловна была ему искренне благодарна: перспектива стать чьей-то игрушкой вместо начавшейся новой жизни ее абсолютно не прельщала.

— Дина, тебе есть, что забрать в дорогу? Славия оставила что-то? Она мне говорила, что не надеется на мужа, и что ты — единственный рядом с дочерью верный человек. — Дина закивала и вытерла выступившие на глазах слезы. — Так, отставить плачь! Прямо сейчас беги и забирай все, уедем в ночь, у меня коляска. Ать-два!

Дина подскочила и вылетела пулей из комнаты.

— Так, Арина, а теперь слушай меня. Я любил Славия всей душой и готов был остаться рядом на любых условиях. Но твоя мать не желала мне такой судьбы, поэтому я уехал. Теперь сожалею, что послушался. Да и обиделся, чего греха таить. Как мальчишка, вспылел, а ведь если подумать, она уже тогда что-то подозревала. Прости меня.

О смерти Славии я узнал только пару месяцев назад, когда вернулся на родину. Если бы не обязательства перед другом, спасшем мне жизнь во Фризии, я бы приехал еще тогда.

Когда новости о твоём отце дошли до поместья покойного, где я оставался все это время, я засобирился, но все-равно опоздал — ты заболела. Теперь уже поздно оправдываться, я понимаю, но отныне я — твой опекун, и сделаю все, чтобы помочь тебе добраться до родины Славии и устроиться там, как она и хотела. Перед моим отъездом твоя мать взяла с меня слово, что я тебя не оставлю, если с ней случится беда. Она подготовила доверенность на мое имя, новые документы для тебя и Дины (знала, что нянька тебя не оставит), и приличную сумму денег в меняльной конторе в Куяве, которую ты сможешь получить. Документы у меня, я тебе их отдам, как только доберемся до порта. Пожалуйста, поверь мне, я доведу тебя до наследного имения Славии, а там ты решишь, нужно ли тебе мое присутствие. Договорились?

Попаданка слушала ротмистра молча. Она вообще решила больше молчать, особенно с ним. Ирина Михайловна по природе своей была не то, чтобы подозрительна, нет, скорее, разумно опаслива: близко ни с кем не сходилась, приятельствовала, по большей части, отдавая себя семье и музыке. Вот и сейчас возникший из ниоткуда опекун предшественницы вызывал у неё не страх, но настороженность, однако, в свете происходивших с ней событий, отказываться от его помощи она не хотела. Речь мужчины была довольно убедительна, доверительное отношение к нему со стороны уже знакомых женщин доказывало, что вреда он ей причинить не может, да и путешествовать незнамо куда в неизвестном мире с одной только домашней прислугой — верх глупости. Поэтому Ирина кивнула мужчине одобрительно и спросила:

— А до маменькиного имения далеко?

Пан Костюшко немного расслабился:

— Славия родом из русичей. Я сам там не был, но она рассказывала о небольшом имении, передаваемом в их роду только по женской линии, есть такая традиция в некоторых семьях в том краю. Расположено поместье недалеко от Курянска, где-то на востоке от границ с Лях-Поляцким герцогством. Как добраться, Славия объяснила, по дороге подробнее расскажу.

Если коротко, сначала доедем до Куявы, там найдем лодью и вверх по Десне до Чернигова, потом по Сеймову до Курянска, а там верст 30 на лошадях. На весь путь

примерно месяц, может, быстрее: не знаю, как у русичей с дорогами. Остается надеяться на Святителей и удачу — закончил рассказ мужчина.

Ирина опять кивнула. Ротмистр вышел во двор, его не было довольно долго, как и остальных. Наша современница оставалась за столом, идти куда-то не хотелось: снова напала вялость. События набирали обороты, волнение росло, а тело Арины, истощенное недоеданием и болезнью, выдержать напор новостей и действий было не готово. Душа иномирянки старалась, только против природы не попрешь особо, да и времени на адаптацию ей высшие отвели всего ничего. Так что в одиночестве и ожидании Ирина Михайловна снова задремала.

Сколько прошло времени, неведомо, когда ее тронул за плечо вернувшийся пан Костюшко.

— Ариша, небось, спина затекла, ты чего на столе-то уснула? — тихо поинтересовался он. Ирина не до конца осознала, где она и что, и лишь протерла глаза.

В этот момент в дом ворвалась взволнованная Дина с небольшим холщевым мешком, положила его на стол и жадно выпила поданную ротмистром кружку воды.

— Ох, всё принесла! Страху натерпелась, покуда в склепе была.

Дина осенила себя крестом, и Ирина Михайловна отметила, что это крещение привычное, но двумя перстами. «Как у старообрядцев» — всплыло в памяти. — Всё легче, чем как у католиков, меньше ошибаться буду».

Дина же спешила поделиться переживаниями:

— Темно, тихо! Уж я молила панну, чтоб защитила! Обошлось. А по дороге услышала, как дворовые жаловались, что Врочек лютует, гоняет цельный день да бумаги какие-то жгёт, видать, боится нового управляющего, вот и прячет концы в воду. А ты, Аринушка, глянь, что мать-то оставила.

Ирина было потянулась к мешку, но опекун остановил.

— Панна Арина, позже. Сейчас надо быстро уехать, время дорого.

Дина всполошилась, подхватила Ирину под руку и потащила в комнату, отгороженную плотной занавесью.

— Куда ты меня тянешь, Дина? Что Врея скажет?

— Врея во дворе, яйца собирает, велела самим сундук разобрать, вещи там сохраненные.

И женщина, подтолкнув Ирину к стоящему у стены длинному сундуку, откинула крышку.

— Давай отберем, что нужно, да и поторопимся.

В результате разбора содержимого сундука Ирина обзавелась парой корсетов, красивыми нижними сорочками, несколькими подштанниками из тонкого материала, похожего на шелк, двумя такими же платьями, плетеной корзинкой с крышкой с мотками ниток, лент, иголок, ножниц и даже вязальных спиц, чему обрадовалась неимоверно. Зеркальце, гребни, шикарный платок наподобие павлопосадского, сапожки и туфли на каблучке, короткая шубка то ли из норки, то ли белки, плотное платье из шерсти и еще одна шаль отправились в завязанную узлом простынь. Ни книги, ни блокноты (похоже, дневники) Ирина брать не стала — ни к чему. Да и лишние в дальней дороге. Дина не возражала.

— И то правильно, Аринушка, куды тащить тяжесть такую. Вот украшения панновы возьми, негоже оставлять приданое, сгодиться, чай, да и память это о матери. Бери.

И Ирина, не глядя, положила поверх всего небольшую шкатулку. Закрыв сундук, они вышли в кухню, где у плиты колдовала Врея. На столе к мешку прибавилась корзинка со

снедь, торопливо пополняемая хозяйкой. Увидев вернувшихся, она сказала:

— Ты, паненка, не сомневайся, я остатнее сохраню как свое. Пока жива, а не дождусь тебя, дочь сохранит. И еще тебе одёжу принесу на смену, где вы там искать лишнее будете. — Врея всхлипнула, отвернулась и пошла в комнату.

Благодаря ее заботе багаж отъезжающей пополнился простыми, но крепкими крестьянскими блузами и юбками в количестве 2 штук, длинными гетрами и деревянными сабо, а также чем-то вроде короткого пальто из очень толстой шерстяной ткани неопределенного цвета.

— Лето сейчас, но кто знает, как там-то будет, да и ночи холодные. Бери, не отказывайся.

Ирина с благодарностью обняла хозяйку, чувствуя, как в глазах собираются слезы. Забота чужого человека грела душу.

— Спасибо тебе, Врея! Я буду молиться за тебя и твоих родных!

— Ну, полно-те, паненка! Храни тебя Спаситель и святители его!

«Были сборы недолги, от Кубани до Волги мы коней поднимали в поход» — крутилось в мозгу Ирины Михайловны, когда корзинка с едой была прикрыта рушником, к ней присоединилась крынка с чем-то питейным, узлы проверены, и все присели «на дорожку».

Привычный обычай в незнакомом месте растрогал Ирину Михайловну до слез, но под строгим взглядом ротмистра женщины не смогли устроить слёзорозлив, и спустя несколько минут прощание завершилось у стоявшей на улице крытой повозки. В темноте обнялись еще раз, ротмистр сел на место кучера, Дина с Ириной забрались внутрь, и карета тронулась с места, постепенно набирая скорость. Деревня осталась позади, как и первый этап новой жизни попаданки Валиевой.

Под мерное покачивание кареты (слава богу, у нее имелись рессоры!), Ирина, прислонившись к плечу Дины, задремала, да так, что очнулась только, когда карета остановилась и распахнулась дверца. В глаза хлынул утренний свет, прохлада заставила поежиться, а улыбающаяся физиономия Миколы стала апофеозом впечатлений.

— Ты как здесь оказался? — почти одновременно воскликнули пассажирки.

— А он нас по дороге поймал — послышался голос ротмистра. — Я в темноте его чуть на смерть не сбил, дурака. Возьмите, говорит, меня с собой, я вам пригожусь. У меня и бумага есть! — Костюшко улыбнулся и потрепал парня по вихрам. — Как думаете, панны, нужен нам такой беглец?

Ирина не возражала, а вот Дина разразилась гневной тирадой в отношении непутевого племянника (вот оно что!), но быстро успокоилась. Микола явно ожидал такой реакции, стоял и смиренно держал взор долу, пока тетка не прооралась, а потом сказал:

— Да ладно тебе бушевать, тётка Дина! Ну, сама подумай, на кой ляд мне там оставаться? Одному-то? Ждать, пока Врочек прибьет или еще чего? Я и сам хотел сбечь, да страшновато было. А с вами-то я хоть на край света готов! Как же хочется мир посмотреть! Где-то, говорят, и море есть! Не хочу всю жизнь в конюшне провести!

Было ясно, что гнать парня бессмысленно, все равно назад не вернется, а бросить на произвол судьбы местного авантюриста никому из взрослых (включая Валиеву) не позволили бы и сердце, и здравомыслие. Парень уловил изменение настроения в свою пользу подобно сверхточному прибору, подмигнул Арине и приплясывая, пошел за ротмистром искать место для привала. «Вот ведь шельма!» — внутренне восхитилась юношей Ирина.

Отведя коней в сторону от тракта, в лесочек, путешественники поели припасенные Вреей пироги, посетили кустики, и когда солнце поднялось выше, продолжили путь.

На сей раз окошки кареты ротмистр распахнул, и Ирина смогла увидеть местность, по которой они проезжали. Ничего принципиально нового она не увидела: поля, деревеньки, островки леса, голубые небеса, медленно плетущиеся крестьянские телеги — и лошадные, и воловьи, обгоняющие их редкие кареты. До города Куявы (Киев?) путь занял остаток ночи и весь день. Ирина не спрашивала про расстояние, а ротмистр, сев к ним в карету, почти сразу уснул, и беспокоить его женщины не стали. Микола правил лошадьми и демонстрировал здоровый оптимизм.

В город, издали блестящий куполами церквей и белокаменными стенами, въехали под вечер. Высокие и широкие ворота в городской стене пропустили внутрь поселения, и по булыжным мостовым карета, стуча колесами, покатились меж рядов в основном каменных построек куда-то вглубь, пока не остановилась около двухэтажного здания из красного кирпича.

— Выходим, — прыгнув на площадку перед лестницей, сказал бодрым после краткого отдыха голосом пан Костюшко.

— Это постоянный двор, здесь мы остановимся, пока не найдем лодью. Место относительно тихое, но одним выходить в город не советую.

Он повернулся к молчавшим женщинам.

— Дина, поняла? Арина не должна оставаться одна. Возьмем 2 комнаты рядом, ванну в номер закажу, а мы с Миколой займемся лошадьми. Поужинаем вместе, в комнате. Пойдемте.

Женщины покорно последовали за ротмистром, а Микола повел лошадей на конюшню, расположенную за постоянным двором.

Оформление и оплата не заняли много времени и услужливый паренек в чистой одежде, состоящей из рубахи-косоворотки с широкими рукавами и шаровар, заправленных в короткие сапоги, бодренько провел их из небольшого приемного зала в просторное помещение, заполненное столами, лавками и сидящими за ними постояльцами. Потолок венчала огромная кованная круглая люстра с тремя рядами свечей, а на каждом столе стоял подсвечник, поэтому было довольно светло. В обеденном зале пахло едой, немного алкоголем и пивом, слышалась приглушенная речь присутствующих и крики официантов, передающих заказы на кухню.

Стюард по узкой деревянной, поскрипывающей лестнице завел приехавших на второй этаж, чуть провел по полутемному коридору и, распахнув одну из дверей, пригласил внутрь небольшого номера с широкой кроватью и окном, застекленным наподобие витража маленькими кусочками мутноватого стекла. Освещение и здесь состояло из подсвечника и канделябра в углу, ловко разожженных лакеем. Темного дерева стены, стол и стулья со спинкой завершали интерьер.

Ирина огляделась, и парень указал на закуток справа от двери:

— Панна, уборная здесь, рукомойник полон воды, лохань для омовения и горячую воду поднесут чуть позже, как и ужин. Располагайтесь, — и, не дожидаясь ответа, шмыгнул в коридор, прикрыв за собой дверь.

Действительно, воду принесли два молодца через несколько минут, а приятная девица — полотенца, свежие простыни и мыло.

«Сервис прям на уровне» — хмыкнула про себя Ирина Михайловна и пошла умываться.

Ополоснувшись и переодевшись во Вреину одежду, Ирина с боем отправила на помывку Дину, от запаха которой в карете могла едва дышать. Женщина отнекивалась, но под натиском паненки все же помылась и переоделась, ворча, что зря воду тратили, да и наряд постирать надо бы, а где тут?

Вопрос решил принесший ужин лакей:

— Наша прачка берет стирку в ночь, и к вечеру, а то и днем, одежда будет чистой. Вы только оплатите.

— Спасибо, милейший, мою тоже захватите, я спущусь после ужина и заплачу

прачке, — распорядился пан Збышек. — Так, Микола пока моется, садитесь, он поест позже, а вот я уже терпеть не в силах.

Ирина Михайловна лежала в постели рядом с сопящей Диной и проворачивала в голове информацию, полученную в последние дни и часы.

Получалось следующее: мать Арины явно предвидела свой конец, как и возможную катастрофу со своим мужем. Даже если Славия и ошиблась в масштабах случившегося, отцу девочки она доверять перестала давно. Поэтому подготовила для дочери пути отступления: документы на имя Арины Черень, урожденной Добруджа, позволяли той вступить в права владения наследным женским поместьем по достижении 18 лет, для чего в свидетельстве о рождении возраст девушки был указан на год больше. И теперь до «совершеннолетия» Арине оставалась пара месяцев. По расчетам ротмистра, этого хватит, чтобы доехать до места назначения: имения Древляны под Курянском. Подтверждение личности дублировалось семейным перстнем и гривной, обнаруженными в шкатулке, сохраненной Диной в фамильном склепе. Там же лежали и письма Славии к дочери и к управляющему имением. Остальные бумаги, в том числе, новые документы Дины, она передала ротмистру. Об этом он сообщил за ужином.

— Хорошо выспитесь ночью, вставать не торопитесь, о завтраке я договорился. Мы с Миколой с утра пойдем на пристань искать корабль до Чернигова и постараемся заодно продать карету и лошадей. Нет смысла тащить их с собой.

— А такое возможно? — не сдержала удивления Ирина.

— Если нас возьмет на борт нордманский кнорр, то — да, возможно. Они табуны перевозят, я слышал. Посмотрим. Нам надо уехать завтра или послезавтра, поэтому, милые панны, простите заранее, удобств не обещаю, но постараюсь. — Костюшко улыбнулся. — Вы тут посидите, займитесь рукоделием до нашего возвращения. Ешьте. Вон, и Микола успел.

Поданный ужин был не богат, но сытен: овощное рагу с мясом, пироги с ягодами, взвар и пиво для мужчин. Хлеб большими ломтями напоминал бородинский. А вот об овощах Ирина точно сказать не смогла: она узнала лук и морковь, вроде укроп и петрушка присутствовали, а вот что составляло основную массу, опознать не удалось. Вареву чуть горчило и было пресновато, на Иринин вкус, но хорошо насыщало.

Только лежа и размышляя, Ирина осознала, что овощем в рагу, должно быть, была репа. У себя на огороде Ирина ее не растила, хотя соседки год от года предлагали. У Ирины Михайловны репа интерес не вызывала. И вот, поди ж ты, пришлось попробовать. Жаль, если здесь нет картошки!

Как и предложил опекун, большую часть следующего дня девушка с нянькой провели в гостинице, перекладывая вещи и читая эпистолярное наследие.

Ирина испытывала неловкость, распечатывая письмо умершей матери к умершей же дочери, но под взглядом Дины не сделать этого не могла. Так она обнаружила, что вполне понимает написанное, поскольку это оказалась кириллица, только с устаревшими к нашему времени отдельными буквами.

После прочтения, сама не ожидая, Ирина расплакалась, так ей было жаль и Славия с ее несчастливой судьбой, и ее несчастную дочь, о ранней смерти которой мать и не помышляла. Позже Ирина сожгла письмо, не считая себя вправе его хранить.

Славия рассказала дочери о своих сожалениях по поводу раннего ухода, наказывала

беречь себя и доверять ротмистру, а пуще всего не торопиться отдавать свое сердце случайному мужчине. «Цени себя, дочка, слушай сердцем, но умом проверяй, не ведись на красивое лицо да сладкие речи — поступки говорят больше. Не повторяй мою судьбу» — писала из последних сил мать Арины.

Нянька по своему расценила слезы подопечной:

— Ну, что ты, девонька, полно убиваться, ты жива, как и хотела панна Славия. А доедем до места, так и вовсе хорошо жить будем. С паном Збышеком-то оно вернее будет. Врея мне про него только ладное говорила, да я и сама вижу — мужчина он верный. Так что, не плачь. Ужо всё сладится. Лучше вон, руки займи, время быстрее пройдет, — и Дина сунула Ирине корзинку с нитками.

Иномирянка сложила письмо в шкатулку и принялась перебирать содержимое корзинки. Нитки было преимущественно шелковые, тонкие, разных цветов. «Для вышивания», — поняла женщина. С этим будут проблемы: вышивать Ирина не умела, а вот обнаруженные железные спицы и крючок с маленьким сечением ее порадовал. Заметив интерес девушки, Дина сказала:

— Гляжу, материно наследство тебя радует. Славия-то любила вязать этим *крючком*, как она говорила, видать, и тебе передалось, хоть раньше ты больше вышивку уважала. Ты там посмотри, клубок должен быть льняных нитей, вот их панна на кружево-то припасла.

И Ирина занялась делом: почистила об лоскут ткани крючок, достала суровую нить отбеленного льна и привычно набрала петли.

Так и просидели до возвращения мужчин.

Новости, принесенные ротмистром, и радовали, и тревожили одновременно: им удалось договориться о месте на корабле, отправляющемся поутру следующего дня. Поэтому после обеда решено было пойти в лавку менялы, чтобы забрать деньги Славии. Ирина ничего не говорила, но про себя сильно удивлялась такому «банку». Кто ж держит чужие деньги годами?

Вторым пунктом посещения города станет Подол — ремесленный центр, где закупят необходимый минимум для путешествия. И это была тревожная весть, поскольку плавание займет не менее недели, только до Чернигова. О еде капитан посоветовал сильно не беспокоиться, поскольку нордманы часто останавливаются рядом с прибрежными деревнями, там и отовариваются или готовят на кострах на берегу. Потому что команды северян — сплошь воины, любят мясо, и сходить в лес или поле за добычей у них не зазорно. А рыбу ловят прям с кормы.

Ирина сидела, раскрыв рот. Такое приключение ей и во сне не снилось! Нордманы — это норманны/викинги/варяги, догадалась женщина.

«Обалдеть! Да неужели?» — мысленно удивлялась попаданка. А 10 дней на реке — это как? Да в компании мужчин нордического типа? И, если она правильно помнит, корабли варягов не имели кают, шли под парусами или на веслах и укрыться на палубе было негде? И как она справится?

— Ты не пугайся заранее, Арина, — заметив ее замешательство, посоветовал ротмистр. — Северяне, хоть и суровые на вид, но всяко лучше: с ними не связываются ни власти, ни разбойники. Каждый член команды — хороший воин, за пассажиров они отвечают. Я спрашивал в городе, когда лошадей продавали, так мнение большинства на стороне северян. Мол, не обманут, если и с ними по чести. Не встречай, молчи, уважительно относись — и они проявят уважение. Так что, всё будет хорошо. Успокойся, и пойдём к Хаиму Гилеви, тут недалеко. А потом на рынок или в лавку по дороге заглянем. Дина, что вам может понадобиться, говори, купим нужное. Я мало понимаю женские дела. Миколу я сам одену.

Услышав имя лавочника, Ирина чуть не рассмеялась. В голове всплыла фразочка из далекого советского детства: «Если в доме нет воды — воду выпили жида. Евреи, евреи, кругом одни евреи». Не будучи националисткой, Ирина фразу просто запомнила, хотя тогда и не понимала ее «сакрального» значения. А сейчас вспомнила. «Да. Миры разные, а люди одинаковые», почему-то подумала пришелица.

Лавку Хаима Гилеви компания посетила в первую очередь. Ирина старалась не делать удивленное лицо, когда хозяин вышел к ним на встречу и пригласил внутрь, сказав, что рад видеть дочь замечательной панны Славии.

— Вы очень похожи на свою мать, девушка, — с характерным акцентом сообщил Хаим. — Она была у меня незадолго до своей кончины, пусть ее память будет благословением. И сказала, что вы обязательно придете сюда не позднее, чем через четыре года, а то и раньше, и с вами будет мужчина с военной выправкой. Я так понимаю, она говорила о вас, уважаемый пан? — удостоившись кивка Костюшко, Хаим продолжил— Деньги принесет мой сын через пару минут, подождите. За хранение мы берем 5 % в год, но

для дочери панны Славии я сделаю исключение..

Из подсобки вынырнул юноша семитской наружности, и на стол лег мешочек с монетами.

— Здесь 50 золотых талеров, имеющих хождение и у русичей. Мой процент — 2 в год, того — 6 за три года. Я заберу 3 золотых. Остальные могу разменять на злотые и гроши, чтобы вы могли сделать покупки. Кто берет вас на борт?

— Эйвинд Густафссон, вы его знаете? — спросил пан Збышек.

— О, кто не знает на Подоле этого норда! Хороший выбор, вам повезло, он немного задержался в этот раз. Ничего не бойтесь, Эйвинд — человек слова. Заплатите столько, сколько он попросит, цена определенно будет справедлива.

— Он просил за четверых 5 золотых до Чернигова. А вы не знаете, куда северяне еще ходят?

— Они нанимаются куда угодно, но так, чтобы до первых заморозков дойти до Новограда на севере или до Кёнинга — это западнее. Зимовать предпочитают на родине. А вы хотели бы их нанять до места?

Ротмистр помялся:

— Хватит ли денег?

Хаим хихикнул в кулак:

— Нордманы берут грузы в любом порту, вдруг вам снова повезет, и они наймутся до вашего места назначения? Поговорите с Густафссоном, он хороший кормчий, и команда у него — тоже. Мой совет — не жмитесь, если он согласится.

Ирина в разговор мужчин не лезла, пытаясь сообразить, много ли денег ей досталось: по названным расценкам викингов получалось не очень. Грустить по этому поводу было бессмысленно, и женщина смирилась.

Однако Хаим заметил ее расстройство.

— О, панна боится, что оставшейся суммы не хватит на многое? Зря! Услуги нордманов дороги, но товары в дорогу обойдутся гораздо дешевле, не волнуйтесь! На пару злотых вы купите смену одежды и обувь на Подоле, а покушать и того меньше. Ох, уж эти домашние барышни! Хаим вас не обманет, — он сверкнул белозубой улыбкой — ну если чуть-чуть!

В конце концов, на мелкие монеты мужчина обменял 5 талеров, и это выразилось в двух тяжеленьких мешочках — злотые и гроши соответственно. Пожелав счастливого пути, местный банкир проводил гостей лично.

Прогулка по рынку превратилась для Ирины в калейдоскоп картинок: вот обувная лавка, где они купили лапти (по другому она бы не назвала плетеные тапки из соломы) по паре на каждого, потом-ткани и одежда, где оторвалась уже Дина (беленое льняное полотно на короткие подштанники, Ирина уговаривала няньку сшить ей такие), отрез синего полотна, еще какие-то лоскуты. Самое главное: Ирина выцарапала себе двое портов (по словам Дины, и безобразие, и сплошной срам) и пару длинных, явно мужских, простых рубах.

Как ни странно, но пан Збышек ее поддержал.

— Дина, нам на лодье плыть с мужиками, а ты хочешь ее в юбке 10 дней держать? Норды на такое иначе смотрят, их женщины в штанах ходят, особенно в море и на реке. Не срам у них это, а нам не до политесов сейчас, уймись!

Дина сопела, Ирина улыбалась. И они пошли дальше: крупы, сало, сухие яблоки, немного хлеба, яйца (в гостинице сварят), травы для напитка, вроде иван-чая. Не понятно. Под конец Ирина просто плелась, держась за руку ротмистра и не смотря по сторонам, так утомила ее прогулка.

Как говорить, ничто не предвещало..

Уже на выходе из торговых рядов Ирина услышала ГИТАРУ! Не поверив, она отпустила руку мужчины и рванула на звук, компания — за ней. Пройдя несколько десятков шагов, женщина увидела сидящего на земле. цыгана?

По крайней мере, именно так она могла бы назвать смуглого пестроодетого мужчину с длинными, завязанными в хвост черными с проседью волосами. Он держал на коленях гитару и перебирал струны, наигрывая незнакомую мелодию. Инструмент определенно был гитарой, только более вытянутой по длине, с более глубокими изгибами, изящнее, что ли.

На подошедшую девушку музыкант обратил внимание не сразу, но, увидев, начал быстро говорить на похожем на испанский языке, протягивать ей инструмент и явно умолял о чем-то. Ирина не понимала, но оторваться от гитары не могла. «Я хочу ее, может ли он продать?»-вопрос был написан на её лице, когда подошедший опекун произнес:

— Ты хочешь купить вуэлу? Этот джипси уезжает, но ему не хватает денег на место в караване, поэтому он продает инструмент, но его не понимают, а времени всё меньше.

— Сколько? Пожалуйста, пан Збышек, купите ее для меня!

— Ты умеешь играть на вуэле?

— Почти нет, но я научусь!

Ротмистр покачал головой, Дина вытаращила глаза, Микола хмыкнул, а Ирина задержала дыхание: неужели у неё будет гитара? Она не соврала опекуну: немного брэнчала в молодости. Однако Ирина обладала терпением и слухом, научиться она определенно сможет, было бы желание! Нет родного баяна, пусть будет хоть гитара.

Сделка состоялась, джипси поцеловал инструмент и отдал его в руки девушки. Та, видя волнение на смуглом лице, приняла гитару бережно и сказала:

— Я буду хорошо о ней заботиться!

Тот будто бы понял ее, кивнул и в мгновение ока растворился в толпе. А у Ирины появилась первая по-настоящему ее вещь в этой жизни.

Дина весь вечер бормотала, что панночка-де совсем обезумела, коль потратилась на бесполезную доску, а пан Костюшко посмеивался и надеялся услышать однажды ее игру на странном инструменте.

— Слышал я во Фризии, как джипси поют, подыгрывая на вуэле, и танцуют их женщины так завлекательно! Дина, угомонись, пусть девочка порадуетя, коль ей так хочется! Дорога дальняя, чем бездельем маяться, будет учиться. Ты, Арина, видать, понимаешь, как справиться с инструментом?

Ирина Михайловна кивнула и погладила диковинную гитару. Шесть струн отозвались знакомой трелью, и сердце вздрогнуло от предвкушения, каким будет звучание мелодии, когда они с гитарой найдут общий язык. «Разберусь, не может быть, чтобы не смогла» — убеждала себя Ирина.

Выпросив у ротмистра оставшуюся от продажи повозки попону, завернула вуэлу в нее и легла спать, чтобы не думать и не бояться заранее. «Утро вечера мудренее» — привычно проговорила и отрубилась.

Ранним утром, позавтракав и уложив вещи, компаньоны добрались по просыпающемуся городу до пристани на Днипру и, пройдя среди толчеи мельтешащих грузчиков, таскающих туда-сюда тюки и корзины, подошли в конец причала, где Ирина увидела ИХ! Два драккара и здоровенный широченный кнорр(?), на котором им и предстояло плыть к следующей остановке.

Ирина напряглась и вспомнила еще школьные знания, из которых следовало, что корабли викингов, по меркам своей эпохи, были самым настоящим совершенством.

Изящные, быстрые, они умело скользили по воде, позволяя викингам путешествовать на огромные расстояния. Быстроходные боевые корабли назывались драккарами. Большие и длинные, увенчанный резной головой дракона или змеи для устрашения противника во время сражения, но достаточно легкие для того, чтобы при надобности команда могла перетащить судно с места на место вручную. Эти корабли могли плыть против течения реки и причаливать к пологим берегам. Викинги расставляли на борту корабля свои щиты, тем самым укрепляя корабль и предоставляя себе дополнительную защиту; отличительной особенностью конструкции судна любого типа являлась полная симметрия носовой и кормовой части. Это решение давало неоспоримое преимущество — возможность смены курса без разворота. Вдоль бортов располагалось несколько десятков пар весел, Вёсла пропускались сквозь специальные отверстия (так называемые «гребные люки»). центральное место занимала мачта, а парус имел характерную прямоугольную форму. Мачты на кораблях викингов были съёмными. Команда могла поднять или опустить её в случае необходимости самостоятельно, не прибегая к каким-либо подъёмным устройствам вне корабля. Мачта ставилась на тяжёлый деревянный упор (этот упор за его форму называли «мачтовой рыбой»), задвигалась надёжным запором и растягивалась тремя прочными канатами: спереди — штагом, а по бокам — вантами, несколько смещёнными назад.

Одним из нововведений викингов было изобретение специальных приспособлений — риф-сезней, что позволяло сокращать площадь паруса в случае непогоды. Внешне кнорры были схожи с драккарами, их строили из менее качественного дерева, например, сосны. Также эти корабли предназначались для перевозки грузов, поэтому кнорры были намного шире и вместительнее, чем драккары. Грузенные суда были надёжными и устойчивыми, но не могли развивать большую скорость.

Частично информацию о чудесах корабельной техники Ирине предоставил вполголоса ротмистр, пока она, распахнув глаза, рассматривала предоставленные им для путешествия средства передвижения по воде. Женщина настолько увлеклась зрелищем легендарных кораблей, что не видела и не слышала более ничего вокруг себя. Забавно она, наверное, выглядела при этом, если через некоторое время почувствовала, как ее за руках дергает Микола и, скосив глаза в сторону, шепчет:

— Панна, да очнись ты уже! И рот закрой, мух влетит! Всю пристань насмешила, на тебя только мы пальцем не тычем! А норды так от хохота чуть за борт не падают, глянь!

Ирина как во сне огляделась и поняла, что действительно стала объектом шуток и насмешек: грузчики перешептывались, кивая в ее сторону, а находящиеся на палубе заморозивших ее судов загорелые беловолосые крупные мужчины откровенно ржут, хлопая

друг друга и делая какие-то явно неприличные жесты руками, переговариваясь и снова начиная смеяться.

Ирина смутилась так, что лицо вспыхнуло, она закрыла его руками и спряталась в объятиях Дины, которая громко начала костерить охальников и грозить карой небесной за насмешку над паненкой.

Галдеж и цирк прекратил вышедший из толпы татуированный сероглазый здоровяк с бритыми висками и хвостиком на затылке. Он прошел мимо Ирины, что-то резко крикнул, после чего грузчики занялись своим делом, а ранее веселящаяся команда драккаров бросилась по кораблю врассыпную, хватаясь за весла, тюки, изображая бурную деятельность. Ротмистр Костюшко кашлянул, и здоровяк повернулся к нему.

— Вы мои пассажиры? Все здесь? Отправляемся! — голос капитана разнесся над водой, гребцы заняли свои места, а путешественники поднялись на борт самого широкого из трех кораблей.

Их поместили в середину, на тюки между гребцами, что последним явно не мешало, поскольку расстояние от места, где расположились пассажиры, до бортов превышало 2 метра. Капитан встал на носу корабля, махнул рукой, и весла опустились на воду. Кто-то сзади начал громко считать (так поняла Ирина), и гребцы, ритмично дергая веслами, медленно стали выводить посудину на середину реки. Плавание началось.

Строй кораблей сформировался, когда город начал скрываться вдаль: кнорр в середине, два драккара, метров по 15–17 длиной — спереди и сзади него. Паруса распустили после полудня, когда над водой стал ощущаться ветер. Полосатые прямоугольные (на кнорре-квадратный) паруса, выходящие за границы бортов, поймали ветер, надулись, и судна пошли по воде не быстро, но и не медленно, по крайней мере, движение чувствовалось, но не сильно.

Весла сушили, гребцы частью встали на палубе на носу и корме, частью остались на местах, а один, улыбочивый нахал подсел напротив Ирины и заговорил на ломанном наречии этих мест:

— Ты смешная! Нас давно так не встречали, чаще бегут с криками! Не обижайся, мы просто повеселились!

Ирина смотрела на молодого северянина и не могла поверить, что это аналог викингов из ее прошлого! Но выглядел молодец именно так: высокий, светловолосый, чуть кудрявый и сероглазый, в кожаной жилетке на голое тело и с обрамляющими плечи и запястья татуировками. Он был мускулист и источал мощь и силу, даже какой-то животный магнетизм здорового мужского тела.

Ирина опять зависла. Отвести взгляд от норда было невозможно!

Дина, видя замешательство воспитанницы, замахала на парня руками:

— Да что ж вы прицепились к девочке, наглецы! Мы тут не хоровод пришли водить. Прочь иди, бесстыдник!

Иноземец беззлобно ухмыльнулся, окинул девушку взглядом еще раз и поднялся на нос, встав рядом с капитаном. Тот что-то сказал парню, после чего веселость последнего сошла на нет, и он уселся у борта, глядя на воду.

Ирина Михайловна пребывала в шоке от самой себя: такого с ней прежде не происходило! Чтоб так цепенеть от необычных вещей? Да она дурочкой себя публично выставила! Стыд какой! И ротмистр отошел, не остановил. И как ей теперь себя вести весь переход?

За размышлениями на эту и сопутствующие темы день пролетел незаметно. Был неловкий момент, когда после нескольких часов хода женщины захотели по нужде. Никакого уединения конструкция корабля не предполагала, как вначале показалось Ирине, однако, когда не в силах терпеть, она обратилась с проблемой к опекуну, он потянул ее к незаметной дверке в задней части палубы.

— Здесь можешь влезть, там есть местечко, сама поймешь— сказал он и отошел в сторону, а Ирина дернула дверцу и, низко наклонившись, протиснулась в небольшой чулан, что ли, где обнаружила в полутьме деревянное ведро с характерным запахом.

«Слава богу, хоть не на публике» — выдохнула женщина, с облегчением избавившись от накопившейся влаги. Помимо этого ведра, в чуланчике стояли стопой еще такие же, веревочные швабры, какие-то котелки и утварь. Соседство, прямо скажем, то еще. Но не жаловаться же хозяевам на антисанитарию? Девушка вылезла из закутка и проводила туда же Дину, которой пришлось сложнее: габариты не позволяли той особо развернуться. Но и она справилась.

Повеселев, Ирина предалась обзору проплывающих мимо пейзажей и очередному подведению кратких итогов минувших дней.

Первое, о чем она подумала, касалось языка, на котором говорили окружающие и она сама. На слух Ирина считала, что говорит на русском, по крайней мере, ей так казалось, и только услышав речь капитана, она осознала, что этот язык отличается от используемого ею. Нет, не так: она понимала всех, кроме капитана, кормчего, то есть. И читала она тоже свободно, и глаз ни за что новое не зацепился.

По книгам, попаданок наделяли способностями прежнего тела, но Ирина ничего, кроме привычной себя, не ощущала: она определенно была собой, но в другом теле. Значит, и язык, и грамота здесь соответствует привычной ей русской, ну, может, произношение несколько мягче, что ли.

Относительно той жизни у Валиевой была единственная версия-смерть прежнего тела. Вероятность комы, летаргии или чего там еще могло бы быть, Ирина сразу отмела как невозможную, потому что помнила сильный удар головой и темноту, враз охватившую ее. Ни полета в пространстве, ни голосов не было, как и сомнений в своей гибели и переселении. Или она до конца не осознала случившееся, или она более эгоистична и цинична, чем всегда думала.

Почему? Потому что нет у неё сожалений о прошлой жизни! Вроде бы должно страдать о сыне, доме, знакомых, а она наслаждается красотами и мечтает о приключениях. Да еще на мужиков залипает! Вот ни разу не захотелось поплакать по оставленному родному человеку, устыдиться тому, что она, старая, живет, а юная девочка — нет. Наоборот, в попаданке росло чувство радости от предоставленной возможности дышать, видеть, есть, ЖИТЬ! А неловкости не было.

Ирина Михайловна от таких раздумий сначала разнервничалась, потом разозлилась. Она ведь не по своей воле сюда попала, в конце концов! Её мнение кто-то там, наверху, не спрашивал, всерьез о таком она сама не размышляла, да и девочка не по ее вине тело это покинула! Они, в некотором смысле, обе — жертвы мельницы богов, невидимых, но могущественных. Это Ирина осознает себя здесь, а может, и Арина где-то сейчас думает о том же в каком-то лучшем для неё мире? Не проверишь, но вдруг?

Вообще, мудрствование никогда не было сильной стороной Ирины Михайловны. Она не то, чтобы не думала, она ГЛУБОКО не задумывалась о сути мира там или каких философских материях. Она просто жила и делала то, что нужно и можно в ее ситуации. Назвать себя поверхностной женщина тоже не считала правильным, поскольку рассуждала трезво, умела сопоставлять факты и делать выводы, но больше как практик, а не ради самого процесса — он ее утомлял. Вот так начнешь копать и только депрессию заработаешь от потерянных лет или утраченных возможностей. Её девизом можно считать афоризм «Делай, что должно, и будь, что будет».

Поэтому, нечего винить себя в занятии чужого тела, нужно принимать новую жизнь как данность, не рвать на себе волосы от оставленного прошлого и разбираться со всеми проблемами по мере их поступления. Сейчас она плывет на корабле, вокруг красота, погода хорошая, пока все нормально. Так чего зря суетиться? Вот поесть не мешало бы. А что немного опростоволосилась — так с кем не бывает?

Погрузившись в себя, Ирина не заметила, как начало темнеть, и караван пристал к берегу. Члены команды один за другим начали спрыгивать в воду и выходить на пологий берег недалеко от небольшой рощицы. Ротмистр, которого Ирина не видела, по сути, весь день, предложил сойти на землю, размяться и перекусить.

— Ночевать можем на корабле, а можем вместе с командой на берегу. Они разведут костер, будут готовить. Вон, уже рыбу ловят. Ты как?

Ирина огляделась и кивнула: пройти хотелось, да и смыть с себя утомление от мыслительной практики не помешало бы. Но как ей попасть на сушу? Ротмистр с Миколой вслед за моряками спрыгнули вниз, а Ирина с Диной замялись на краю борта — высоко! Один из моряков подхватил Ирину на руки, встал на борт и — чух, они уже в воде, и мужчина несет ее на берег. С Диной поступили также, только женщина опять начала кричать и ругаться, а несший ее северянин улыбался и подкидывал женщину как маленькую, вроде и не ощущая ее веса.

— Шумная женщина, распугаешь рыбу, что мы будем есть? Тебя? — здоровяк нахмурился, и Дина заткнулась. — Вот и молчи, так лучше.

Лагерь северяне оперативно разбили недалеко от берега, выбрав открытое со всех сторон пространство. Ирину и Дину усадили на принесенные из рощицы метрах в тридцати березовых бревнах, не позволив вмешиваться в процесс обустройства и готовки. Дина что-то бурчала себе под нос, а иномирянка, усилием воли отбросив одолевавшие ее в течение дня мысли, которые так и норовили снова заполнить черепную коробку, наслаждалась иллюстрацией к крылатой фразе ее мира: «Бесконечно можно смотреть на три вещи: как горит огонь, как течет вода и как работают другие люди». Истинно!

Ирина Михайловна отметила, что викинги (так называть нордов было привычнее, хотя бы внутри себя) действуют очень умело и слаженно: без суеты, лишних разговоров и внешнего управления мужчины занимались костром, подготовкой спальных мест, ловлей и чисткой рыбы, переносом с корабля необходимого инвентаря, осмотром периметра... Они двигались, несмотря на габариты, красиво, четко, быстро. По ощущениям, к костру на ужин их с Диной позвали меньше чем через час, когда на поляну уже опустилась ночь.

Дина молчала, но неудовольствие от компании такого большого количества мужчин вокруг читалось в ее суетливых поисках места у костра подальше от викингов, стремлении оградить собой Ирину от остальных, демонстративно-самостоятельных попытках набрать варево из общего котла, одергивании Миколки, тянущегося к воинам и принуждении ротмистра к ночевке на корабле. Мельтешение Дины явно смешило нордов, Ирину же оно раздражало.

— Дина, хватит суетиться, сядь и поешь спокойно. — Валиева довольно резко дернула няньку за рукав рубахи и вынудила сесть рядом с собой. — Нам уже отвели место для сна, пан Збышек видел наши одеяла, уложенные на принесенные из рощи ветки, мы не замерзнем, зато отдохнем от качки. Все будет хорошо, нам ничего не угрожает. Ешь, милая, и успокойся.

Дуэнья фыркнула, но ложкой заработала. Северяне поделились с пассажирами горячей похлебкой (то ли ухой, то ли жидкой кашей с рыбой), подсохшим хлебом и травяным

отваром. Ирина с опозданием поняла, что воду для готовки брали из реки, не мудрствуя лукаво, где потом мыли плошки и котлы и мылись сами воины.

«Священны воды твои, великая Ганга» — передернулась от всплывших в памяти картин массовых омовений и прочего в мутных потоках главной артерии Индостана, вызывавших у Ирины брезгливый шок.

«Как бы чего не вышло от такого единения с природой — подумала попаданка. — Впрочем, чему я удивляюсь, для древних это норма жизни, да и пестицидов и прочих химикатов нет. Авось, не отравлюсь я местной водичкой».

От горячей пищи, духовитого отвара, стрекотания сверчков, приятной прохлады от реки и приглушенных переговоров мужчин, навевающих покой, Ирина почувствовала непреодолимое желание лечь и уснуть. Первый день путешествия, новые впечатления и философские монологи утомили.

— Дина, пойдем спать, — зевая, предложила попаданка няньке, встала, нашла взглядом ротмистра и капитана, сидевших у одного из костров. И направилась к ним, намереваясь уточнить место ночевки. Дина пошла за ней.

— Пан Збышек, герр Густафссон, скажите, где мы с няней могли бы устроиться на ночь? И спасибо, капитан, вам и вашим людям за ужин и первый день плавания.

Ирина, приложив руку к груди, поклонилась норду, затем и остальным мужчинам, привлеченным ее появлением у костра капитана. В ответ воины закивали головами, кто-то сказал нечто непонятное, после чего мужчины засмеялись, но не зло — чужеземка это почувствовала. «Вот хохмачи, все-то им весело». Дина было хотела опять выступить, но сдержалась.

Кормчий бросил короткий приказ, и сбоку от женщин возник воин в годах, жестом позвавший за собой. Он довел напарниц сначала до лесочка, потом до укрытой зарослями осоки заводи, и только после всех дел — к навалу из веток и травы чуть в стороне, но в зоне видимости и с корабля, и от костров. Ирина опять поклонилась в знак благодарности, воин изобразил пантомиму «Спите» и удалился.

— Какой кавалер внимательный...А ты, Дина, перестань дуться и шарахаться. Не тронут нас, уверена.

— Да я понимаю, да только уж больно их много и здоровые все...Смущаюсь я, паненка — и нянька потупилась! — Я ж нигде не была, чужих мужиков не видала, а уж таких-то — кивнула она в сторону — и подавно...А нам с ними сколько дён плыть...

Ирина не сдержалась и рассмеялась.

— Дина, так ты бы присмотрелась! Хорошие же мужики-то! Глядишь, и сладиться с кем!

Дуэнья всплеснула возмущенно руками:

— Паненка, да что ты буробишь? Как додумалась-то? Стыд какой..

Дина запыхтела и начала укладываться, попаданка хмыкнула и тоже легла на не слишком удобное ложе. Нянька накрыла ее и себя покрывалом, и женщины, пригревшись, вскоре уплыли в царство сновидений.

Утро у путешественниц началось, как у пенсионеров — когда проснулись. Ирина, открыв глаза, потянулась, распрямляя конечности и вытягивая затекшую от лежания на грубом ложе спину, и села, оглядываясь. Вокруг так же споро, как вечером, сновали норды, горели костры, слышались громкие разговоры на отрывистом северном наречии. Дина уже сидела на постели, а к ним подбежал Миколка.

— Паненка, тетка, утречка! Пойдемте, я вас умытья отведу. Завтрак вам отложили, но мы немного постоим тут, капитан отправил воев на охоту.

— Почему вдруг не торопимся? — вставая на ноги, задала вопрос Ирина.

— Не знаю, вроде, должен вскорости ветер подняться и дуть будет аж пару дней, так норды хотят без стоянок идти, пока возможность есть. Вот и запасаются снедью. Ротмистр с охотниками ушел, меня при вас оставил, ну и в помощь кашеварам. Я сушняк из лесу таскал, воду..

Воодушевленный парень трещал по дороге к заводу об оружии и навыках воинов, которые на рассвете тренировались, а он видел, потом о предчувствиях капитана, об устройстве драккара, на который уже успел залезть.

— Ух, они такие! — закатывал глаза Микола. — Я бы с ними пошел на север, посмотреть, где они живут и как, да только ротмистр велел вас беречь и пока до имения не доедем, не бегать по мечтам своим. А там он меня драться научит и языку нордскому, а следующей весной...

Тут Дина охнула и залепила племяннику подзатыльник.

— Ишь, чего задумал, окаянный! Только из дому сбежал, уже и в неведомые земли собрался! Вот посмей только, места живого за заднице не останется. Я тебя...

За разговорами и перебранкой женщины привели себя в порядок, потом Миколка принес им холодную жареную на костре рыбу, хлеб и дамы поели. Солнце светило ярко, легкий ветерок шевелил волосы и овевал лицо. Намеков на его усиление Ирина не ощущала. «Может, здесь свой Гидрометцентр есть, и тоже врет?» — лениво думала женщина, наблюдая за возвращением охотников, к которым навстречу поспешил конюх.

Отделившись от группы, к спутницам подошел ротмистр.

— Доброе утро, панны! Как спалось на природе? Микола уже, небось, поведал о планах капитана?

Ирина кивнула, а Дина озабоченно нахмурилась и спросила:

— Пан Збышек, это, и ночью плыть будем? И откель им известно о ветре-то? Вона, небо чистое, тихо вроде...

Бывший военный пожал плечами.

— Я в морском деле не сведущ, но раз опытные люди сказали, нам-то куда лезть? Быстрее доберемся, нам же лучше. А едой — мотнул он головой в сторону костров — за пару часов запасемся. Не переживайте, панны, герр Густафссон, действительно, хорош в своем деле. Доверимся ему и его команде. Вы пока наслаждайтесь видами.

Прогноз норда сбылся, и следующие дни на берег водоплаватели не сходили, зато расстояние до цели покрывали успешно: караван двигался уверенно и ходко, поскольку наполненные крепким ветром паруса не опадали и даже ночью. Команда явно наслаждалась

такой ситуацией, не проявляя раздражения или недовольства отсутствием горячей пищи или невозможностью пройти по твердой земле.

А вот женщины страдали. Дину внезапно одолела «морская болезнь»: она лежала под одеялами на палубе, постанывая и жалуясь на всех и все. Валиева особо качки не ощущала (не море), но от постоянно дующего ветра стала уставать. Она вообще к ветру, тем более, к сильному, настойчивому и долгому относилась отрицательно: он ее раздражал, вызывал тревогу и желание спрятаться. А куда денешься с подводной лодки, как говорится?

Приходилось терпеть, как и нытье Дины, бодрых до отвращения северян, устраивающих не только шуточные потасовки посередине летящего по воде кнорра, сопровождаемые смехом и громкими разговорами, но и ночные концерты: мужики ХРАПЕЛИ! Дружно и мощно, иногда, до кучи, еще и составляли конкуренцию ветру, пуская свои собственные...

Норды были весьма непосредственны в человеческих проявлениях: рыгали, сплевывали, зевали с шумом, пер...ли, даже справляли нужду прямо с бортов. Ирина сначала оторопела от таких демаршей, а потом поняла: для мужчин, проводящих большую часть жизни на реке или море среди себе подобных, такое — норма, и места стеснению тут нет. Не будешь же прибиваться к берегу каждый раз, когда кому-то приспичит облегчиться?

«Что естественно, то небезобразно, воистину. — Думала Ирина, в очередной раз закрывая глаза на пристраивающегося у борта викинга. — Хорошо, что Дина почти в отключке. В обморок бы упала от сих видений».

И все же попаданка получала удовольствие от плавания! Если исключить смущающие обстоятельства, путешествие по широкой полноводной реке, мимо полей, лесов, деревенок, под высоким голубым небом и сияющими крупными звездами было восхитительным. Ирина не давала себе послаблений в части размышлений о концах и началах, сосредоточившись на природе, погоде и компании. Ну и заботе о несчастной кормилице, которую приходилось обтирать, поить водой глоками, сопровождать до интимного закута, успокаивать и утешать.

Микола перешел на передний драккар, ротмистр «скорешился» с капитаном и, в основном, находился рядом с ним на носу кнорра. К устроенным в углу под навесом из парусины женщинам он подходил несколько раз — проверить самочувствие или принести сухарей, воды и жаренного мяса (какая-то дичина, что отловили и срочно пожарили на кострах перед гонкой). Ирина видела его неловкость в связи с нездоровьем Дины, но убеждала, что все нормально, и пан с облегчением покидал женский коллектив.

— Эх, мужики, мужики... — вздыхала Ирина. — Как же вы не любите проблемы... Когда же стихнет этот сирокко? Или мистраль? Да неважно, надоел до страсти!

Ветер стих к вечеру третьего дня. Ирина выдохнула с облегчением, а ротмистр сообщил, что они одолели большую часть пути до Чернигова.

— Утром подойдем к берегу, остановимся, отдохнем, поедем горячего. Деревня там прям у реки, местные снабжают проходящих мимо продуктами, даже, если желают, ночевкой обеспечивают и баней. Эйвинд предлагает воспользоваться, если желаем. До Чернигова дальше пойдем на веслах, если с ветром не задастся.

Высадка на сушу в этот раз прошла цивилизованно: корабли подошли к небольшому пирсу, выстроившись в ряд. Обладающий низкой осадкой один драккар приткнулся бортом к деревянному неширокому мосту, а кнорр пристроился за ним. Северяне перебросили узкую доску, и Ирина, поддерживаемая ротмистром, смогла сойти по ней на берег. Дине пришлось сложнее (боялась и слабая была), но тоже одолела переход.

Оказавшись на земле, няня чуть не плакала от счастья.

— Ой, Аринушка, думала, помру я на этой лодье! Дайте хоть немного на тверди побыть, сил от земли-матушки набраться... — служанка водила руками по траве, стоя на коленях, и шептала молитву.

Норды снова посмеивались над теткой Миколы, а он кривил губы — стыдился. Ирина строго оглядела мужчин и показала кулак парню. Ишь ты, морские волки!

К приставшим кораблям спешили люди, зазывая к себе на постой и предлагая принесенные в корзинах, кувшинах, свертках пироги, сало, яйца, свежие овощи. Капитан переговорил с приветливо улыбающимся ему как знакомому высоким молодым мужиком и тот, прикрикнув на односельчан, повел капитана к стоящему в десятке метров от мостка строению под соломенной крышей. Остальные двинулись за ними.

«Ресторан тутошний? Ну, поглядим. Хотя, сперва бы в уголок задумчивости не мешало заглянуть. И обмыться да штаны сменить, а то как-то некомфортненько мне» — размышляла Валиева, наблюдая за суетой молодых, стреляющих глазками на бравых нордов, расспрашивающих прибывших мужиков и крутящихся у драккаров подростков.

Капитан сказал что-то предводителю местного дворянства и указал на Ирину с Диной, сумевшей-таки оторваться от земли и бредущей рядом с воспитанницей.

— Да мы, это, с превеликим удовольствием, барин! Ты, милка, подь с моей жинкой, она и воды даст, и постираться поможет. Аглая, сопроводи гостей до дома, пока мы тут побалакаем! — Обратился к Ирине вождь селян, и из толпы вышла рослая молодка в крестьянском наряде, похожая чем-то на Врею: такая же видная, светловолосая, с уложенной вокруг головы толстой косой.

Дина вмиг выпрямилась, окинула подошедшую строгим взглядом и выступила вперед, взяв на себя инициативу в разговоре.

— Здоровы будьте, люди добрые! Госпоже моей надо бы помыться, уж который день с лодьи не сходили. Помочь можешь?

— Отчего ж не помочь, пошли со мной, дом и банька вон, на краю самом. Там все и сделаем. — Доброжелательно ответила Аглая и повела незнакомку за собой, никак не показывая, что худая дева в мужицких портах вряд ли выглядит барыней.

Ирине, если честно, было наплевать на чужое мнение о себе. Облегчиться, помыться и поесть — все, о чем она могла сейчас думать.

«Мечты сбываются, даже без Газпрома» — констатировала иномирянка, сидя за одним из столов в здании деревенского общепита в компании спутников — чистая, сытая и спокойная. Мужчины вели свои важные разговоры, воины флиртовали с сельскими красотками, несколько парней носили туда-сюда корзины с провизией.

Ирину приятно поразил дом Аглаи, в котором им с Диной удалось не только помыться и постираться, но и разжиться информацией о капитане.

— Эйвинда на Десне все знают, барыня, он честный и верный чужеземец. Уж который год к нам и товар, и гостей возит, платит хорошо, а мы его едой обеспечиваем да отдыхом. И воины у него, не чета другим, ни единой девки не испортили! Это они только потискают оторв некоторых, но больше — ни-ни, капитан таких не держит.

— А далеко ли до Чернигова от вас? — спросила Ирина, осматривая огород, курятник, цветы у плетня. Не бедствуют, и порядок есть.

— Да по воде-то дня три-четыре, иной раз — меньше. Норды-то сильны, как начнут веслами махать или паруса ставить — долетите! И не заметите, как в город придете. С Эйвиндом обычно так, он ветер звать умеет. — Заметив удивление на лицах гостей, Аглая рассмеялась. — Чует он погоду загодя, уж не ведаю, как! И даже при малом ветре быстрее него никто не ходит по Десне. Можя, имя у него такое? Вроде «ветер счастья» или как-то так... Жаль, не хочет у нас остаться, уж сколь раз предлагали, все к себе в холодный край бежит. А не женат ведь..

— Да ну? — подала голос Дина. — Немощной, что ль, по мужской части?

— Тьфу на тебя, баба дурна! — хозяйка разозлилась. — Знать, не встретил пока ту, что по сердцу. Сам говорил мужику моему, что госпожу в дом у них принято по душе брать, иначе боги разгневаются, отчего и дети болеть будут. И только уж ежели до 40 годов не найдут, тогда слушают старейшин ихних. Вот те на кого укажут, на той и женятся. А Эйвинду-то и 30 нет.

Ирина ничего не знала об обычаях и обрядах викингов, кроме погребальных костров и многобожия. Так что судить о сказанном не могла, поэтому скромно промолчала. Зато спросила про картошку.

— Ой, барыня, напрасная трата сил, этот картопель, тьфу! Привез Эйвинд нам как-то семена его, так я возилась с теми кустами все лето, а получила пшик, даже вспоминать не хочу! Пошли, уж небось, готово у Фирсы горячее, похлебаете шпи, она мастерица их стряпать.

И была права: даже без картошки, капустный суп на курином бульоне порадовал желудок и душу. Да и тушеная свекла вдобавок к отварной курице зашла «на ура».

Отплывали после полудня, груженные провизией, чем-то из деревенского — на продажу, отдохнувшие и довольные приемом. Норды сели на весла, и путь продолжился.

Второго «пришествия» попутного ветра не случилось, хотя парус на мачте не опускался, изредка помогая малыми силами мускулистым и неутомимым северянам. Ирина поражалась мужикам, которые не «сушили» весла часами, толкая корабли против быстрого течения Десны к цели, которой путешественники достигли на третий день от стоянки в прибрежной деревне.

Ирина в эти дни, помимо привычного осмотра местности и восхищения работой на веслах нордов, вспоминала все, что когда-то в молодости, рассказывала ей о родном городе

коллега по школе, где отработывала «музыка» Черникова (тогда) положенные после распределения три года.

Валентина Тимченко преподавала в школе историю, и её активно не любили ученики и коллеги. Первые — потому что в принципе не нравился предмет, требующий запоминания скучных дат и не приносящий, по мнению родителей, практической пользы в будущем, в отличие от «серьезных» математики и русского. На что и детей нацеливали по вечерам за обеденным столом.

Вторые — потому что имела одинокая некрасивая рыжая приезжая в очках, худая и сутулая, мечту несусветную: учиться в единственном на всю страну и втором в мире по уникальности, после Школы Хартий в Сорбонне (это еще вопрос, который из них второй, если зреть в корень), Московском Государственном Историко-Архивном институте, куда ежегодно набиралось от силы полторы сотни студентов на три факультета, и проходной балл (по советским меркам) не опускался ниже 23 (включая конкурс аттестатов), а порой и превышал его!

И эта моль бледная, тихоня и вековуха, с областным техникумом начальных классов за плечами, взятая по какому-то недоразумению в их школу учителем истории, бекающая и мекающая на уроках, когда детишки разве что на головах не стояли, замахнулась на такую высоту! Это же, это же просто скандал!

Ирина Михайловна тоже была парией среди предметников («Вашепение- пустая трата учебного времени» — выговаривал ей периодически на педсоветах фаворит директора, красавчик — физик, единственный мужчина в дамском коллективе и любимец старшеклассниц). Но то ли женсовету хватало отрыва на Валентине, то ли молодая симпатичная замужняя Ирочка хорошо выступала на юбилеях, посиделках и прочее коллег и детских утренниках (с баяном, разумеется), в целом отношение к «музычке» было сносным.

А вот «историчке» Тимченко «прилетало» и справа, и слева. Она как-то пришла в кабинет к Ирине и долго плакала, потом поделилась планами на жизнь и воспоминаниями о родном Чернигове. Ирина запомнила кое-что из рассказа, и сейчас эти сведения всплывали у неё в голове.

Чернигов — один из древнейших городов Восточной Европы и славянского мира, с более чем 1300летней историей одно время бывший столицей самого крупного по территории древнерусского княжества, занимающим 400 тыс. кв. км или площадь современной Великобритании.

Границы Черниговского княжества охватывали земли от Днепра на западе до Москвы на востоке, от Южной Белоруссии до Тамани с Тмутараканским княжеством на Черном море. Черниговщина-Северщина была одной из самых населенных территорий среди двенадцати древнерусских княжеств. Здесь располагалось более пятисот городов и поселков, непреступных замков Средневековой Руси, где проживало почти полмиллиона человек.

Черниговщина с южной и восточной стороны соседствовала с Диким Полем, где кочевали многочисленные степные народы (печенег, половцы, тюрки). Постоянная опасность со стороны столь агрессивных и беспокойных соседей воспитала в черниговцах воинственный дух. Они знали, как надо биться с дикими племенами, поэтому многие древнерусские князья прибегали к помощи черниговцев-северян по захвату новых земель, при этом наемным черниговцам доставались немалые богатства. Так расплачивались с

наемниками чужие князья.

Черниговская православная епархия приняла христианство в 992 году, спустя четыре года после крещения Киева, и была самой многочисленной по прихожанам, а количеством христианских храмов и монастырей она не уступала Киевской епархии, где находился Патриарх Всея Руси.

Первым летописно известным Черниговским князем был сын Владимира «Крестителя» Мстислав Владимирович Тмутараканский по прозвищу «Удалой». Родился он где-то в 983 году, отцом его был Великий князь Киевский «Красное солнышко», святой Владимир I «Креститель», а противником — брат Ярослав Мудрый. При чем, противился-то последний, а Мстислав просто предоставил великое княжение Ярославу, а сам ограничился восточной частью тогдашней Руси (от Днепра). Умер при неясных обстоятельствах в 1036 г., а по другим источникам — в 1034 г. По словам летописи, Мстислав никогда не был побеждаем, был милостив к народу, любил дружину и отличался религиозностью.

В год 1024 Мстислав закладывает Спасо-Преображенский собор как кафедральный столицы Левобережной Руси — Чернигова. Древнее него только Константинопольская София: Киевская моложе Черниговского Спаса на 12 лет, а Новгородская — на два десятилетия.

В 1069 году в Болдиных горах великий черниговец, уроженец Любеча, первый русский монах, отец русского монашества, основатель Киево-Печерской лавры, Антоний Печерский (в миру Антипа) закладывает Черниговские Антониевы пещеры, имеющие протяженность более четырехсот метров под землей, на глубине до 12 метров, где круглый год постоянная температура 10 — 12 градусов С и почти 100 % влажность воздуха,

В 1060 произошло чудесное явление на одной из елей Елецкой горы иконы Божьей Матери, позже получившей имя «Неувядаемый цвет» Елецкой, выставленной в соборе Успенского монастыря г. Чернигова и являющейся великим достоянием и святыней всей мировой православной христианской церкви

Около двадцати лет в Чернигове правил великий князь Владимир Мономах, сын Всеволода, внук Ярослава Мудрого, пока его не призвали к себе киевляне в 1113 году. Владимир Мономах был инициатором первого съезда русских шести князей в городе Любече в 1097 году. Здесь было принято, что междоусобицам наступил конец, каждый держит вотчину свою, все присягнули сообща идти против поганых половцев. Похоронен был Мономах в Чернигове, в Спасском соборе.

Проявили себя жители Чернигова и среди сподвижников Богдана Хмельницкого, например первый Черниговский полковник Мартын Небаба со своим Черниговским полком лихих казаков.

В 1696 году именно черниговский казачий полк под командованием наказного гетмана Якова Лизогуба ворвался в турецкую крепость Азов. Петр Первый от восторга перед героизмом черниговцев наградил их всех и особо гетмана.

В 1700 г. в Чернигове был построен Коллегиум, где наукам обучались дети богатых горожан. Готовили их к государственной службе. Подобный Царскосельский лицей под Петербургом будет открыт гораздо позже (1811 г.).

При императрице Елизавете Петровне граф Потемкин неоднократно посещал Черниговщину. Именно там, в селе Лемеша Козелецкого района, что в 57 км от Чернигова, в местной церкви он услышал пение прекрасного юноши Алексея Розума, сына казака Григория Розума и Разумихи, который днем пас коз, а вечером подрабатывал на клиросе.

Юноша немедленно был доставлен в Петербург пред ясны очи императрицы. Так началась молниеносная карьера до фельдмаршальского жезла фаворита Елизаветы Петровны черниговца, графа Алексея Григорьевича Разумовского и его брата Кирилла, который будет Президентом Петербургской Академии наук, покровителем Ломоносова, последним гетманом Левобережной Украины.

Черниговцы были активными участниками Декабрьского восстания 1825 г., но не на севере, а на юге империи. Восстание Черниговского полка, организованное подполковником Сергеем Ивановичем Муравьевым-Апостолом и Михаилом Павловичем Бестужевым Рюминым, началось 29 декабря 1825 г. в селе Трилеса. Судьба участников была, как известно, печальна...

Гордятся горожане и тем, что есть у них Троицкий Ильинский мужской монастырь: в правом нефе Троицкого собора выставлена рака Черниговского архиепископа, святого чудотворца Феодосия Углицкого и Черниговского, небесного покровителя Чернигова. Около его святых останков многие тысячи больных людей были исцелены и тому есть масса свидетельских показаний....

Вместе с историей города вспомнилась и судьба коллеги.

В вящем удивлении коллектива, однажды Тимченко из летнего отпуска в школу не вернулась, а на педсовете директор, кривя губы, заявила, что умудрилась-таки моль поступить, да не просто, а на дневное! Еще и стипендию получила и потому уволилась, а ей теперь срочно историка искать накануне учебного года. А это тот еще гемор, поскольку тащила Валя нагрузку дай-боже: 36 часов в 5-ти параллелях...

Ирина искренне, в отличие от онемевших от возмущения (и зависти?) коллег порадовалась за сильную и смелую женщину, пожелала ей в душе успехов и терпения, поскольку понимала, как тяжело придется почти 30-летней женщине в окружении юных школяров..

Долгие годы после Валентина регулярно присылала Ирине открытки с разными поздравлениями, как было принято тогда: с новым годом, 8 марта, днем рождения. Приписала как-то новость, что закончила институт, вышла замуж в Магадане и ждет ребенка. Ира ответила поздравлением и пожелала счастья.

А потом связь прекратилась. Ира, замотанная семьей и хозяйством, как-то не обратила на это внимания. Да и телефон все больше входил в жизнь россиян, какая уж бумажная почта... Но однажды достала из почтового ящика конверт со знакомым крупным красивым почерком, прочитала длинное сухое по изложению, но тяжёлое по содержанию письмо от бывшей коллеги, и расстроилась до слез.

Валентина поведала, что живет снова в Чернигове (в Украине), в старом доме родителей, откуда ее постепенно в богадельню выживает семейный брат, потому что дома ей одной явно много, а ходить за инвалидом будут лучше специалисты. Оказалось, что Валя слепнет из-за диабета, мужа и сына она схоронила одного за другим, что и спровоцировало болезнь, потом и родители ушли также..

Ирина ответила как смогла бодро, просила держаться. Глупость, конечно... Больше писем не приходило, а когда она попросила сына поискать-ну хоть как-то, — женщину, ответом самостийных соседей стало «Адресат вибув, не проживає». Нема, короче...

Чернигов был расположен на возвышенности, как и большая часть древних городов вместе с оставшейся позади Куявой. Также блестели в закатном солнце купола церквей, очень похожих на привычные попаданке православные, внушала уважение крепостная стена, оглушал торг прямо у пристани и толпы суетящихся жителей.

Эйвинд Густафссон, встав на якорь, остался с командой заниматься делами на берегу, а ротмистр Костюшко, со своей, по рекомендации северян отправился в гостиницу недалеко от пристани, дабы отдохнуть перед следующим отрезком пути.

Микола предпочел общество викингов, несмотря на негодование тетки. Но парень отбрехался, что позже найдет их сам. Воины пообещали взволнованной Дине проследить за мальцом.

Ирина в разборки не полезла, потому как после фееричного ночного выступления не желала привлекать к себе дополнительное внимание опекуна.

А дело было вот в чем.

Ирина Михайловна во время путешествия испытала разные состояния души, среди которых лидировали восхищение местной природой, многогранные впечатления от иного мира и людей, осознание факта перерождения и открывающихся в связи с этим возможностей. Чувства, переполняющие её, требовали выхода. А самым лучшим для Валиевой способом выплеснуть эмоции всегда были пение или игра на баяне: тогда Ира открывалась Вселенной, делилась с ней переживаниями посредством музыки — со словами или без.

Баян для неё был не просто инструментом — он был частью души, всегда был с ней рядом, под рукой. Ира играла, когда грустила, когда веселилась, когда приходили гости или она кого навещала. Только год после смерти мужа она не брала инструмент: не хотела оставлять на кнопках и мехах негатив от непережитой потери. В эти месяцы Ирина больше пела: тихо, протяжно, грустно. С песней уходила тоска, слезы высыхали, и на сердце становилось легче. Потом боль притупилась, Ира сняла футляр с любимого баяна, и снова в ее доме зазвучала живая музыка.

В этом мире ей посчастливилось обзавестись вуэлой, но на корабле взять в руки местную гитару не довелось, ведь к новому инструменту нужно было привыкнуть, приноровиться, а делать такие вещи, по ее мнению, следовало в одиночестве. Только обретя единение с вуэлой, отработав взаимодействие, можно «выходить в люди». Ирина не хотела задеть гитару, отданную ей с любовью, небрежным «мимопроходящим» отношением. Если инструмента нет, оставался голос. *Вот из-за этого-то Ирина и нарвалась на неприятности...*

Во время путешествия Ирина любовалась не только прибрежными видами, но и присматривалась к своему окружению.

Про Дину она поняла следующее: преданная, обожающая воспитанницу, простая, недалекая, очень религиозная и не очень чистоплотная. Если вначале попаданка надеялась на некое подобие дружбы, теперь так не думала, поскольку Дине требовалось управление: сама женщина самостоятельностью не отличалась, ее нужно было «вести». О мире знала до обидного мало — не помощник, хоть и заявляла обратное. И что-то Ирине подсказывало, что правда об ее истинной личности Дину шокирует настолько, что из верной наперсницы та может превратиться в верного врага. Да-с...

Миколка после знакомства с нордами пропал: парень влюбился в ватагу суровых воинов и моряков. Его горящие глаза давали понять, что у конюха из поляцкого поместья появилась цель в жизни: стать похожим на лихих чужеземцев. И он к ней пойдет, не оглядываясь и не сомневаясь. Такая устремленность вызывала уважение, и в то же время напрягала: между двух вариантов вдруг выберет важный для себя, невзирая ни на что или кого? Молодой и эгоистичный, что уж.

Самым противоречивым персонажем в глазах Ирины был опекун, пан Збышек. Мужчина взрослый, опытный, умный, рискованный, ответственный, верный слову и памяти матери предшественницы. А вот последнее было скорее опасно: в отношении Валиевой клятва могла считаться недействительной, следовательно, конкретной ей, попаданке, ротмистр ничего не был должен. И предсказать его действия в случае «провала» Ирина не бралась.

Наблюдая за бывшим военным, иномирянка отмечала его любознательность (от капитана он не отлипал), некоторую надменность по отношению к Дине и матросам (неявно выраженную, но все же) и мягкую снисходительность — к ней. Он не особо обращал внимания на то, чем она занята, как себя чувствует, не стремился поговорить, что-то спросить, например, о планах на будущее. Или о матери...

Фактически, ротмистр ставил подопечную в известность, направлял, следил за общим состоянием. И всё. С одной стороны- меньше шансов сделать ошибку, с другой... Дело в неумении строить отношения, а не солдат? Он ей не доверяет, потому что она, в его понимании, ребенок, или у него пунктик на контроле? Так ли бескорыстен отставной ротмистр? Ведь документы-то на них с Диной и поместье Славии вместе с деньгами он Арине показал, но не отдал...

Ирина на этой мысли запнулась. Она, получается, заложница Костюшко! Ну, Арина, может, и приняла бы такой расклад, только пенсионерка Валиева привыкла к другому. Вытащить документы, пока опекун занят? А как объяснить потом, почему так поступила, ведь причин-то объективных нет? Скарлетт в данном случае помочь не могла, приходилось отгонять тревожащие мысли виртуальными палками.

Так толком и не определившись в отношении опекуна, Ирина добавила к коктейлю требующих выхода эмоций еще и эту. А воспоминания о пропавшей коллеге стали «вишенкой на торте».

И котелок закипел, а спускать пар иномирянка привыкла пением. Ну и запела.

Почему Эйвинд Густафссон устроил ночевку на берегу в последнюю перед Черниговым ночь, Ирина не знала. Может, примета у них такая — приходить в порт прибытия чистыми и отдохнувшими? Или с пустыми закромами припасов? Или в этом был божий промысел, чтобы Ирина показала себя, трам-тарарам?

Как бы то ни было, когда Десна показала изгиб своего русла (редкий, кстати), норды подняли весла, бросили якоря у выдающейся в реку песчаной отмели и посыпались на берег. Дам снова транспортировали на руках, и в этот раз озадачили помощью в готовке. Сами гребцы шумной толпой рванули мыться (после того, как часть ушла в виднеющийся неподалеку лесок, часть набрала воды и запалила костры).

Викинги раздевались донага, плескались, ржали, возились как дети и заставляли Ирину улыбаться, а Дину — краснеть и хмуриться, причитать о непотребстве и сраме и периодически креститься.

Когда на небе вошла полная луна, «Ніч яка місячна, зоряна, ясная. Видно, хоч голки збирай» всплыло в памяти попаданки. «И такой на небе месяц, хоть иголки подбирай» пошло следом, и Ирина начала тихонько напевать, не отдавая себе в том отчета.

Сидела она в ряду северян у костра вместе с капитаном, ротмистром и Миколой. Дина, утомленная недельным болтанием на воде и вновь оказавшаяся на земле, после всех хозяйственных дел и легкой помывки отпросилась у паненки спать.

— Аринушка, дetyнька, прости меня, нету сил. Лягу я, ты от пана Збышека не отходи. — Прошептала нянька и поплелась чуть в сторону, где Микола сладил им лежанку.

— Отдохни, конечно, Дина, — ответила довольная таким поворотом Ирина.

Освеженные, наевшиеся и принявшие чего-то крепкого на грудь, викинги переговаривались, пересмеивались, некоторые тут же и похрапывали. Чернильно-черное небо сияло бриллиантами звезд, по реке бежала лунная дорожка, ночная прохлада бодрила, и

сон к Ирине даже и не подступал. Ей выпить не дали, но она и без градуса чувствовала легкую эйфорию от лиричности обстановки.

— Эх, капитан, жаль, что нынче не пошел с нами Йорген-скальд! Грести под его песни — будто играть в детстве! Никакой усталости! Да и сейчас бы послушать старинные саги, а не храп Бьёрна!!! — вдруг громко высказался сидящий по правую руку командира нордов рыжий Эйрик, бригадир гребцов кнорра, которого Ирина выделяла благодаря неизменной веселости, ловкости и огромной физической силе: он ворочал тяжеленным веслом как перышком, без усталости и недовольства, даже когда другие начинали ворчать.

— Да, да, капитан, в следующий раз надо взять какого-нибудь мальчика даже, пусть кашу варит да песни поет! А то домой тянет, а дорога еще дальняя! — слышались одобрительные голоса команды.

— Скальды помечены богами, их участие в походах притягивает удачу, а сложенные песни прославляют таких командиров, как ты, Эйвинд Густафссон! И нас вместе с тобой! — пророкотал откуда-то чей-то бас. Кормчий лишь ухмыльнулся на лесть и предложение:

— Все бы тебе, Ульф, шуточки... Сам же знаешь, редки стали в наших краях истинные скальды, все больше монахи да иноземные барды в почете. Да и голосов таких, как у Йоргена, не сыскать. Так что, пой сам, Ульф, глядишь, рыба не протухнет и птицы не разбегутся!

Ватага грохнула молодецким смехом. Отсмеявшись, мужики продолжили перебрасываться словами, а попаданка вдруг почувствовала, что не может сдерживаться больше, как тот волк с голосом Джигарханяна: «Щас спою!»

Подняв голову к небу, она глубоко вздохнула и отпустила душу:

Ніч яка місячна, зоряна, ясная. Видно, хоч голки збирай. Вийди, кохана, працю зморена, хоч на хвилиночку в гай. Вийди, кохана, працю зморена, хоч на хвилиночку в гай...

Ирина Михайловна пела, как помнила еще со времен училища — вариант из «В бой идут одни старики». Этот шедевр женщина пересматривала всегда, когда находила его в сетке телепрограммы и — обязательно — в День Победы, вместе с «Белорусским вокзалом», «Офицерами», и, если хватало сил — «На всю оставшуюся жизнь». Рыдала, подпевала, выпивала за Победу и горевала о стране, которую потеряли ее сверстники...

Над поляной разливался сильный, неожиданный для хрупкой девушки в штанах, голос, а мужчины затаили дыхание от его красоты и загадочности. Песня, непонятная, но такая щемяще-нежная, тронула ожесточившиеся души северян, у многих к глазам, устремленным на пассажирку, подкатили слезы... И когда девушка смолкла, на миг установилась такая тишина, что слышен был лишь треск костра да стрекот сверчков в траве.

Ирина очнулась в тишине. На душе было так хорошо, что хотелось плакать. Любимая песня и прекрасный, как оказалось, голос Арины унесли девушку в нирвану. Нашедшие, наконец, выход эмоции оставили по себе приятную светлую грусть.

Попаданка глубоко вздохнула и открыла глаза. И оторопела: на неё как на чудо смотрели сквозь пламя костра капитан, ротмистр, Эйрик Рыжий и другие соседи, а за ними стояли или сидели кругом остальные северяне с такими же недоуменно-восторженными лицами. А потом мужики разом захлопали и начали что-то выкрикивать на своем языке, указывая на неё пальцами! Ирина поняла, что, поддавшись порыву, открыла больше, чем следовало...

«Это катастрофа... Или происки богов. Но как же было хорошо!» — успела мелькнуть в голове мысль перед тем, как на спину ей опустилась могучая длань Эйрика.

— Спой еще, девушка! Таких песен я нигде и никогда не слышал! Умирать буду — не забуду! Прошу, не откажи, и ребята тоже просят! Порадуй, дева-скальд! — с чувством пророкотал здоровяк и, повернувшись к товарищам, призвал, видимо, поддержать его просьбу, потому что северяне начали хором что-то скандировать, переглядываясь и похлопывая друг друга по плечам.

Ирина растерялась: на такой результат она не рассчитывала, впад в состояние аффекта. Она крутила головой, не зная, как себя вести, махала отрицательно руками, пока слово не взял командир нордов. Он, как и ротмистр, во время буйства команды сидел на месте, внимательно всматриваясь в ее лицо.

А вот поведение молчащего опекуна Ирине не понравилось. Пан Збышек не смотрел — он сверлил взглядом подопечную, будто хотел добраться до ее нутра и вскрыть. И он явно не разделял восторгов окружающих. От этого Ирине внезапно стало холодно и тревожно, и в мозгу прозвучало предложение группенфюрера СС Генриха Мюллера из «17 мгновений весны» в исполнении Броневого, ставшее синонимом надвигающихся неприятностей: «А вас, Штирлиц, я попрошу остаться...»

Попаданке захотелось одновременно сжаться и спрятаться, и наоборот — распрямиться и бросить вызов. Верх взял кураж, и Ирина, поведя плечом, смело посмотрела в глаза ротмистра. «Да пропади ты пропадом! Хрен тебе, а не мой страх!» — решила Ирина.

— Панна Арина, а вы еще спеть сможете? — донесся до неё негромкий голос капитана. — Очень красиво было, — медленно проговорил сдержанный обычно викинг. И добавил мягко. — Пожалуйста.

Ирина пела до рассвета, пока Эйрик не заметил, что девушка прикладывает руку к горлу, и не заставил всех разойтись и дать сирене отдохнуть.

После просьбы продолжить, высказанной капитаном Густафссоном, Ирина Михайловна окинула взглядом присутствующих, снова отметила напряженность ротмистра, восхищение воинов, мысленно махнула рукой на возможные последствия и предалась любимому увлечению, ставшему в прошлой жизни профессией. Пусть и не смогла она в ней реализоваться сполна.

Иномирятка одну за другой перепела многое из привычного по застольям и посиделкам репертуара, краем сознания отмечая, что благодаря вокалу Арины исполнение теперь выше

всяких похвал — для неё, знакомой с великими земными певицами.

Второй песней стала «Из-за острова на стрежень». Попаданка не раз вспоминала ее про себя, пока следила за гребцами на кнорре или видела идущий чуть сбоку передний драккар: почему-то возникала такая ассоциация. За ней последовала «По диким степям Забайкалья», «Степь да степь кругом», «Ой, да не вечер»...

Ирина заканчивала одну, делала небольшой перерыв и снова распахивала душу навстречу ночи и звездам. Она не видела четко лица слушателей, забыла о сомнениях и страхах, растворяясь родной стихии, не задумываясь о том, как реагируют на ее исполнение собравшиеся у костра мужчины и что она споет позже...

Валиева пела для себя. Так, как давно мечтала — свободно, полной грудью, не боясь сфальшивить или не вытянуть нужные по стандарту ноты...Голос прежней Ирины Михайловны и вполнину не дотягивал до нынешнего у юной Арины. И от его богатства и возможностей у самой вокалистки дух захватывало!

Мужчины слушали, вздыхали, шептались в перерывах, толкали Эйрика, чтобы тот просил еще. Не все понимали слова, но все очаровывались исполнением. Уже на краю неба посветлело, и тогда рыжий здоровяк кашлянул, привлекая внимание девушки, и тихо проговорил:

— Панна, а веселое что-нибудь напоследок можешь?

Актриса моргнула глазами, вникая в смысл, и расхохоталась:

— Что, нагнала тоски да грусти? Ну, простите, пошло под настроение. Веселое, говоришь? — задумалась на мгновение. — Хорошо, под занавес!

И выдала «Марусю», которая слезы льет! Мало того, женщина вскочила и, плюнув на всё, сопровождала песню телодвижениями, стараясь донести до зрителей ее смысл максимально возможно — в данной ситуации. Она изображала плакальщицу, бравого Ивана, сосну, мороз, встречу, радость...Наверно, смотрелось сие комедиантство потрясающе, и викинги что-то да поняли, потому что улыбки расцвели на их физиономиях, а ноги притоптывали в такт песне. Театр одного актера провел фееричную премьеру!

К спящей Дине попаданка отправилась в сопровождении ротмистра, ни разу не присоединившегося к аплодисментам и не спустившего цепкого взгляда с Ирины на протяжении всей ночи. Несмотря на охвативший ее исполнительский экстаз, Валиева ощущала его ледяное внимание и глухую ярость.

Подтверждение будущих проблем она получила во время этой прогулки: как только они чуть отошли от расползающихся по местам отдыха нордов, пан Костюшко схватил ее за плечо так, что у женщины рука занемела, и прошипел сквозь зубы в ухо:

— Ты мне всё расскажешь! И попробуй только соврать! Ты-не Арина!

Попаданка молчала, поэтому злой как шершень ротмистр еще сильнее сжал пальцы у неё на плече и грубо встряхнул:

— Я вытряхну из тебя правду о том, что ты сделала с дочерью Славии и о том, кто ты и откуда! Не вздумай взбрыкнуть или сбежать, из-под земли достану! — продолжал скороговоркой цедить сквозь зубы угрозы. — Завтра мы будем в Чернигове, там и поговорим. Дине ни слова, пока я не решу, что с тобой делать! И помни-ты в моих руках, без документов тебя объявят преступницей и казнят или вернут герцогу..

Ирина молчала не потому, что прониклась словами кавалера: у неё болело горло, и она испугалась. Уже рядом с лежащей и-ну надо же! — храпящей Дины, опекун тела повернул

Ирину к себе лицом, провел рукой, вроде лаская, по голове и щеке, потом надавил сзади на шею, приблизив к себе, и снова прошептал:

— У меня были планы на Арину, и менять их я не позволю никому, тем более тебе, *НЕЧТО*..-мужик скривился. — Советую быть покладистой и откровенной. Тогда и я буду..

Не закончив фразу, он легонько толкнул Ирину к лежанке, повернулся и, *НАСВИСТЫВАЯ* и чуть ли не пританцовывая, удалился. А иномирянка рухнула на землю, накрылась одеялом, приготовленным для неё, и отключилась.

Подъем, сборы и путь до города Ирина запомнила плохо: тело болело от неудобного положения во сне, коротком и мутном, ее мутило от волнения и напряжения, но попаданка старалась вести себя спокойно и привычно для остальных. Она улыбалась нордам, терпела суету Дины, пристальное внимание ротмистра, не отходившего от нее, против обыкновения, ни на шаг, восхищенные взгляды мужчин, удивленно-недоуменные — Миколы и задумчивые — капитана. И думала.

То, что ротмистр ее раскусил, Ирину не так поразило, как то, что оказался пан совсем не тем, кем его считала Дина, да и она сама — до вчерашней ночи. Нет, женщина не доверяла опекуну Арины полностью, но и прямо вот врагом не воспринимала. Честно сказать, вариант ее раскрытия был лишь во времени, поскольку слишком она отличалась от юной предшественницы, и как ни старайся, различия в характере и поведении навели бы близких к ней людей на размышления.

Другое дело-подача самого факта. Если, как другие коллеги по попаданскому цеху, она смогла бы перевербовать окружение на свою сторону или же чудом адаптироваться к миру, или избавиться от них (не убивая, разумеется, что вы!). Сбежать, в конце концов! Но это — позже, а не вот так, с бухты-барахты. Теперь карты сданы, и не без ее глупости.

Иномирянка сидела на палубе, закрыв глаза, и анализировала ситуацию. Ротмистр непросто, более того, у него есть и рычаг давления на неё, и, очевидно, какая-то информация о похожих случаях. Не удивился он, вот в чем дело! Разозлился, да, но не был потрясен, всего лишь раздосадован, что в его планы кто-то внес коррективы.

Про великую бескорыстную любовь вещал, на поверку же выходит, не хлебом единым... Вряд ли он рванул с ними только из-за данного покойной слова, если и с ней он был искренен. Имение Славии в другой стране-вот что, скорее всего, интересовало отставника без средств. Юная девушка-изгнанница, при ней дура-служанка, малохольный романтик-конюх в довесок и перспектива контроля над имуществом и жизнью сиротки... Тут есть, где развернуться и поиграть..

Нет, он от цели, в шаговой доступности находящейся, не откажется! И Ирина в роли Арины ему даже больше подходит! Допрос с пристрастием она, конечно, переживет: слишком нужна. Пока... Не удивит, если уже сегодня потащит к местному нотариусу подписывать доверенность на ведение всех дел и распоряжение имуществом! Ведь деньги-то в Куяве Арина получала! И печатка пока у неё в вещах лежит... А вот паспорт — у ротмистра. Вроде забота, а на деле — вон оно что, Михалыч!

Куда бежать? И когда? Ирина открыла глаза и тут же наткнулась на ухмылку ротмистра: следит, зараза. О, и Микола — тоже? Его привлечь? Как? Да и связываться с юным авантюристом — себе дороже. Реально остаются норды: неместные, воины, дружелюбны по отношению к ней. Поверят? Версии с попытками навредить — вполне. Главное, чтобы приняли, спрятали и вывезли, в идеале-в страну Нордманию. Всегда мечтала увидеть фьорды!

Дина ничего не замечала, радостно шагала к гостинице и благодарила папа за заботу. Ротмистр скромничал, но Ирину от себя не отпускал ни на шаг, поддерживая за локоток, за плечо. Дина умилялась, а попаданка копила силы и надеялась на удачу Миколы.

Да, ей удалось коротко переговорить с парнем на пирсе, пока ротмистр общался с капитаном на тему: «Как и с кем доплыть им до Курянска?». Оказалось, что оплатил ротмистр нордам переход до Чернигова, а вот дальше они собирались решить вопрос по прибытии: Густафссон предупредил, что если им не подвернется заказ в сторону дома, они сопровождают пассажиров до цели. В противном случае-звиняйте, бизнес есть бизнес, но замену он приличную подыщет.

Так и случилось. Не успели норды пришвартоваться, как к ним подлетел белесый паренек, затараторил что-то веселым голосом, воины обрадованно загалдели и даже Эйвинд скривил губы в улыбке.

Опекун сник, Ирина возликовала — есть шанс! Пока северяне обсуждали принесенные мальцом новости, капитан отвел Костюшко в сторону и что-то говорил: Ирине, уже стоящей на берегу, было не слышно. Дина уселась на тюк немного в стороне, а Микола сам подошел к хозяйке.

— Ну, Арина, ты вчера и..-парень закатил глаза. — Не знал, что ты *такумеешь*... мать учила, да? Слова вроде знакомы, да не совсем. Хорошо было!

Ирина повернулась спиной к кораблю и быстро заговорила:

— Микола, мне нужна помощь! Ты сможешь вытащить у ротмистра мои документы? Дело серьезное, времени нет объяснять! Не удивляйся, лицо по-проще, опекун за мной следит! Тетке ни слова! Вечером приходи в гостиницу, скорее всего, он меня запрет или ... — Ирина оглянулась, улыбнулась ротмистру, помахала капитану и заторопилась:

— Микола, я не шучу, мне нужно сбежать от пана Збышека! Ты ведь наймешься к нордам, правильно? — парень явно плохо соображал, но слушал. — Договорись с Эйвиндом или Эйриком, чтобы и меня взяли! Смогу — заплачу. Микола, я в опасности, поверь! Ночь я переживу, я ему пока нужна, а вот завтра...

— Хорошо, паненка, найду я тебе мыло фиалковое! Не беспокойся, к вечеру все будет, принесу- вдруг понес ахинею конюх, и Ирина поняла, что к ним приближался ротмистр. — Пан Збышек, вы в гостиницу? Тетку мою успокойте, я вечером загляну, а пока пойду помогать..

Миколка убежал, а Ирина опустила голову. Опекун поднял ее подбородок и сообщил:

— Мы идем в гостиницу. Потом я уйду искать новое сопровождение, а тыбы- протянул он — будешь умницей и не доставишь мне хлопот, так? Завтра, а лучше сегодня пойдем к законнику. Понимаешь, зачем? Вот и хорошо. Дина, Арина, идемте, здесь, по словами капитана, недалеко.

Уходя с пристани, Ирина чувствовала спиной чей-то взгляд. Только бы Микола поверил и не подвел...Иначе..

Миколка поверил, и как только земляки удалились, подскочил к командиру северян.

— Господин капитан, поговорить надобно, о паненке Арине — не поднимая голоса, чтобы не привлекать внимание других (хотя им было не до секретов, да и языка толком не знали), смотрящих вслед троице с жалостью: понравилась певунья нордам, жалко было расставаться.

— Говори — спокойно приказал Густафссон, провожая взглядом бывших спутников

— Она, это, помочь просила... — Микола зачастил. — Вроде, боится ротмистра, велела документы у него ейные выкрасть и. К вам она хочет, чтоб, эта, я понимаю, сбежать... больше сказать не успела, но вечером я с ней встречу, и. попробую забрать бумаги. Ротмистр, он меня-то за дурака держит, авось, не споймает... Паненке и так досталось...

Микола с надеждой смотрел на норда, а тот перевел взгляд на реку и молчал. Потом сказал:

— Ты точно с нами решил идти? Тетка твоя как же?

— Точно! А тетка... Она неплохая, да вот. Что ж мне, за юбку бабью держаться? Мне зимой 18 годов стукнет, иные женятся, а я все на побегушках... За панну я все делать буду! Она добрая и хорошая, как мать ее покойная... Грамотная, рукодельница знатная. Домохозяйству обученная... Нельзя ее бросать! Неспроста она вот так осмелилась, знать, что-то ночью случилось. Видел я, как пан-то смотрел на неё, когда она пела. Я еще про себя дивился: чегой-то он злится, красиво же поет панна. Она и раньше, малой, при матери пела, так ...

— Поступим так: ты вечером пойдешь в гостиницу, расскажешь тетке, что с нами останешься. Выясни, как они там разместились и остальное, а потом вернись сюда. Сам не лезь, просто осмотри, понял? — Эйвинд говорил ровно, но глаза его отливали ледяной синевой. — Ступай к Эйрику, помоги там, а его пришли ко мне.

Микола сделал, как велено. Густафссон дождался рыжего и, отдав распоряжения команде, двинулся в город. Надо было встретиться с земляками, выяснить про груз, узнать новости. Ну как обычно, а еще найти одного рискованного человека..

Ирина молчала по дороге в город, молчала в лавке, куда попутно завел их с Диной опекун и выбрал для женщин новые приличные, на его взгляд, платья, молчала, когда в номере он распорядился об обеде и горячей воде. Дина, святая простота, поверила воспитаннице, что устала она, да и что-то голова побаливает, поэтому неразговорчивая такая.

Ротмистр поглядывал с сомнением, но Ирина действительно выглядела не очень: бледная, вялая, смиренная. После еды (в общем зале, ради разнообразия) ротмистр великодушно отправил их в номер отдыхать и мыться, но велел не разлеживаться.

— Вернись часа через три, будь готова, — приказал как отрезал и ушел.

Ирина выдохнула, а вот Дина заволновалась.

— Аринушка, детка, чегой-то с паном Збышекком приключилось? Прямо вроде как подменили его, нет? И куда это он сказал приготвиться?

— Дина, не переживай. Расстроился опекун, что норды нас до места не проводят, дела у них нашлись важные. Теперь других искать. А пойдем мы к законнику, чтобы доверенные

бумаги сделать, чтоб, значит, пан мог и без меня именем управлять — как старший и знающий. Ты лучше помоги мне голову промыть да с платьем займись, ушить бы его немного. И стирку малую затей, пока мы по делам пройдемся.

Ирина говорила все спокойно, с улыбкой, а внутри узлом завязывался страх: что делать дальше, она не могла придумать. Вернее, *как*. Денег у неё немного, вещей тоже (жаль вуэлу, но с ней придется расстаться)...Дина..

Попаданка, снова поймав себя на мысли о вылезшем из недр темной стороны цинизме, однозначно решила проститься с нянькой — без сомнений и угрызений совести. Взрослая тетка, не пропадет. А тащить ее за собой — значит, сводить процент успеха к нулю. Нет, Ирина уйдет одна, с помощью Миколы или без.

«Прости, Арина, но я буду поступать, как *мн*е нужно, раз так все сложилось. Имение твое не стоит *моей* жизни. Страдать от «причуд» двуличной сволочи не хочу и не буду! И этот мир большой, найду место! Руки-ноги есть, прорвемся»- внутренне настраивалась на будущее Ирина, а внешне хранила на лице устало-глуповатое выражение типа «что воля, что неволя-все равно».

Поход к местному нотариусу прошел гладко и быстро. Невзрачный мужичок выслушал пожелания ротмистра, спросил согласие Ирины, оформил волеизъявление наследницы честь по чести, даже не взглянув на неё лишний раз. Ирина всю процедуру просидела безучастной и покорной. Ротмистр успокоился и по дороге в гостиницу разговорился.

— То, что ты не Арина, я понял давно. Сначала удивился, а потом решил, что так даже лучше. Чего только в мире не случается, подумать только! Во Фризии знавал я одного алхимика, чудаковатый такой, искал этот, философский камень, что все может в золото превращать. Так он, помимо камня, хвастал, что мол, демонов вызывает, а они ему тайны всякие рассказывают, пока в телах свежих покойников находятся. Не улавливаешь, к чему веду?

Пан Збышек искоса посмотрел на отстраненную спутницу, хмыкнул и продолжил:

— Говорил, что однажды демон, перенесенный им во внезапно скончавшегося слугу, прожил у него пару лет, но, увы, сбежал! Или не демон то был, а, А-ри-на? — довольный собой ротмистр протянул имя девушки и снова гаденько ухмыльнулся. — Кто ж ты такая? Ты точно женщина, и наверняка старше Славиной дочки: не мельтешишь, лицо держишь. А ведь боишься, так? Оно, конечно, как не бояться, не дура чай. Не хочешь говорить? Обиделась?

Ирина не повернула головы, не ответила. Зачем? Этому лицемеру важен он сам и его блестящий план, так пусть и дальше откровенничает, раз уж так распирает.

— Ну, я не слишком гордый, не то, что мать твоя, то есть, панна Славия, мне и того, что теперь в руках, хватит на всю жизнь. Я и с тобой могу поделиться, если правильно себя поведешь. Ты ж пока телом молодая, за тобой пригляд нужен, и хозяйство тамошнее вести, и с властями задружиться. Кто ж девчонку-то всерьез воспримет? Прижмут, окрутят и поминай как звали пришлую паненку. А со мной ты будешь в неге да сытости жить, я и жениться могу, не родня ведь. А ты на Славию похожа... — вдруг вздохнул ротмистр.

— Что, гадом я тебе вижусь? — опять окинул взглядом Ирину. — Ну, думай так, мне чихать. Да только я, правда, любил Славию, бежать с ней хотел, даже у герцога выяснял, возможен ли развод и что я ему за то должен буду...А она уперлась, коза! И Тадеуш, недоносок, приревновал ее да проследил, а потом навет на меня герцогу настроил!

Опозорил, места лишил, сволочь!

Ротмистр остановился и пнул камешек с досады. Ирина равнодушно смотрела на разошедшегося мужика и не чаяла, когда сможет избавиться от него и его словесного поноса.

— Жаль, что она померла, зато ты вот мне досталась..- мужчина поднял лицо девушки за подбородок и заставил смотреть на себя, и даром, что стояли на улице. — Подрастешь, округлишься, я тебя попробую... Вместо матери! Должна же быть у меня награда, не думаешь? Ах, ты же другая! Но тело-то ЕЁ..Тебе понравится, уверен, я умею обращаться с паннами...

Как Ирина выдержала монолог напыщенного фигляра и не дала ему в морду, останется за кадром, но в гостиницу она приползла, зашла в номер и легла на кровать, не обращая внимания на вопросы и причитания Дины. Надоели оба!

Ужинали дамы в номере, а ротмистр, распорядившись не беспокоить женщин и наказав Дине присматривать за девушкой не задавая вопросов, отправился в ближнюю таверну, где подавали фризские блюда, по которым он соскучился. Все это Ирина выслушала молча, ополоснулась и легла в кровать. Думать не хотелось, так вымотал ее ротмистр. Дина охала, удивлялась, пыталась разговорить воспитанницу — тщетно. И тоже легла.

На город, который Ирина не увидела, опустилась ночь. Микола так и не пришел...

До рассвета Ирина Михайловна то засыпала под храп лежащей рядом (по ее настоянию, место-то много) Дины, то от него же и просыпалась. В конце концов, промаявшись с час после очередной побудки, тихонько встала, оделась и, подойдя к грязноватому окну, застыла в раздумьях.

— Что будем делать, дорогая? — обратилась она к себе. — Микола не поверил, очевидно. Обидно, досадно, но ладно. Теперь план меняется? Уйти сейчас? Пока нянька не видит? — она кинула взгляд на служанку, спящую сном праведника, прикинула возможности и начала осторожно рыться в вещах, сложенных Диной на длинной лавке.

Ирина выбрала все штаны, рубахи, исподнее, драгоценности (перстень, родовой, ротмистр забрал, когда доверенность оформляли), письма, швейные принадлежности, гребень... Получился приличный узел. Поделила те деньги, что чудом остались у неё от размена (честно, даже забыла, что они есть), поровну и отложила к вещам служанки. Бросив взгляд на нравившуюся вуэлу, тоскливо вздохнула и решительно взялась за ручку двери. Та не поддавалась!

— Это он, сволочь, нас запер, что ли? Да когда? Или я настолько отключилась, что все пропустила? И что теперь-то, господи? — прошептала Ирина и в расстройстве присела на лавку. Мысли завертелись волчком, и ни одна не давала надежду..

И вдруг щелкнул замок! Ирина аж подпрыгнула от неожиданности и испуга. А дверь между тем стала мееедленно и тихо приоткрываться. Валиева прижалась к стене и непроизвольно поджала ноги.

В образовавшуюся щель бочком протиснулась мальчишеская фигурка и огляделась. Натолкнувшись взглядом на сжавшуюся на лавке Ирину, лазутчик приложил палец к губам, мол, молчи, и, приоткрыв дверь пошире, мотнул головой. Ирина поняла, что он приглашает идти за ним. Несмотря на невероятность проходящего, Ирина двинулась за неожиданным гостем.

В темном коридоре малец взял попаданку за руку и потянул за собой в другую от лестницы, по которой они поднимались в номер, сторону. Ирина, прижав к себе узел, пошла за ним. Было тихо, только откуда-то снизу доносились приглушенные голоса, звон посуды и шаги. Ведущий Ирину за руку проводник аккуратно ступал по коридору, а она слепо следовала, почти не видя, куда ступает.

Беглецы прошли по коридору, спустились по лестнице (парень велел держаться стены), пересекли (Ирина боялась смотреть по сторонам, опасаясь, что если вдруг увидит кого, их тоже заметят) задний двор, остро пахнувший навозом и отхожим местом, и уперлись в дощатый забор.

И тут, в предрассветной хмари, Ирина смогла рассмотреть проводника. Им оказался не мальчишка, а мужчина-карлик, или, как помнила Ирина по прежней жизни, «маленький»: так, вроде, предпочитали называть себя люди с синдромом карликовости, вернее, там латинское название болезни было, что-то похожее на «нано».

Наверное, только благодаря шоку от всей ситуации Ирина не вытаращилась неприлично на этого человека, макушкой не достававшего ей до груди. А он, отпустив ее руку, раздвинул две доски в заборе и юркнул наружу.

— Пролезай быстро, да узел отдай, застрянешь- проворчал басом человек и

придержал доски. Не раздумывая, Ирина выполнила приказ, и через минуту оказалась где-то в проулке. Пусто и тихо, сыро и грязно, но Ирина готова была целовать землю-она выбралась. И тут до неё дошло: а куда, собственно, и кто ей помог?

— Ты, это, девка, не ори и шуруй за мной. Тебя ждут. Нам еще пилить и пилить, так что давай, ходко. — Мужчинка заковылял вперед на кривоватых ножках, а Валиева двинулась следом.

«Ждут? Кто? Неужели Микола? Или — норды? — лихорадочно соображала девушка, пытаясь не отставать от неожиданно резво передвигающегося сначала по переулку, потом по просыпающимся улицам, каким-то огородам и садам маленьким человеком. Шли довольно долго, как и сказал проводник, и Ирина Михайловна начала беспокоиться.

«Что ж я такая доверчивая-то? Пришел, увидел и увел, и я, как овца, тупо пошла... — злилась она на себя. — Вдруг тут тоже есть работорговля, и приведет он меня, наивную, в притон?»

Будто услышав ее мысли, карлик, не поворачиваясь, ответил на невысказанный вопрос:

— Да ты не трусь, меня Хмель послал, а его норд, Эйвинд. Смешное имечко, а мужик правильный. Веду тебя в дом на окраине города, подальше от гостиницы. Поживешь там пару дней, чтоб не нашли, если искать будут. Будут ведь? — он повернулся, и Ирина пожала плечами. Ротмистр может, обещал. Хотя, желаемое-то он уже получил. Ну а Дину кто слушать будет?

— В любом случае, на корабль ты попадешь не в порту, там народу глазастого много. Хмель тебя по реке отвезет до деревни в паре верст, а там норды тебя подхватят. Понравилась, видно, ты капитану-то, раз он Хмелю долг давний простил за помощь тебе! Цени, девка, правду баю.

Ошеломленная событиями утра Ирина не отреагировала на слова должным образом, просто кивнула. Главное- она избавилась от опекуна, а дальше жизнь покажет. Ирина взбодрилась и побежала догонять карлика.

Безмянный проводник привел поажданку в небольшой домик у реки, откуда просматривались купола церквей, но не видно было ни пристани, ни людей. Строение, напоминавшее хуторскую избу, было пустым, не сильно меблированным, но относительно чистым: печь, полати, стол, две лавки, сундук у стены. На притолоке — пара мисок, кувшин, чугунок, сковорода, пузатый закопченный чайник, стопка серых полотенец. В сенях- бочка, ведро, за домом-колодец. Все.

— Ты девка, не тушуйся. Приберись пока, осмотрись, я в город схожу, принесу пожрать чего. С печью справишься? Хорошо. Я после полудня вернусь. Никого здесь нет, так что сиди спокойно. Хмеля дом, его знают и не суются, так что...Да, бл..! На вот, документы и перстень, твой? Пощипал я того ляха — вытащил из-за пазухи сверток.

Успокоил карлик деву и ушел. А Валиева обессиленно опустилась на лавку. Сбежала! И бумаги у неё, и печать родовая Арины! Только вуэлу жаль...

Маленького компаньона звали Яцек, и был он вором-домушником (неудивительно), а еще — балагуром и матершинником. Как и почему в новом мире она снова приобрела такого соседа, пусть и кратковременного, Ирина не ведала, но искренне поразились вселенской популярности и практичности уникального языка своих предков.

Про уникальность мата она услышала от пьяницы-соседа, когда однажды в сердцах выругалась длинно и сочно на строителей-рукож...в и извинилась, что, мол, совсем тут стыд и цивилизность потеряла, в деревне.

— Ирка, вот темная ты женщина! Знала бы ты, что такую фразу некоторые ученые записали бы да в книгу вставили как пример возможностей использования уникального культурно-исторического явления, не имеющего аналогов во всем мире. Что, думаешь вру, как Троицкий? Зуб даю, чтоб мне тетка Клава не дала горилки на опохмел после праздника!

Сделав характерный жест, Серега поведал:

— Было дело, по молодости, дружил я с девочкой, а та из профессорской семьи была. Ну, ты ж небось, знаешь, что и на моей улице КАМАЗ с пряниками однажды перевернулся, да просрал я и пряники, и остальное... не суть.

Так вот, пригласила она меня на день рождения, а там народ собрался — ууууу! И разговоры вели умные! Я тогда-то мог языком вертеть гладко, студент-физик, ёпть.

Там постоял, тут послушал. И услышал спор.

Сцепились два солидных таких мужика, вот прям издали видно-доктора да кандидаты. Один сетовал, что мол, падает уровень образования в стране, мельчают людишки, классику забываю, мат процветает. Мол, указ нужен о запрете такого постыдного для великого народа явления, роняющего честь отчизны на мировой арене.

На что второй ему: при падении нравов запрет — не выход. А вот о постыдности и мировом позоре — это вы, батенька, зря! Ни один, говорит, национальный язык на Земле не породил такое явление, как русский мат! Бранные слова — да, есть, а вот именно языка — нет!

Первый: в чем, мол, разница? Грязная ругань везде! Второй: ЭЭЭ, нет, голубчик. И произнес фразу, которую я сразу запомнил, так она мне понравилась: «Мат уникален потому, что позволяет малым количеством слов выразить всю гамму чувств так, что вас

поймет представитель любой социальной категории. Это, некоторым образом, язык межсоциального и межнационального общения, особенно в условиях высочайшего эмоционального напряжения». Хохот стоял! Но ведь прав мужик, ты так не считаешь?

«Были тут, что ли, попаданцы-русские до меня? Или у богов и такие игры в арсенале? — смеялась Ирина на заковыристые перлы Яцека, органично вплетающиеся в его речь. Он, вообще, был очень органичным и, как ни странно, приятным человеком, и даже матерные слова в его исполнении не резали слух, не оскорбляли трепетную душу консерваторки. Вот такой парадокс.

Слушая забавные — по своей сути и грубые — по исполнению байки Яцека о жите-бытье местного криминала, Ирина прожила три дня. За это время она, в благодарность вору и неизвестному Хмелю, отмыла избу, проветрила лежавшие в сундуке одеяла и хлипкие подушки, разобрала завалы в сенях, вытащив на свет божий несколько чугунков, мисок, ковриков плетеных, прялку, чесалки для шерсти, скалку, угольный утюг и рубель — ребристую доску для катки (глажки) белья. И каждый день готовила карлику из приносимых продуктов: блины, куриный суп, пирогов напекла, даже котлет наделала!

— Е...ть-колотить, сколько тут добра-то! — рассматривая вечером найденное, хлопнул себя по коленям вор. — Ты, мать твою, хозяйка, девка! Уж кого здесь не было, а первая ты навела порядок! Я, когда тебя-то вел, думал: е...ть, на что норд позарился? Ни си. и, ни пи. и, юница, пошто такой дар-то Хмелю за тебе обломился? А ты хороша! И в доме, и по жизни... Ни разу морду от меня не отворотила и не смотришь как на уроды. А это пи. ц как для таких, как я, заметно и дорого. И кухаришь так, что я, на х... язык глотаю! И руки не из ж..ы. Ты, девка, слухай сюды, чего скажу-то.

Яцек махнул рукой перед лицом, чтоб Ирина наклонилась к нему.

— Эйвинд, он зае. сь какой мужик! И кореши его тож. С ними баба, ежели не курва и не бл..., как за каменной стеной будет. Тем-то, кого не дай, все не так. Верь мне, я по сурьезну делу пи. ть не буду. Оне с виду ох...ть каки свирепы, а нутро у них — тож ох...ое, но по понятиям, не чета ляхам да боярам нашим. Так ты, эта, жалом-то не води, будь ласкова, но себя-то блюди до венца-то, и, мобыть так, и слюбитесь. Он не хрен с горы, но и не мелочь голопузая, злато есть, точно. А еще слыхал, князя ихнего, конунга, выбл...к! — Карлик задрал подбородок. — Так что, девка, не проп. ди счастье, поняла? — Ирина, пряча улыбку, кивнула.

Маленький воришка удовлетворенно хмыкнул и вдруг попросил:

— Ты бы мне, на последок-то, твоих этих кат-лет нажарила, я там мяска притаранил, и пирог с яблоками...Когда я еще так пожру-то зае...ски?

На рассвете четвертого дня Яцек довел Ирину до реки, усадил в лодку к щуплому верткому парню.

— Ну, покедова, дева, будут святители милостивы, свидемся! И помни мои слова! — погрозил карлик пальцем. — Ужик тебя довезет, Хмель его послал, не бойсь. Прощевай, краля нордова!

— И тебе не хворать, пан Яцек! Храни тебя Спаситель! — прошептала Ирина, махая рукой с воды все еще смотрящему ей вслед вору.

За время, проведенное в домике, Ирина ни разу не задумалась о судьбе ротмистра и Дины: была уверена, что с ними все нормально, уж как-нибудь ротмистр справится с нянькой — истории сочинять он горазд, тем более, что ни доверенности на имение, ни паспорта Дины среди отданных Яцеком документов, не было. Так что квиты.

А вот расставаясь с карликом, расчувствовалась: понравился ей этот сквернослов, но — по своему — заботливый и внимательный маленький человек. «Любишь ты не тех и не так» — укорила она себя, но все равно жалела именно карлика, а не верную паненке Дину. Прости господи за это!

Ужик-лодочник не произнес ни слова, пока они плыли по реке. И только когда показались знакомые драккары, и Ирина привстала от радости со скамьи, резко одернул:

— Сидеть! Лодку перевернешь.

Северяне стояли на якоре, поэтому лодка спокойно подошла вплотную к борту кнорра. Ирину за руки вытащил Эйрик, Ужик забросил на корабль ее узел и, махнув рукой, погреб назад в Чернигов. Попаданка стояла на палубе, смотрела на северян и не могла вымолвить ни слова от волнения.

Спас ее от неловкости рыжий помощник капитана.

— Эйрин, поговори с капитаном, он на носу. Мы тебе тут местечко устроили. А ты нам петь будешь?

И Ира расплакалась. Она осела на доски, вытянула ноги и вымывала слезами страх, напряжение, сомнения, отчаяние последних дней, а заодно свое попадание, оставленного где-то сына, вуэлу...И не могла остановиться, пока не устала.

Все это время вокруг неё стояли в неуверенности и нерешительности полтора десятка здоровенных мужиков и молчали.

Наконец, Ирина всхлипнула последний раз, вздохнула и подняла на них мокрые от слез глаза.

— Спасибо, мужики! — хрипло сказала и от души, лбом в пол, поклонилась, все еще сидя. Выглядело это забавно, но никто не смеялся. Валиева посидела еще минуту, вперившись взглядом в доски палубы, потом кое-как встала и поклонилась еще раз, по — очереди, всем стоящим, а потом — отдельно и в пояс — подошедшему Густафссону.

— Герр Густафссон, вы и ваши друзья спасли мне жизнь. Спасибо. Мне сказали, что это было большой жертвой с вашей стороны. Не знаю, как и когда, но я отплачу вам за это. Храни вас ваши боги, и я буду молиться за вас своему! — и снова поклонилась.

Эйрик что-то шептал соседям, те передавали дальше, пока Ирина говорила. Переводил, наверное, потому что северяне заулыбались, зарокотали одобрительно, а капитан ответил:

— Эйрин, не стоит благодарности, но я приму ваше пожелание и обет. Мы возвращаемся в Куяву, довезем вас туда, можем помочь устроиться или...Поговорим вечером, Эйрик будет за вами следить. В смысле, он теперь ваша нянька. — Улыбнулся Эйвинд, здоровяк подтвердил сказанное кивком и опять что-то перевел, а гребцы заржали.

Ира почувствовала такую легкость и умиление, что чуть не разревелась снова. Как ей повезло, что норды приняли ее! Теперь все будет хорошо!

Эйрик могучий отвел Ирину в устроенное для неё местечко на задней палубе (шатер между какими-то тюками), сунул в руку кружку с пивом(!) и пирог с мясом и велел отдыхать, что измученная рыданиями иномирянка и сделала. На краю сознания у неё забрезжила какая-то мысль относительно упомянутого капитаном маршрута, но организм не пожелал заниматься ерундой и предпочел объятия Морфея.

Ирина проспала до полудня и проснулась от позывов к освобождению. Памятный закуток встретил ее как родную, после чего девушка (приняла, наконец!) вышла к людям.

Оглядевшись, Ирина поняла, что идут они под парусом, наполненным и упругим, а виды за бортом меняются чаще, чем раньше. И солнце находилось не с правой стороны, а с левой, что невозможно, если только они не повернули назад... Капитан говорил — что?

Сомнения Ирины развеял Эйрик.

— Удивляешься, где светило? Внимательная, это хорошо! — хохотнул рыжий норд. — Мы идем в Куяву, оттуда с нашими земляками вернемся домой. Конунг ждет, весть прислал. Ты подумай, захочешь ли остаться в городе, как предложил Эйв, или. Пойдем с нами? Что тебя ждет здесь, кроме опасностей опять во что-нибудь вляпаться или риска попасть в постель к местному придурку? Эйрин, у нас ты станешь уважаемым скальдом, даже если мы пока не понимаем большинство твоих песен. Но парням очень понравилось! Положение певцов-сказителей почетно, ты будешь под защитой конунга, если примешь его покровительство, тебе не нужно будет работать, поселишься в его доме и будешь радовать наших воинов своими песнями и рассказами! Ты можешь рассказывать интересные истории?

Ирина, немного ошеломленная словами Эйрика, машинально кивнула. Рыжий нянь довольно потер ладони.

— Вот видишь?! Поговори с командиром. Если позволишь, я приму тебя как дочь в свой род — один я, как перст, мне никто не запретит это сделать. Ты же, небось, не вошла еще в возраст по вашим законам? Значит, тебе нужен опекун или покровитель, вот я и стану тебе приемным отцом. Выгодная сделка, как думаешь? Тебе-защита, мне-семья. — Эйрик с надеждой уставился на девушку, а у Валиевой дар речи пропал.

Что, вот так просто? Этот огромный мужчина с лицом криминального авторитета и душой нежной фиалки готов стать ее родней? Не зная ее толком, предложить имя рода? Даже будучи профаном в исторических деталях прошлого своего мира, иномирянка могла понять, что такие предложения делаются не всем и не всегда, и отказаться от них — плюнуть, можно сказать, в душу дарителю.

Ирина так поступить не могла! Чем бы такое решение ей не грозило в будущем, интуиция советовала согласиться. Да и мужик ей нравился, чисто по-человечески, в отличие от насторожившего еще в первую встречу ротмистра. Рыжеволосый богатырь располагал к себе, явно пользовался уважением остальных, что говорило за него. И вообще, чего она теряет? Быть гордой одиночкой, без денег и связей, знаний и угла в неизвестном мире или стать частью малого, но клана воина и морехода, добытчика и защитника? Иметь дом и человека, готового разделить с ней горе и радость? Выбор очевиден.

— Герр Эйрик, это странно и неожиданно, но я согласна. — Пробормотала Ирина, глядя в глаза расплывшегося в довольной улыбке викинга.

— Вот и славно, вот и хорошо! Проведем обряд на закате, как положено. Эйвинд и ребята засвидетельствуют, а когда прибудем Стокгольм, оформим все на бумаге у секретаря конунга. Иди ко мне, дочка! — раскрыл объятия силач, моложе ее лет на двадцать, и попаданка шагнула в них без колебаний.

Эйрик помял ее ручищами, огладил и заорал что-то во всю глотку, держа за плечи. Ответом ему был радостный гул десятков мужских голосов со всех кораблей нордов.

Подошедший к парочке новорожденных родственников Эйв Густафссон тоже одобрительно заулыбался и похлопал новоиспеченного отца по могучей груди.

— Эйрик Торвальдссон, поздравляю! Наконец в твоём доме будет тепло и сытно, а твои штаны и рубашки не придется чинить старой Гудрун-вельве! — он повторил все на северном наречии, и команда кнорра снова разразилась хохотом. — Эйрин, я рад, что вы приняли решение войти в клан Эйрика Рыжего. Вы не пожалеете! Теперь вам нечего бояться ваших соотечественников, отныне вы принадлежите Северу.

До вечера Ирина бездумно сидела на краю борта кнорра, летящего вниз по реке. Мужики чего-то суетились, переговаривались, Эйрик периодически огрызался беззлобно, а капитан мягко улыбался. Лепота прям!

Обряд провели на корабле, когда солнце склонилось к горизонту. Эйрик, в новой рубахе, причесанный от головы до бороды, с мечом на поясе вывел Ирину, также переодетую в сменный комплект штанов-рубашки (платьев-то она не захватила), на середину палубы, где их окружили северяне.

Эйвинд Густафссон что-то говорил, собравшиеся вокруг в торжественном молчании члены команды изредка выкрикивали какие-то слова, им вторили северяне с приставших к обоим бортам грузовика драккаров. Потом капитан протянул Эйрику глубокую чашу с водой. Мужчина зачерпнул ладонью воду и брызнул ею Ирину со всех сторон, а потом и вовсе вылил остатки на голову. Ира оторопела, но вытерпела странный обычай, удержав себя от попытки утереться.

Норды что-то протяжное запели и через минуту довольный Эйрик подхватил попаданку, поднял на вытянутых руках вверх, потом поцеловал в лоб и, смахивая слезу, прохрипел от волнения:

— Эйрин Торвальдссон, дочь моя, я так счастлив... — умилительно всхлипнул здоровяк, а Ирина не знала, плакать или смеяться, так было все трогательно и проникновенно. Она обрела семью за миллион лет или парсек от своего мира? Или ей, наконец, стоит называть своим ЭТОТ мир?

Далее отец и дочь попали под гром поздравлений(?) и шквал объятий.

«Господи, да я уже и забыла, как мужики обнимают — переходя, как почетное знамя, от одного силача к другому, думала бывшая вдова. — Молодые, могучие, пахучие! Умереть — не встать!»

Краткая остановка для проведения обряда закончилась, и три корабля снова рассекали волны быстрой Десны, торопясь к брату-Днипру. Обратный путь занял у нордов трое суток непрерывного движения против недели раньше. Ирина не возражала, а викинги тем более. Их ждали соотечественники, новый заказ и путь домой.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ (КУПЛЕТА)

Припев, вместо эпилога

Исчезновение подопечной из закрытой комнаты обнаружила проснувшаяся Дина и подняла на ноги мучившегося с похмелья ротмистра.

— Пан Збышек, Арина пропала! — голосила обезумевшая от беспокойства женщина. — Я проснулась, а ее нетути! Дверь закрыта, окно тож, а ни девоньки моей, ни вещей ее нема! Только струмент купленный на лавке...Пан, куды она делась? Нечто выкрали, супостаты? Иде таперича ее, бедовую, искать-то? Горе мне, горе, не уберегла! Да что ж таке деется?

Дина причитала, ротмистр пытался осознать сказанное, а у двери топтался хозяин гостиницы, поднятый криками и ударами в дубовые двери, производимые сильной крестьянкой, которая жила в одном номере с тоненькой молодой госпожой. Хозяин, поднявшийся в номер, вынужден был открыть запасным ключом запертую снаружи дверь, откуда вылетела лохматая баба и начала его трясти и требовать вернуть паненку.

— Да отпусти ты меня, оглашенная! — с трудом оторвал от себя руки постоялицы. — Не видал никто твою панну, и куда она делась, не знаем — замок-то цел! Может, ее твой ротмистр выпустил да забыл?

Глупость, конечно: выпустил и снова закрыл дверь? Да и пришел иногородец «на бровях», как добрался-то? А, вон и ключ у него.

«Пойду я, от греха, пусть сами разбираются» — хозяин тихо слинял под шумок, а в номерах очухавшегося Костюшко и исчезнувшей Арины начался форменный бедлам.

Когда до затуманенного сознания ротмистра дошел смысл воплей няньки, он, в исподнем, рванул в женский номер. Тихони не-Арины не было, как и ее вещей. «Мистика»-мелькнуло в голове бывшего вояки.

— Дина, хорош орать! — одернул он бабу и спросил строго, — Дверь точно была закрыта? — та закачала головой быстро-быстро. — И ты ничего не слышала ночью?

— Нет, пан, легла, как вы дверь-то замкнули, Аринушка спала. А утром-то ... и нет её! И где ж она?

Ротмистр пожевал губами и вышел из комнаты. Через несколько минут он сообщил потерянной Дине, что отправляется в порт, искать Арину. Женщина было подхватила идти с ним, но злой Костюшко приказал сидеть в номере и ждать его или Арину.

— Вернется твоя девка, куда денется? Жди, ни с места!

Явления опекуна певуньи норды и Миколка ждали, но не так быстро и не такого невменяемого. Примчавшийся лях орал и матерился не хуже Яцека-воришки, рано утром доложившего о выполнении задания.

— На месте девка ваша, в порядке. Она сама уж собралась, когда я пришел-то. Фартовая краля! Документики я и еёйные, и на вторую бабу забрал, держи. — Маленький мужчикка передал капитану сложенный листок. — Фраера я пощупал, небогат лях оказался... Да, я девке печатку женскую, ее, передал. Так что будет тот лох с бумагами, но не хозяином, хе-хе! Ждите, припи. т, как миленький!

Так что пана Збышека встретили наигранно-удивленно, но спокойно. Мужчины выслушали много брани, оскорблений и угроз все распалывшегося от осознания потери и неприятностей иноземца, не обнаружившего пропажу у моряков, пока Микола не вклинился в монолог и не спросил:

— Пан, а чегой-то паненка сбежать решилась, если это в самом деле так? И что с моей теткой?

— Да она сдалась, тетка твоя? Мне только малолетняя идиотка нужна была да имение ее! А тетка твоя пойдет лесом, прям сегодня! Даже девку не смогла удержать!

Ротмистр вдруг заткнулся, поняв, что проговорился. Микола же подошел к нему и впечатал свой кулак снизу под челюсть пана. От удачного апперкота ротмистр покачнулся, а потом хотел было... Что хотел ротмистр, неизвестно, потому как осел он на палубу от резкого удара Эйрика сзади по шее, нанесенного с невозмутимым лицом.

Микола потряхивал рукой, шипя про себя ругательства, Густафссон ухмылялся, а бородач связывал ротмистра.

— Капитан, отнесу я недоноска, пусть там орет. Микола, пойдем со мной, тетку твою заберем. Есть у меня мысль, куда ей теперь деваться.

Ротмистр очнулся на кровати в номере гостиницы. Челюсть болела.

— Вот щенок, вот паскуда! Ну, я тебе еще припомню — пробормотал пан и, встав, умылся и вышел в коридор.

Номер женщин, оплаченный им на трое суток, убирала горничная.

— А где баба, что утром была в этом номере? — спросил начавший что-то подозревать Костюшко.

— Так еще два часа как ушла она с парнем молодым и тем нордом, что вас принес — хихикнула девка коридорная и сбежала.

Ротмистр в тревоге вернулся к себе, схватил саквояж и начал искать припрятанные под прокладкой документы... И не найдя ни паспортов женских, ни печатки Арины, ни своих собственных злотых (частично, что странно), а только доверенность на ведение дел в поместье в отсутствие владелицы, взвыл волком!

— Сукаааа! — разнеслось по коридору гостиницы. Хозяин в кухне покачал головой, а один из посетителей бара довольно усмехнулся, глотая крепкое пиво. Квиты мы, капитан!

Дина шла за племянником и здоровяком как во сне. Женщина так наплакалась от страха за воспитанницу, что отупела.

Пришла в себя служанка Добруджей в скромной комнатке в неизвестном доме в компании Миколы, который и поведал ей, что пан ротмистр задумал отобрать у Арины ее имение, а ее саму или выдать выгодно для себя замуж, или жениться самому. Про неё, тетку, ротмистр решил-выгнать без денег и паспорта. Вот Арина и сбежала, но переживать о ней не стоит, о паненке позаботятся.

— Тетка Дина, ты за Арину не переживай. Я бы тебе сказал, да нельзя, ты ж проболтаться можешь. А так меньше знаешь-крепче спишь! Слухай дальше. Жить будешь в той деревне, помнишь, на реке, где останавливались? Завтра отправишься, а следующим летом я тебя проведу. Да-да, не ори, я с нордами уйду! Вот, к тем, что Арина оставила, я немного у капитана занял-отработаю.

Разговор с племянником немного прояснил ситуацию, и Дина успокоилась, а устроившись в деревне Глиница потосковала-потосковала по воспитаннице да и вышла замуж за пасечника — вдового, здорового, с тремя детьми. Прожила бывшая нянька до глубокой старости, так и не встретившись более ни с кем из поместья Добруджа. Даже с племянником. Но приветы ей заезжие норды иной раз передавали. И это радовало.

— Прижился знать, Микола, у них. Ну и хорошо, хвала святителям. Можа, и Арина с ним. Храни вас Спаситель, дети мои!

Что случилось с ротмистром, история умалчивает. В поземельных списках Курянской волости записано, что имение Древляны наследовала после умершей на чужбине Славии Черень ее двоюродная племянница, поскольку исчезнувшая по дороге на историческую родину Арина Добружда на поместье права не предъявила, а выдававший себя за ее опекуна и доверительного управляющего некий пан Костюшко был признан администрацией русов самозванцем и мошенником, поскольку не было у него главного — родовой печати госпожи и родовой же гривны, помимо собственноручного письма Славии или ее дочери. Короче, бюрократия сплошная и тягомотина....

Дорогие мои читатели, спасибо Вам за поддержку, за лайки и комментарии. Жду Вас через несколько дней в моей новой книге.

Часть вторая Глава 1

После проведения обряда и превращения Ирины/Арины в Эйрин Торвальдссон, давшей иномирянке защиту приемного отца и признание остальных, она спала сутки, с перерывами на туалет и питье: организм, перенесший за немногим более 10 дней стрессов, хвативших бы на месяцы, ушел в своеобразный отгул.

Говорят же, если не знаешь, что делать — ляг и поспи. Вот Ирина Михайловна Валиева, российская пенсионерка 65 лет, попавшая в тело не перенесшей нервную горячку 17летней Арины Добруджа в некоем мире, похожем на Землю примерно Нового времени (для Европы), и спала, копила силы для адаптации к новой жизни.

Во сне, больше похожем на легкую летаргию, она слышала разговоры мужчин, переживающих за неё, скрежет уключин, гудение паруса, но не готова была полностью выйти из состояния отключки — если не считать, все-таки, походы в туалет.

Там, в этом сонном мареве, Ирина просталась с прошлой жизнью, принимала изменения в этой и расставалась со всем, что осталось от Арины: отголосками чувств к знакомым ей людям, обид, страхов, боли потерь. И с нею самой — молоденькой панночкой, улыбнувшейся и пожелавшей замене найти свое место в мире, где Арина не смогла выжить. Рядом с девочкой стояла красивая женщина и обнимала ее, а потом они обе растворились в мутно-сером пространстве, где Ирина не видела ни верха, ни низа. «Прощайте, панночки, вечная вам память! Пусть боги всех миров позаботятся о ваших светлых душах! — подумала Эйрин и проснулась.

За пределами ее закуска шел дождь, косой из-за сильного ветра, наполняющего парус, но теплого, хотя и неприятного. Эйрин выглянула наружу, поздоровалась с сидящими на палубе под натянутым между бортами тентом нордами.

— О, наша скальд проснулась! — проговорил ближний к ней парень с короткой бородкой и веселыми зелеными глазами. — Есть будешь? — он протянул девушке подсохший пирог с рыбой.

— Спасибо, — попаданка улыбнулась. — Давно дождь?

— Нет, как рассвело. Зато Эйв уверен, что терпеть нам недолго, к завтрашнему вечеру должны быть у Куявы. Да и отдохнуть от весел неплохо. А ты поспи еще, вон, ребята спят, даже отец твой храпит на носу.

Эйрин поела, запила пирог водой, посетила отхожее место и последовала совету. Сначала думала — не уснет, но мерный шум дождя, трепыхание парусины убаюкали.

На пристани Куявы норды быстро разгрузили когг. Оказывается, за время путешествия Эйрин не удосужилась разглядеть глубокий трюм под дощатым покрытием, заполненным ящиками и мешками, помимо тех, что рядами были сложены у кормы.

Северяне, посмеиваясь, лихо освободили трюм, заказчик, удивленный оперативностью транспортников, принял товар, и кормчий отвел свой караван ниже по течению реки на стоянку за пределами порта.

— Здесь, на окраине, постоялый двор, который держит наш соотечественник, женившийся на местной. У него мы и проживем пару дней, пока Эйвинд выяснит детали и не договорится о времени отплытия. Ты перебери, что у тебя там есть, может, прикупить чего...

Любава, хозяйка, хорошая женщина, только бездетная... Зато приняла сына Гильфи, он ее матерью зовет. Готовит вкусно, баня у них — рай, хозяйство большое, наши-то у них все пересидивают. Да и другие иноземцы заглядывают, знают, Гильфи-норд до чужих секретов не охоч и обычаи чужие уважает — вполголоса информировал Эйрик девушку, пока они шли к усадьбе на крутом берегу Днепра — именно так попаданка восприняла пункт назначения.

Эйрин слушала, кивала и вертела головой. Подворье трактира поражало размерами (соток 30 навскидку), продуманностью планировки и чистотой: присыпанные чем-то (кирпичная крошка?) дорожки расчерчивали пространство, по левой стороне участка вряд тянулись кирпичные пристрой (конюшня или скотный сарай?), далее плетень огораживал посадки (кроны деревьев виднелись). И колодец-журавель, за ним деревянная избушка и лестница к реке-баня.

Огромный двухэтажный каменный дом, основательный, с небольшими частыми оконцами, несколькими каминными трубами на черепичной крыше гостеприимно распахнул дверь с железными кольцами вместо ручек, и оттуда вышла высокая полная русоволосая женщина в переднике поверх красной юбки с вышивкой крестом по низу и белой блузе, прикрывающей впечатляющую грудь, на которой в три ряда лежали красные бусы.

— Здоровеньки будете, гости дорогие! Позже ждали, но рады, рады! Проходите, Ося (Осе) уже баню завел, только парус увидел. Эйвинд в городе остался? — говорила Любава мягким грудным голосом, внимательно рассматривая Эйрин. — Комнаты наверху все ваши, кроме одной дальней... А ты дева, чья будешь? — не утерпела-таки хозяйка. — Неужто Ветерок Густафссон-таки подженился, а, рыжий? Только уж больно худа девка-то...

Эйрик возмущенно фыркнул, обнял Эйрин и, гордо выпятив грудь, ответил хитро прищурившейся трактирщице:

— Госпожа Хансен, познакомьтесь, моя дочь Эйрин Торвальдссон!

Любава переводила изумленный взгляд с самодовольного мужчины на незнакомку, стоявшую рядом с ним, и обратно.

— Эйрик, когда успел-то? В род ввел? — вопросительно протянула женщина. — Ну, по тебе видать, что доволен как монах на трапезе после поста. Поговорим после, а ты дева, подь со мной. Да не обижу, рыжий, не трусь!

Эйрин, немного напрягшись, последовала за хозяйкой на большую уютную кухню в правой части первого этажа дома, где мыли, чистили, рубили, месили ингредиенты будущего пира трое парнишек и девушка лет так по 14–17, бросившие на вошедших быстрые взгляды, но не оставившие своих занятий.

Любава подвела Эйрин к столу возле дальнего окна, указала на стул и, налив из большого самовара кипятка, разбавив его чем-то вроде заварки, подала кружку гостье, потом сняла с глубокой глиняной миски рушник, сказала:

— Ешь, доходяга, и поговорим.

«Деловая колбаса, ты посмотри, а! Держится владычицей морскою, а годов тридцати всего лишь... Но, Ирочка, не выступай пока, может, чего дельного узнаешь» — жуя сдобный пышный пирог с творогом, решала про себя попаданка.

Хозяйка меж тем проверила действия поварят, дала негромко какие-то указания и вернулась за стол аккурат к моменту, когда девушка закончила есть.

— Вкусно, спасибо! — поблагодарила Ира и, сложив руки на коленях, приготовилась выслушать Любаву. «Я — сама скромность и невинность, тетка, не бей больно!». Любава оценила вид гостьи, оперлась на стол и в лоб задала вопрос:

— Ты чьих кровей будешь, пришедшая?

«Оба — на!» — явно отразилось на лице Эйрин.

— Не нордка, точно, они не такие жидкие, на местную похожа, но русов стать видна. Как к парням попала да голову задурила, говори! — хлопнула ладонью по столу трактирщица. Ира хотела было в тон ей ответить, но сдержалась.

— Не нордка, да, и не совсем руса, только по матери. А откуда я — там больше нет. И имя прежнее теперь не моё. Эйрин Торвальдссон я, и никак иначе! Решение удочерить принял Эйрик сам, я его к тому не неволила, команда подтвердит. Жидка, говоришь? Болела долго, от опекуна сбежала, что наследство мое забрал да принудить к браку хотел. Сирота я! Эйрику и Густафссону по гроб жизни буду благодарна, что спасли. Более тебе знать ни к чему, хозяйка!

Ира твердо посмотрела на местную Вассу Железнову и не отвела глаз, пока та что-то про себя решала. А потом Любава легко рассмеялась, подняла Иру со стула и обняла.

— Молодец девка, будет с тебя толк у нордов! Они силу уважают, в женщинах особенно. Выживешь! А мясо нарастет. Хорошо. Любава я, ты поняла. Давно мылась? Осе уже напарил малек баньку-то, пойдем, пока жар несильный, помою. Не след так-то делать, но пока еще они все соберутся, мы успеем.

Валиева выдохнула — пронесло! «Чтоб тебя так пронесло» — подкинула не вовремя память цитату из анекдота. Нервы!

Часть вторая Глава 2

Влекомая Любовой, Ирина попала в большую светлую баню, с предбанником и отдельной мыльней, где царил духмяный запах трав, березовых веников и кваса.

— Мать, я еще не нагнал жару, чего вы? — выскочил навстречу паренек: долговязый, нескладный, но с задатками на рост и массу.

— Осе, гостью вот надо бы до мужиков помыть, вишь, волос долгий, сушить замучаешься. Это Эйрин, дочь Эйрика, а это пасынок мой, Осе Хансен, — сказала Любава взлохматив вихры подростка выше себя.

— Дядька Эйрик женился? — удивился Осе. — Не похожа она на рыжего...

— Приемная, с ними пришла. Ты ступай, принеси нам все, что надобно, да чистые порты с рубахой, что тебе малы стали, а мне пусть Ласка соберет. И гребень не забудьте крупный, иным не разберем. Ходко давай!

Ирина осмотрела строение.

— Любава, а баня-то у вас ...

— Не курная? Это я заказала, раз по молодости чуть не угорела в обычной-то, боюсь теперь. А в прошлом году был у нас постоялец из русов, так предложил печь переложить по — новому, как у них стали делать недавно. Вот и вложились я, и не прогадала! И места больше, и чисто, и посидеть есть где опосля пара-то. Мужикам нравится, а мне и подавно. Проходи, посидим, пока Ося принесет смену, помою тебя. С устатку-то оно хорошо, а уж после болезни да переживаний и вовсе надоть.

Ирине уже не терпелось скинуть надоевший наряд, распустить волосы и расслабиться в жаркой парилке, очень похожей на ту, что была у неё в Двориках: обитые сосновой плашкой стены, заплетенная в железную сетку груда раскаленных камней, полки с ткаными ковриками, ушат с ковшиком... Лепота, не передать! И пусть весь мир отдохнет!

Любава, действительно, до скрипа отмыла впавшую в протрацию гостью, предварительно охотив её вениками — несильно, но качественно, три раза сменила воду, промывая косы, потом под руки вывела в предбанник и дала выпить чудесного квасу с нотками меда.

— Ну, как заново родилась, да? — горделиво оглядывая помещение и осоловевшую девушку, констатировала хозяйка бани. — Ласка уж место тебе приготовила, с ней поживешь: отдельной — то не получится, много парней, да еще постоялец с охраной заняли светелку. Ох, чего с ним делать, не знаю... — вздохнула молодка.

Ты не спи тут, давай, одевайся в пасынковы вещички, твое-то завтра Лушка простирнет, да пойдем, только платом голову прикрой, не охватило бы с пару-то. Осе, сынок, подь, проветри да зови парней мыться! — Зычно крикнула Любава в дверь. — Мне — то на кухню надо, а ты приляг у Ласки. К ужину позову.

Ирина, как китайский болванчик, кивала, машинально одеваясь в подаваемые вещи (влезла, как в родные), обула плетеные лапти, зевнула и поплелась за хозяйкой. Не смотря по сторонам, шагала, пока не уткнулась в чью-то грудь перед собой.

— Простите, я не хотела..- начала извиняться Валиева, поднимая глаза на преграду и обомлела. Перед ней стоял молодой человек в белой кандоре и черно-белой куфие, за ним — пара охранников в черном с закрытыми лицами.

— Эльмаазира — машинально пробормотала девушка и сделала шаг назад. — Салям алейкум, — добавила всё также на автомате.

— Алейкум эс-салям, — невозможно приятным бархатным голосом ответил араб (?). — Г'эль татакэлл'ям? (типа ду ю спик инглиш)

— Нет, нет, я не понимаю, просто поздоровалась! — замахала Ирина руками, смутившись и испугавшись нехоты проявленной эрудиции. — Мне надо идти.

Мигот протрезвев, попаданка, теряя тапки в прямом смысле, рванула в дом под негромкий, но отчетливый смех восточных красавцев. На кухне ее поймала Любава.

— Ты чего, Эйрин?

— Я там, на араба налетела... — выпалила она и прикусила язык. Араба, здесь?

— Аааа, на степняка? И убежала? — расхохоталась Любава. — Не везет парню — и девы от его бегают. Ладно, иди, Ласка тебя проводит.

Проговорившаяся попаданка ругала себя почему зря, пока шла за Лаской в комнату, где, оставшись одна, поклялась молчать как рыба. И ведь знала-то пару фраз по-арабски благодаря все тому же соседу-алику Сереге, который, периодически выходя из запоя, занимал себя то чтением серьезных научных трактатов, то изучением иностранных языков, то изобретательством... И всеми своими достижениями он хвастался перед Ириной. Вот и нахватались она от него «привет-пока-сколько стоит?» на всех европейских языках, на арабском, турецком и японском.

«И как вырвалось-то? Точно в парилке мозги расплавилась. Ладно, проехали. Интересно, что здесь делает араб — или степняк? Любава не видит разницы? Да что за фигня лезет в голову? Если важно, все равно узнаю. Лучше полежать» — постановила Эйрин и выполнила собственное решение.

Ужин ей принесла Ласка, сказав, что мужики в зале после бани напились, что-то бурно обсуждают, шумят... Короче, хозяйка велела сидеть в комнате.

— А что случилось-то? — отдавая должное пшенке со свининой и чаю из иван-чая, спросила Ира юную повариху.

— Не знаю, барыня, врать не буду, но что-то про нечестность некоторых нордов... Главный, Эйвинд, расстроенный какой-то, а отец ваш орал, ругался, грозился кому-то оторвать... Ой! Не могу! — девчушка прыснула и покраснела. — Не пытайте, госпожа, сами потом спросите.

— Ладно, а об этом парне в белом, рассказать можешь? — перевела разговор попаданка, отодвинув волнение на задний план.

— ООО, про этого... — закатила глаза соседка. — Тоже мало что. Не положено нам про постояльцев сплетничать. Скажу только, что живет он тут шестой день, с ним трое охранников и мальчишка из наших, толмач, раб... Хозяйка с ним измучилась: нашу еду не ест, барашка ему купили специально, траву все на огороде как коза сожрал... Привез какие-то коричневые зерна, просил сварить, а потом ругался тихо, сквозь зубы — видно, не угодили. Так теперь по утрам сам на кухню приходит и что-то варит в маленьком таком ковшике. Запах необычный...

«Да неужто кофе?» — у Ирины аж слюна выделилась, а Ласка продолжала рассказывать:

— По вечерам берет охранников, идут к реке и на ковриках молятся на закат. Чудно так!

Еще на дудочке играет, тосклииво, но красиво. И когда съедет? От него приезжие шарахаются. Бродит как приведение, а у охраны лиц и вовсе не увидишь...

Ласка зевнула, хотела еще что-то сказать, но явно язык уже не ворочался.

— Ложись, я тоже лягу. Спасибо за ужин, вкусно! — разрешила дилемму девочки Ирина.

Соседка радостно скинула платье, нырнула в постель и тут же засопела. Ира хотела выйти, узнать, что там, но, по размышлении зрелом, осталась в комнате.

«Вроде сплю как сурок, а все тянет на подушку. И живот ноет... С чего бы? Ай, утро вечера мудренее. Спать, Эйрин Батьковна!»

PS. Уважаемые гости, не стесняйтесь ставить звездочки, добавлять в библиотеку и радовать автора комментариями)) Если нравится, конечно)

Часть вторая Глава 3

«И снова — здравствуйте!» Молодое тело — молодое дело, что тут скажешь. Пришлось идти к Любаве, делиться интимными подробностями. Та, без всяких яких, помогла, снабдила необходимыми средствами гигиены (сиречь, чистыми тряпочками), прочитала лекцию о способах предохранения (*ты туда тряпочку с уксусом положи да отвар у знахарки возьми*), а потом махнула рукой:

— А лучше всего — не подпускай никого до себя, кроме мужа! — припечатала Любава. — Молода ты еще! Ему-то, кобелю, чего, сунул-вынул и пошел, а ты под подол заглядывай! Не торопись, девка!

Ирина внутренне посмеялась, но заботу незнакомки оценила. К счастью, все завершилось за два дня, и не так, как раньше: действительно, тело было истощенным и юным. Но пришлось признать, вторая молодость приходит... И это прекрасно!

Еще одной новостью стала просьба Любавы помочь ей с одеждой северян: стирка, штопка были обычной услугой трактира. Ирина не отказалась, ей и самой хотелось отблагодарить ватагу хоть как. Вместе с прачкой Лушкой, замученной бабой лет 40, они замочили в слабом щелоке многочисленные штаны, рубахи, исподнее мужчин, потом прополоскали горячей водой, намылили мылом (прямо хозяйственным) и оставили на пару часов, посте чего на деревянных досках терли, полоскали в реке, вешали на веревках на заднем дворе (за огородом). Умаялись — жуть, но справились. Спала Ирина и в эту ночь как убитая. Мужчины куда-то разошлись, задавать вопросы было некому, поэтому женщина велела себе не суетиться и просто ждать.

Все выяснилось на третий день, когда с утра Ирину нашел Миколка! Парень, которого она не нарочно игнорировала, принес ей новость и ВУЭЛУ!

— Панна Арина, ой, госпожа Эйрин! — шутливо поклонился загорелый, вроде даже повзрослевший бывший конюх. — Вот, принес. Я ее из гостиницы забрал, когда тетку от ротмистра уводил.

Заметив вопрос в глазах девушки, ответил:

— Все с ней хорошо, я ее с доверенным человеком в ту деревню под Черниговом отправил, денег дал, документы у неё, их воришка мелкий скрал у опекуна вашего, гада. Так что, в порядке она будет. Про вас я сказал, что вы тоже у хороших людей, а лишнего ей знать не надо, разговорить ее — делать нечего.

Ирина со слезами на глазах выслушала новости про няньку Дину, от души поблагодарила Миколу, про себя укорив себя за эгоизм, и обняла парня в благодарность за инструмент. Будущий мореход покраснел, смутился, но был доволен.

— Микола, что там с капитаном? Я ничего не знаю, только поняла, что есть проблемы?

Микола заерзал, но все же отвечивал.

— Паненка, дело такое. Мне ж тоже не все известно, старшие там сами... Но парни очень злы и обижены на какого-то Лайела Нормана, истинного волка, которого сколько не корми, укусит и сбежит. Короче, тот призыв, ради которого мы сюда примчались, должен был собрать всех тутошних нордов и общим караваном они пошли бы через русов в Северное море, а там и вроде в их столицу на встречу с конунгом.

А этот волк Норман, завидуя нашему командиру, уговорил всех не дожидаться его и отправиться прямо сейчас. Три ватаги из восьми кораблей забрали в городе ВСЕ товары, что купцы планировали увезти в Новоград, и ушли за два дня до нашего возвращения. Еще один кормчий, по примеру Нормана, выхватил заказ у Эйвинда, представившись его доверенным лицом, другом, и ушел на запад с каким-то степным принцем или богатеем, с лошадьми дорожными и кучей редких товаров. Нам не досталось ничего стоящего! Эйрик расстроился, Густафссон носится между купцов, ищет более-менее приличные заказы в сторону севера, но по другой дороге, но там, ребята говорят, много трудностей...И предлагают догнать Нормана и подраться! Настроение у всех... — Микола опустил голову. — Ты, это, паненка, спела бы им вечером, а? У тебя душевно получается! Может, надумают чего после твоих песен?

Ирина Михайловна слушала парня и переживала, а потом, конечно, пообещала, тем более, что к ней вернулась вуэла! Надо только немного с ней пообщаться, настроить да привыкнуть, пусть не до концертного исполнения, но три аккорда тоже хорошо!

Ободренный ее обещанием, Микола умчался, а певица пошла на задний двор, где, усевшись под яблоней, начала настраивать гитару, привыкая к ней и проникаясь. Она разговаривала с незнакомкой, просила помочь, и через пару часов вроде стало что-то получаться.

За этим занятием ее и застал араб.

— Госпожа умеет играть на вуэле? — спросил сопровождающий иностранца мальчишка-раб (ошейник на шее не оставлял сомнений). — Мой господин любит музыку.

Ирина встала, поклонилась и уставилась на юношу. Да, араб был, скорее, парнем, чем мужчиной: бороды не носил, так, легкая небритость, лицо гладкое, кожа сияет, как и миндалевидные карие, словно кофе, глаза. Он выжидательно смотрел на девушку и молчал. Толмач, бросил взгляд на хозяина и сказал:

— Госпожа, мой господин почти не говорит на местном наречии, но многое понимает. Он третий сын правителя Пустынного халифата, Аладдин Али-Абу ибн — Рашид, не степняк — голосом выделил мальчик последнюю деталь. — Как я могу обращаться к вам?

Как Ирина от нервов и удивления опять не заржала, неизвестно. Аладдин, мать вашу, халифат! Принц Персии почти!

— Эйрин Торвальдссон, к вашим услугам — полезла откуда-то надменность и придворная (ага, подъездная) учтивость: девушка приложила правую руку к сердцу и слегка поклонилась, не отводя взгляда от чужеземца в белом. Тот отзеркалил жест, не меняясь в лице.

«Что он во мне такое увидел? — подумала попаданка, а потом чуть снова не рассмеялась. Представила себя в штанах, мужской рубашке, в лаптях, с заплетенными по всей голове косичками. Любава исполнила странную просьбу девушки: получилось весьма необычно, но красиво и практично — почти дреды, теперь голову можно не мыть долго, волосы, стянутые, не будут так уж пачкаться. Что с ними будет потом, Ирина предпочитала не думать (Эйрик запретил дочери стричь косу, пришлось изгаляться).

— Какими судьбами принца занесло в эту гостиницу? — не удержалась от вопроса девушка, и раб, переглянувшись с парнем в шимиге, рассказал историю еще одного предательства, подтвердившую пословицу о тесноте мира.

Оказывается, Аладдин ибн, короче, принц пустыни прибыл вместе со своим четвертым братом (гарем, гарем!) в Куяву, чтобы найти — не удивительно — Эйвинда Густафссона, про

которого с уважением отзывались сарацинские (знакомое что-то) купцы, ни единожды бравшие его в сопровождение при путешествии по герцогству, Руси и остальному псевдоевропейскому континенту. У братьев была цель: добраться до нордманских земель и установить дипломатические отношения с конунгом, если получится, но пройти по этим местам и познакомиться с жизнью стран и народов — обязательно.

Халиф отправил с ними старого визиря, но тот предпочел плавание по Внутреннему морю, в обход Кордовы, где жили его родственники, потом по Холодному морю — в столицу нордов, парни же решили испытать удачу самостоятельно.

— Мой хозяин доверял брату, а тот, выкрыв ночью наших коней и письмо к конунгу, нанял Густафссона и уплыл с ним! Хорошо, что наши вещи и деньги, а также еще одно послание осталось в личных вещах охранника Низама, теперь господин может доказать, что он — это он. Но мы не можем найти никого, кто готов отвезти нас к нордам! — вскричал возмущенный мальчишка, а Аладдин успокаивающе похлопал его по плечу.

— Ты уверен, что вероломный брат уплыл именно с Густафссоном? — задала вопрос Ирина. — Потому что Эйвинд Густафссон сейчас носится по городу и ищет заказ, с которым может немного подзаработать на пути домой, где должен быть не позднее холодов.

Глаза парней превратились в плоски, и в них загорелась надежда.

— Это правда? Эти люди здесь — команда знаменитого кормчего? — задыхаясь от волнения, прошептал раб-толмач, потом что-то затараторил на арабском и запрыгал на месте.

— Госпожа, это замечательно! Мы можем заплатить нордам, даже без коней мой господин в состоянии выполнить задание отца-халифа! Визирь привезет еще золото и щедро вознаградит вашего командира! Когда можно с ним переговорить?

Часть вторая Глава 4

Этим вечером в заведении Гильфи Хансена царило веселье и возбуждение.

Когда уставший и внешне невозмутимый Эйвинд с Эйриком вернулись из города, их встретила Эйрин с Аладдином. Эйрик недовольно уставился на дочь, а Ирина гордо сообщила:

— Я нашла заказ, который позволит не только вернуться домой, но и прилично заработать! Это — указала на невозмутимого принца — наш пассажир, принц Персии, то есть пустыни, Аладдин Али-Абу ибн-Рашид, прошу любить и жаловать! Отец, капитан, мойтесь, сядем за стол и мы с Яром — жест в сторону раба, — расскажем обо всем подробно. Ребята уже в курсе. И все хотят есть!

Эйв ухмыльнулся, поклонился принцу, получил ответ и двинулся в мыльню. Любава с Ириной — на кухню, а Микола, разнесший весть как сорока — за ватагой.

На радостях попаданка рискнула показать трактирщице кое-какие блюда из прошлой жизни, не имевшие аналогов в этой части мультивселенной. Огород порадовал свежей зеленью, ранней капустой, первыми огурчиками и молодой редькой(или редисом, короче, ни то ни се, но по вкусу похоже). Конечно, иномирянка «забацала» майонез, и на столы был подан салатик из капусты, редиски, огурцов с кучей зелени под майонезом, отварные яйца — с ним же, пшенная каша с субпродуктами (Любава сначала кривилась, но, попробовав, сказала, что вполне и экономно). Кстати, за потрохами (печень, легкое, требуха, сердце и почки) мотался к мяснику Микола с Осе, иначе они бы не смогли приготовить — в трактире Любава такое не держала.

Также на стол были выставлены молоденькие жареные кабачки с чесноком и зеленью, уха из выловленной нордами от нечего делать рыбы, над которой колдовали женщины вместе: Любава требовала засыпать крупу, Ирина настаивала на бульоне с кусками освобожденной от костей речной мелочи.

Специально для принца Ирина приготовила рис с курицей, почти плов. У хозяйки нашлось «сарацинское зерно», но оно ей не нравилось: липкое, безвкусное! Пришлось показать, как правильно варить рис (на удивление белый и крупный): на одну часть крупы полторы части воды (для длиннозерного) и две — для круглозерного. В данном случае — две. Но Ирина, поджарив курицу с луком и морковкой, засыпала рис сверху и налила воды на два пальца, довела до кипения и, воткнув зубчики чеснока, оставила упариваться под крышкой, укутав кастрюлю полностью.

На сладкое — пироги с земляникой! Тоже собирали свободные гребцы: недалеко, на крутых берегах, в траве, ее было видимо-невидимо! Ирина поразилась, а потом вздохнула: мир-то без промышленного загрязнения, природа, считай, первозданная.

В процессе готовки Ирина и Любава переговаривались обо всем и не о чем, ну, чтоб не молчать-то. тогда попаданка и поинтересовалась, как правильно называть новую родню: нордманы или чаще употребляемым понятием «норды»?

— Сами оне, конечно, нордманы — авторитетно заявила Любава — и страну свою называют Нордмана. Но тяжело выговаривать — женщина улыбнулась — вот и повелось: норды да норды. Привыкли и наши, и они перестали поправлять, так что «норды, северные люди» — их называют уж почитай, сколько лет, прижилось имечко народное! Нордка ты теперь, Эйрин!

Когда за столами в зале трактира уселись все причастные, попаданка натурально офигела: больше полусотни! Как-то до этого она в полной мере не осознавала количество народу рядом.

«Надо включаться и запоминать всех по именам, хотя бы! — решила Ирина и уселась за стол рядом с Эйриком. Мужики подняли кружки с пивом и заработали ложками. Ели из общего котла жидкое и из одной на двоих тарелки — остальное. Привыкли так, сказала Любава.

«Все-таки, какой примерно век относительно нашей истории, а? — думала иномирянка, следя за реакцией местных на свои блюда. Отвращения не было — и то хорошо.

Принц сидел за столом с Эйвиндом, но ему подали отдельную посуду, как гостю. И плов. Ирина спросила, пришлось ли блюдо по вкусу принцу, он, посмотрев на неё внимательно и чуть ошеломленно, кивнул.

Пока мужчины насыщались, кормчий вел тихий разговор с принцем, вернее, со стоящим за ним рабом Яриком. Судя по лицам, к определенному соглашению они пришли.

«Ну, теперь можно и спеть для поднятия настроения» — решила попаданка и встала, привлекая к себе внимание. Норды начали перешептываться, улыбаться, предвкушающе. Было приятно, да и репертуар она уже примерно подготовила, так что особо не волновалась. Единственное, что расстраивало — отсутствие привычного и любимого баяна, без него Ирина была как не голая, но недоодетая, что ли. Вуэла немного помогала, но не для всех песен гитара хороша.

Девушка распрямилась, оглядела зал, вздохнула и — «ну, с Богом!» — приступила.

— Ой вы гой еси, добры молодцы, добры молодцы, красны девицы (поклоны во все стороны, видела Ласку в дверях кухни вместе с Любовой)! Мужики старшие, жены славные, вои крепкие, гости дальние! Пир не пир, коль он без веселия, не дает душе развернуться! Песни старые, песни новые я вам здесь спою в удовольствие! Не поймет кто что, так задаст вопрос, а иной мой сказ так понятен будь.

Ирина еще раз поклонилась, взмахнув рукой. Сегодня она отпустила себя, вспомнила все свои роли: руководитель хора, тамада, певица...Артистка, короче, для которой выступление перед публикой как глоток воздуха!

— Грусть-печаль свою вы гоните прочь, я вам буду петь, что сдержат невмочь! Про друзей-врагов, про родимый край, чтобы сил придать и надежду дать! Будет труден путь, будет долг он, но не вам идти ко злу на поклон! Крепок духом ваш командир, а вы все ему под стать, норды мощные! И пройдете вы по рекам-морям, и про вас везде скажут главное: не сдались они пред бедой своей, одолели враз зависть чуждую! Ждет вас брег родной да со славою, а родня на нем да с добычею!

Ирина говорила нараспев, подражая русским былинам. Был у неё опыт спектакля с детьми по мотивам былин и сказов, вот тогда она и запомнила ритм и выражения. Ну, а вдохновение, пришедшее из-за ожиданий ватаги, помогло не запинаться, даже не задумываться: ее словно вел кто-то.

В зале стояла тишина, слушатели внимали говорящей, пытаясь вникнуть в смысл ее речи. И, наверное, что-то да понимали, потому как на лицах проступало легкое самодовольство и горделивость: чувствовали, что Ирина их хвалит?

Попаданка оглядывала публику и успокаивалась — начало положено. Эйвинд снова

смотрел на неё задумчиво и ласково (?), Эйрик — гордо, аж надулся, Микола — в ожидании чуда, а пустынный гость — с легким недоумением.

Ирина подошла к Густафссону:

— Что-то наш кормчий последние дни серьезный не в меру, поэтому начну-ка я с него.

Ира набрала грудь воздуха и запела-заиграла:

Жил отважный капитан, он объездил много стран

И не раз он бороздил океан...

Ира входила в роль: хмурила брови, выпячивала грудь, модулировала тональность, жестикулировала. В общем, старалась максимально оживить текст для большинства слушателей пантомимой. Те же, кто понимал, уже улыбались, притоптывали и бросали в сторону кормчего задорные взгляды, а Эйвинд старательно «держал лицо», но глаза явно смеялись. Припев Ирина пела, похлопывая в ладоши, и за ней вторил сметливый Микола и басил Эйрик:

Капитан, капитан, улыбнитесь!

Ведь улыбка это флаг корабля!

Капитан, капитан, подтянитесь,

Только смелым покоряются моря!

Ватага «подпевала» мычанием, покачиванием корпусом, притоптыванием, улыбками. Премьера состоялась! Ирина поклонилась и продолжила:

— Ну, капитана мы поддержали, теперь «Песня о ветре». Да, да! И она — для остальных!

А ну-ка песню нам пропой, веселый ветер

веселый ветер, веселый ветер!

Моря и горы ты обшарил все на свете

И все на свете песенки слышал...

Эйрин ходила между столов, размахивала в такт руками, парни кивали одобрительно, а зажигательный мотив наполнял трактир жизнью. Иру так радовал собственный голос, что она не чувствовала усталости, только изредка смачивала горло вкусным отваром.

И пела, пела даже то, что раньше не могла, потому что элементарно не хватало «дыхалки». Взрослые песни перемежались с забавными детскими, грустные — с веселыми, в каждую исполнительница вкладывала душу и способности обеих своих составляющих — памяти Ирины и вокала Арины.

«Ты помнишь, как все начиналось?»

Все было впервые и вновь,

Как строились лодки и лодки звались

Вера, Надежда, Любовь!

Дальше эстафету подхватила песня из довоенного фильма «Семеро смелых», которую часто напевал, работая в саду, ее дед, бывший полярник:

Лейся, песня, на просторе, Не скучай, не плачь, жена. Штурмовать далеко море
Посылает нас страна.

Ира меняла стили, тональность, громкость и серьезность:

Если с другом вышел в путь,

Если с другом вышел в путь,

Веселей дорога!

Без друзей меня чуть-чуть,

Без друзей меня чуть-чуть,

А с друзьями много!

За несколько часов Валиева перепела с десятков и более песен. Атмосфера в трактире наполнилась смехом, довольством, настроением и слушателей, и самой артистки было приподнятым.

Ирина вошла в раж, испытывая небывалый душевный подъем и вдохновение. Она чувствовала себя волшебницей или царицей этого маленького мира, но в этом не было жадной властности, но присутствовала сила очарования. Сейчас она владела душами и сердцами собравшихся, и щедро даря им свое искусство, получала от них не меньше в виде блестящих глаз, восторженных лиц и бурных аплодисментов. Иномирнянка как бы парила на крыльях любви ко всем и каждому, готовая отдать всю себя без остатка, лишь бы слушатели и зрители ее моноспектакля были довольны.

Она впервые до конца поняла тех великих артистов, которые чуть ли не до последних минут жизни служили театру и кино, стремились на сцену, где забывали о немощи, болях, недугах и потерях, предаваясь любимому делу — лицедейству в хорошем смысле. Энергетика зала при живом исполнении — это нельзя объяснить, только чувствовать, растворяясь в эмоциях и своих, и зрителей.

Песни о море, дружбе, доме перемежались шутливыми, на исполнении которых Ирина «отрывалась». Так, неожиданно для себя, она «в лицах» спела песенку Водяного из мультика «Летучий корабль»:

Я- водяной, я — водяной, Поговорил бы кто со мной,

Микола захохотал первым, ему вторила Любава, а норды желали перевод. Пришлось коротко объяснить, кто и о чем так страдает на болоте.

Песни уже вели ее, одна за другой просясь на язык сами, без ее желания и плана. Ирина разошлась настолько, что пустилась в пляс под любимую с института «Порушку»: ну не «Барыня», зато как заводит!

Уж ты, Порушка-Пораня,

Ты за что любишь Ивана.

Ой, да я за то люблю Ивана,

Что головушка кудрява.

Уперев руки в боки, поводя плечами, она подошла к Миколу и начала вокруг него пританцовывать, вынуждая подыграть. Отдать должное, Микола сообразил, что от него требуется, и тоже начал и топотать, и похаживать, и голову задирать, как вроде по тексту песни красуясь. Ухватив движения девушки, довольно быстро вошел во вкус и продемонстрировал некое подобие «русской». Под одобрительные выкрики и хлопанье северян они закончили экспромт общим поклоном. Мужики хохотали, Аладдин тарачился, а Эйрик довольно поглаживал бороду, громко оповестив собрание:

— Ну, парни, хороша дочь моя? Эйвинд, ты удачливый сын Тора, раз именно у тебя теперь в хирде есть такой скальд! Удача точно будет с нами, несмотря на происки волка и других неприятелей! Иди сюда, Эйрин, дай обнять тебя, красавица! — Эйрик сграбастал девушку в объятия и, усадив себе на плечо, спросил: — Довольны ли вы, парни, выступлением моей дочери?

— Даааа! — рывкнули норды. — Рыжий, теперь тебе надо строить дом крепче прежнего, иначе со всей Нордии к его стенам будут идти желающие послушать ее песни, а

не пустишь — разнесут по бревнышку!

Эйрик подбросил дочь, заставив ее взвизгнуть от неожиданности, и авторитетно заявил: — Дом Торвальдссона будет открыт для друзей! И только для них!

Пока публика успокаивалась после танцевального номера, к Ирине обратилась Любава.

— Хорошо спеваешь, пришлая! Никогда таких песен не слыхала. Спасибо и от себя, и за парней-ты их дюже порадовала. А для нас, баб, есть что? — женщина смотрела с такой надеждой, что отказать ей попаданка не могла.

О чем желает услышать женщина во всех мирах? О любви, конечно! И память выдала необычный вариант: редко кто просил ее раньше об этой песне, но Ирина мама любила Майю Кристалинскую с её мягким голосом и искренностью.

Эйрин передохнула, села на стул, взяла вуэлу и, пройдясь по струнам, начала:

Ночь была с ливнями и трава в росе, Про меня «счастливая» говорили все. И сама я верила, сердцу вопреки: Мы с тобой два берега у одной реки.

Мужики притихли, Любава скорбно поджала губы, Ласка вытирала слезы.

Ира, закончив, даже расстроилась:

— Не понравилось?

Любава вздохнула и сказала уверенно:

— Ещё!!!

Концерт продолжался до ночи, Ирина стала уставать, несмотря на «удар» и «отдачу», поэтому объявила:

— Все, простите, но артисту нужен отдых! — улыбнулась и добавила. — Напоследок, вроде колыбельной для — обвела рукой зал— маленьких мальчиков и девочек.

"Ты носи меня, река, за крутые берега..."

У Ирины на «Любэ» была неоднозначная реакция: под их песни она или смеялась, или плакала. Но всегда голос Николая Расторгуева трогал ее до самого «дондышка». Так как он, душой, пели немногие, ближе по восприятию Ирине был еще Утесов, а из женского вокала для неё непревзойденной оставалась Зыкина и Эдит Пиаф. В той жизни у Эйрин не было возможности петь хотя бы близко к идеалу, но сейчас...

Переборы струн чуть направляли мелодию, а уже немного хриловатый от напряжения голос соответствовал настроению песни, и она смогла исполнить ее достойно, по своим меркам.

В зале повисла тишина, Ира опустила плечи. Слово взял Эйвинд.

— Госпожа Эйрин, от имени всех присутствующих выражаю вам ...благодарность? Нет, Эйрин Торвальссон, благодарность — слишком малая цена за то счастье, что я — он окинул ватагу взглядом — мы испытали. Спасибо!

Кормчий встал и поклонился оцепеневшей от торжественности момента попаданке. Остальные последовали его примеру, и Ирина почувствовала, как глаза наполняются слезами от охвативших эмоций. Она тоже поклонилась всем и ответила:

— Я счастлива, что вам понравилось, правда! — и расплакалась...

Часть вторая Глава 5

Несмотря на сильные эмоции и волнение, уснула певица после бенефиса, только голова коснулась подушки. А наутро жизнь ватаги закипела.

Приняв заказ принца, Густафссон со товарищи начал лихорадочно, но толково собираться в дорогу. Эйрин в детали не посвящали, естественно, но Микола, всколзь, забежав выразить восхищение и желание научиться ее песням(!), поведал, что кормчий решил пойти малоиспользуемым остальными путем.

— Эйрик поддержал, хотя ребята волнуются. Там больше леса болотистые, городов мало, зато подставы не будет: из нордов на такую авантюру способен только Эйв. Сейчас он договаривается с одним купцом о покупке его товара, чтобы тамошним диким народцам сбыть, так и заработаем. А принц-то потянет, как думаешь? И ты, паненка, подумай, что тебе-то в дорогу взять... Боюсь, придется и твоим ручкам работать...

Ирина не сдержалась и легонько дала парню подзатыльник. Пугать он ее будет, мальчишка! Недо-норд заржал и сбежал, а иномирянка задумалась.

За период ее пребывания в этом неизвестном мире сведений о нем хоть в какой-то мере у Ирины набралось до невозможного мало. Да и когда, собственно? Только бежала: то от герцога, то от ротмистра. Шпионом не обзавелась, книг не видела, память предшественницы не сохранилась, в отличие от некоторых телесных навыков вроде пения, знакомства с гитарой и вышивания с шитьем, помимо грамоты. Ей бы карту какую.

По упомянутым названиям близлежащих стран и рек с городами, Ира сделала вывод, что находится на территории самостийной в этом мире-кальке с прежней Земли. Климат тоже соответствовал привычному, растительность это подтверждала. Получается, «путь из варяг в греки» имел место быть и здесь, но в данной ситуации нордам он не подходил.

Насколько помнила женщина (смутно, очень смутно) основным способом передвижения в средневековой Европе были реки, а благодаря обширному лесному покрову, не изничтоженному в угоду промышленному прогрессу, многие речки и речушки создавали сеть водных артерий, известных лишь местным: с картографией/ землеописанием тоже были проблемы. Предположим, что дальнобойщик Густафссон, судя по всему, лучше других знает эти «козьи тропы», просто не всегда ими пользуется. А сейчас представился случай.

Однажды «ерундит» Серега, послушав по телеку передачу для школьников «Академия», кипя праведным гневом, который Ирина направила в мирное русло-заставила картошку окучивать, поделился с ней своим возмущением о теории какого-то там «хрюнделя», настаивавшего, что тот самый путь из варяг в греки был не единственным способом доставить товары прежде — всего, в Европу- из азиатско-арабского региона.

— Понимаешь, он считает, что эту теорию выдвинули ради собственных интересов русские, оккупанты и угнетатели! Мол, Просвещенный Запад никогда не пользовался дорогой из Балтики до Причерноморья по землям русских, они, мол, сами с усами и ходили по Висле, Бугу, Припяти, еще как-то, помимо простого каботажа по Средиземноморью! — возмущался Серега, яростно работая тяпкой. — Ага, наверное! Через тридцать три страны, где у каждой границы пошлину брали местные корольки и грабили местные же лихие людишки или по морю, где пиратов как сельдей в бочке! Действительно, чего бы им по пустым лесам московитов шариться, где простой народ последнее отдавал, если помощь требовалась да за малую деньгу на себе корабли по суше перетаскивал!

Сергея выпрямился, оперся на черенок тяпки и продолжил:

— А еще, мол, жители Прибалтики были чуть ли не великими народами когда-то, и только засилье Советов лишило их светлого будущего в рамках благословенной Европы! Их-де угнетали русские, языка лишили, культуры, эксплуатировали природные богатства и мешали самостоятельному развитию! Ирк, это чухонцы-то великие! Которых тевтоны, пшеки и немчура за людей-то не считали, ночью в города не пускали: собак и их, чухню! Драли три шкуры, держали впроголодь, на их наречии запрещали даже в полях общаться! А оккупанты-русские их от крепостной кабалы освободили, школы создали, землю выкупать разрешили, государство, бл..., подарили! И русские-сволочи, душители, а немцы-благодетели! Тьфу! Вот уж правда, не делай добра — не получишь зла. Эх, Рассея-матушка, простодырая ты тетеря...

Не верить Сергею Ирина не могла: при всей чудаковатости и пьянстве мужик он был умный, начитанный, образованный (МФТИ закончил, если что). В науку шел, да случилось что-то, что сломало амбициозного парня напрочь, что-то с исследованиями: то ли ошибка вышла в расчетах, то ли украли у него результаты и его же обвинили... Теперь уже и не узнаешь, да и не суть.

Ирина никогда не интересовалась историей, политикой и иже с ними, но кое-что в памяти имелось и о развитии Прибалтики, и о «дороге товарной жизни»: возможность иной логистики она допускала, не отрицая привычной версии. А в отношении чухонцев и не только...

Была у них на курсе девочка из Каунаса, Рута то ли Качюлите, то ли Кацюлите: красивая, способная, надменная, при этом грубая и ненавистная ко всему русскому. Девчонки в общаге старались с ней не связываться вообще: пакостила подло и мелко за любой, по ее мнению, кривой взгляд или слово. Но у парней успехом пользовалась, и ими пользовалась, особенно теми, кто благодаря родителям был при деньгах: откровенно, цинично и качественно. Её потом в соцсетях кто-то из выпускников «интердевочкой» называла, мол, и этим грешила. Ира не знала, сплетни ее не трогали, времени на дразги не хватало-училась с удовольствием и надеждой. Да, пока замуж не вышла...

Так вот, она сама не раз слышала, как эта Рута поливала грязью страну, в которой выросла, проклинала русских и жалела, что фашисты проиграли. Соседки жаловались в комитет комсомола, но литовка в союзе не состояла, обвинения выворачивала так, что жалобщицы сами слезами умывались от страха быть обвиненными в клевете на талантливую студентку, и еще больше гадила: то парня уведет, то вещи испортит, то преподу напоет о притеснениях и зависти менее успешных вокалисток... Она в перестройку даже, вроде, в политику сунулась: ярая националистка, поборница расплаты за вековое «угнетение» «маленького, но гордого народа»...

Вот ведь вспомнилось некстати, Ирина передернула плечами от неприятных картинок прошлого, прогнала обрывки эмоций и вернулась к своим «баранам».

Что с собой взять в дальнюю дорогу? Лето пока в зените, но до берегов моря идти, как до Китая... Погода по мере приближения к побережью будет портиться: всегда у моря сыро. Пассажиров прибавится, значит, и теснота обязательна. Вероятнее всего, командир будет спешить, значит, и остановок сделает минимум, а следовательно, продукты должны быть «долгоиграющими»: соленые, копченые, сухие.

Одежда... Нужны сапоги, несколько пар лаптей, смена, мыльно-рыльные штучки и гигиенические, мать вашу. Из травок лекарственных тоже надо взять: от комаров, простуды,

отравления, антисептики и пр.

Ира решила пойти к Любаве и зазвать ее в город закупиться. И в храм! Да, это непременно. Пусть бог здесь непривычный, но лишней его поддержка не будет, и спасибо ему — тоже.

Все эти мысли крутились в голове попаданки в процессе работы на огороде: она по привычке туда пришла — ей всегда становилось спокойнее на земле. Сидишь, сорняки дергаешь или тпаешь чего, а мозг обрабатывает инфу.

Здесь ее и застал Ярик с принцем — специально искал, что ли?

— Госпожа Эйрин, здравствуйте! — поклонился пацан, а принц Персии кивнул головой. Охрана была невозмутима и безмолвна.

— И тебе не хворать, Ярик, принц! — ответила Ирина. — Договорились с капитаном? Собираться начали или вам только подпоясаться?

Ярик оборота не понял, но за слова о сборах зацепился.

— Ой, госпожа, об этом мы и пришли поговорить. Вернее, я — он оглянулся на равнодушного с виду хозяина. — Скажите, как оно может быть здесь, на их корабле? Фризские морские я видел, немного на них плыли. Не очень большая каюта, качка...

— Ярик, о том забудь и его — кивнула в сторону принца — предупреди, что ни каюты, ни большой качки не будет, река-не море. А вот теснота, мошкара, отсутствие горячей воды, сухой паек и много работы-да!

Ярик параллельно переводил, и по мере осознания глаза его становились все больше, а мордашка-грустнее.

— Как ка... каюты не будет? — начал заикаться толмач. — Но господин не привык...

Ирина резко оборвала раба, уперлась взглядом в лицо Аладдина, убеждаясь, что тот ее понимает, и спокойно сказала:

— Нет на нордских кораблях кают, нету! Они в них не нуждаются, сами увидите. Поэтому, принц, забудьте на пару месяцев свою «принцессность» и станьте простым мужиком, способным вытерпеть холод, голод, неудобства в компании таких же крепких неприхотливых соседей. Хотели приключений и испытаний? Кушайте, не обляпайтесь!

Ярик прыснул, но перевел, принц бровью не повел. Ну, ладно.

— Дальше. Про кандору и прочее. Стирать будете либо сами и вопрос — где и когда, либо купите немаркую одежду местного фасона и сапоги обязательно. Со сменой! Еще одеяла либо сукно толстое-постель. Насчет мытья. Вода в реке, если повезет — баня у местных, не знаю. Видишь, как я волосы заплела? Чтобы мыть реже и чтобы живность полотняную, не дай боже, где прихватить. Ты подумай и над этим. Есть будем дичь, рыбу, что из засолки возьмем, на подножном корму, короче. О баранине придется мечтать до места, как и о кофе, ферштейн? Понял? Хотя кофе возможно... Но это детали. Главное я сказала. Думайте, решайте. И командира еще спроси, вдруг я чего не знаю.

Оставив озадаченных пустынников переваривать, Ирина пошла искать Любаву: самой бы тоже поторопиться стоило.

PS. Уважаемые читатели, не пожалейте времени, поставьте звездочки, если понравился текст)) автор будет благодарен!

Часть вторая Глава 6

Благодаря помощи трактирщицы, каждый вечер просившей и неизменно получавшей «песню о главном», Ирина собралась максимально быстро и полно, на свой взгляд, да еще и сэкономила на одежде и обуви. Добрая женщина отдала девушке все из оставшейся и подошедшей ей амуниции выросшего Осе: штаны, рубахи, исподнее, сапоги, зипун, носки, шапку типа картуз, даже валенки, которым путешественница обрадовалась больше всего — ноги на палубе не замерзнут! Прокипяченное исподнее пошло на тампоны: их Ирина крутила в одиночестве, дабы не смущать новшеством соседку. А из купленного тонкого льна и ситца (или чего-то похожего) попаданка сшила несколько коротких подштанников — тоже в одиночестве.

Она вообще в эти дни предпочитала как можно чаще оставаться одна: ежевечерние концерты, к которым пристрастились норды и хозяйева, отнимали массу сил, хотя и были в радость. Но предстоящее путешествие в компании мужчин и в замкнутом пространстве требовало подготовки — моральной, конечно, больше. Вот Ира и собирала на будущее тихие молчаливые мгновения принадлежности самой себе.

Поход в город запомнился суетой, покупками и посещением местного храма — в центр Любава гостью не повела: далеко и дорого там.

Церковь была белокаменной, с тремя куполами (?), небольшой квадратной, уютной и тихой. В ней не было икон, но были лавки, алтарь в глубине, несколько песочных поставов под свечи и святым семейством в переднем приделе. Ира вопросов не задавала, краем глаза следила за действиями Любавы и повторяла.

Отец, Мать, Сын — местная Троица. Их деревянные скульптуры составляли главную композицию: сидящий Бог-Отец, чуть ниже-Матерь Божия и стоящий одесную Отца Спаситель. Ирина вслед за Любавой перекрестилась при входе, поставила принесенные (!) с собой свечи во все места, помолилась про себя как умела, низко, в пол, поклонилась и вышла из храма если не умиротворенная, то успокоенная точно.

В торговых рядах попаданка присматривалась к предметам и выбирала, что ей нужно, а Любава давала «мастер-класс» по сбиванию цен. В итоге, на сэкономленные 3 злотых гостыя накупила: иголок разных, пару ножниц, ниток и пряжи (по дороге свитер свяжет себе), несколько мотков лент (кружев не было), бисера неровного, мелкого жемчуга (бери, на вышивку хорошо), дешевых медных серег и две штуки ситца скромной расцветки.

— Ты, девка, на мужиков надейся, да сама-то не плошай — советовала ей Любава. — Смекаю я, куды они наладились: по Березине вглубь полеськов, народ такой, мирный, но темный, потом к жмуди с чухней выйдут. Те таки ж будут. Так им за радость иголки-то! Город тамось, вроде, один посередь леса, Березов ли Борисов. Редко туда кто ходит, вроде с севера до них дойдут лодьи малые. Это мне Гильфи говаривал раньше. Так ты мелочь-то прикупи, продать такое завсегда можно, где бабы живут. Места не трэба, а куплено — не прожито, авось!

Что-то подобное Ирина и сама думала — так, на краю сознания, — но совету вняла (и не пожалела в будущем, еще и Эйрика надоумила).

Неделю ватага Густафссона собиралась в дорогу. Командир нашел несколько заказов до

Речицы и Бобруйска (точно, по Березине пошла на веслах), заложил в трюм железных лемехов, лопат, гвоздей и прочего полезного мастерским инструмента, ткани, специй, ювелирки...

Конкретно девушка не спрашивала, но отцу про иголки-нитки для «жути» сказала, как и то, что мелочь иной раз выгоднее редкостей.

Пока мужики «тюнингвали» корабли и бегали по делам, Любава и компания солила, варила, сушила запасы в дорогу. Рыбу ловили, ягоду уваривали в меду, хлеб превращали в сухари.

Ирина выпендрилась: предложила крупную рыбу (сом, щука) закоптить, как и мясо, которое здесь предпочитали вялить в теньке с рыбой вместе. Нарисовала Эйрику примитивную коптильню, мангал, объяснила, что — почем, и с Ормом, тем первым нордом, на которого загляделась, смастерила коптильню из «дерьма и палок» в саду: выкопали они на краю ямку под костер, метра два желоб для дыма, как-то Гильфи с Осе и еще одним парнем сколотили ящик примерно метр на метр, внутри в несколько рядов прутья вставили. Костер прогорел, в него набросали предварительно замоченный щепки ольхи, дуба, травы душистые, накрыли плетеной корзиной. Дым, пошедший по желобу, сохраняли густо набросанными свежими ветками с листвой и насыпанной поверх них землей, а ящик с насаженными солеными рыбинами плотно прикрыли деревянной крышкой...

И сели ждать. Запах привлекал многих, торопили, но Ирина шикнула и выдержала процесс часов восемь: с утра до после обеда. Рыба получилась вкусная, и до отплытия Орм как главный «по тарелочкам» освоил и рыбу, и кур, и полоски свинины. Гильфи, поняв принцип, отдался половиной хряка, а Любаве пришли в голову и другие варианты. Ирина предупредила, что можно готовить и на углях без заморочки, но храниться такой продукт недолго.

— Милая, да у нас ему и не удержаться будет, только в зиму. Спасибо! — благодарила Любава за майонез и потроха — тоже.

Отплывать норды собрались на 8й день стоянки в Куяве: все, что нужно и могли, ребята сделали, время подгоняло (лето не резина, не растянется), и прощальный вечер семья Хансен отметила богатым столом и легкой грустью.

— Эх, когда еще нам так спевать кто будет? — горевала Любава. — Да и привыкла я к тебе и парням, прям от сердца отрываю.

Ирине тоже было немного грустно и тревожно, но что делать? Остаться она не думала даже, а значит, всплывает на дорожку и вперед!

На прощание попаданка перепела для остающихся и отъезжающих все, что те просили, показали они с Миколой и несколько импровизированных танцев, а главное — Микола спел «Ах ты душечка»!

Сие стало откровением не только для слушателей, но и, правда раньше, для Валиевой. То, что земляк Арины артистичен и хваток на запоминание слов с одного раза, она заметила: парень всегда подыгрывал и подпевал ей по вечерам. Дуэтом они развлекали публику не хуже заезжих скоморохов, как сказал Осе.

У Миколы обнаружился голос, вернее, ГОЛОС! Неразработанный, сырой, но возможности открывались...! Ломка подростковая уже прошла, и приложи парень усилия — будет здесь второй-первый Сергей Лемешев: именно такой теплый, нежный, даже чувственный, высокий, но не писклявый, как (по мнению Ирины) у возносимого властями от

культуры Козловского, оказался лирический тенор у Миколы.

Он пришел к ней в сад, где она сидела одна и шила. Помялся, а потом попросил научить петь именно эту песню, исполненную ею накануне.

— Паненка, вот прямо до нутра достала! Я ж немного-то в усадьбе спевал с девчатами, ну, так... — смущался конюх. — Но то ж наши, протяжные да нудные, не чета твоим-то! Ты послушай..

Когда он взял первые ноты, у неё мурашки по коже побежали! Так было всегда, если голос певца и музыка касались тайных струн души. Так для неё звучали арии Лемешева, шансон Пиаф, некоторые синглы Тернер и Хьюстон, дуэт Бочелли и Брайтман...

Микола замолчал, а Ирина не могла сбросить очарование его пения и что-то сказать.

— Паненка, скажи ...Плохо, да?

Ирина пришла в себя, сглотнула.

— Микола... — она уставилась на парня горящими от восхищения глазами. — Микола, это прекрасно!!! У тебя необыкновенный талант! Если бы ты был в... — она осеклась. — Дорогой, я научу тебя! В дороге и попробуем! А сейчас давай за мной...

За пару часов репетиции Микола не запнулся ни разу, поймал настроение, запомнил еще кое-что из ее уже репертуара, они попробовали спеть дуэтом «Синие море» Любэ, «Мы на лодочке катались» Пахоменко. Ирина была готова прыгать от счастья-у неё появился партнер, это ж какие перспективы!

Дебют Миколы прошел на «ура»! Ирина поставила мизансцену, как они встречаются, идут, он обнимает девушку и поет для неё. В зале стояла такая звенящая тишина после завершающей тесситуры Миколы, что Ирина испугалась — провалились? Она глянула на парня: того трясло. Ирина легонько сжала его руку, мол, не волнуйся.

Первым очнулась Любава: она прошла через зал, вытерла слезы и обняла обоих, прижав к могучей груди.

— Святители, это... — расцеловала ребят и постановила. — До смерти буду бога молить за вас, так уважили, так уважили! Ласка, тащи медовуху мою, выпить хочу!

Тут и мужики загалдели, обступили новоявленного тенора, и Эйрик, как всегда, веско хлопнул конюха по плечу:

— Я ж говорю, Густафссон везучий сукин сын! Эвона каких мастеров принял на борт! Молодец, Микола! И ты, дочь, молодец! Придем домой, я и тебя, парень, в род возьму! Или, командир, не будем откладывать? Время как раз подходящее!

И Микола через час стал приемным сыном Торвальдссона и братом Эйрин. Присутствовавший на этом обряде «принц Персии», как стали с легкой руки звать в ватаге Аладдина, одарил семью тремя рубинами в знак одобрения.

— Так, раз все хорошо, все довольны, пора на боковую, завтра большой день. Эйрин, не жалеешь, что идешь с нами? — спросил Эйвинд с улыбкой.

— Нет, командир, не жалею! И спою об этом!

Ирина вздохнула и исполнила давнюю мечту — спела «Non, je ne regrette rien» на французском, подражая великой Пиаф: с грассированием, колоратурой, возблагодарив бога и предшественницу за такой подарок.

Эту и другие иностранные песни она запоминала с оригинальной темой, выучивала текст, пела про себя, но никогда-публично: стеснялась недостаточной силы и диапазона голоса. А сейчас все совпало: вокал, место, время. И пусть никто не понял смысл, но красота

мелодии и вложенные в исполнение эмоции нашли дорогу к сердцам слушателей. Ирина легла спать спокойная и уверенная в завтрашнем дне. Её не пугали ни будущие трудности пути, ни неизвестность новой родины. «Господи, спасибо! Все будет хорошо!»

Часть вторая Глава 7

Северяне отбыли на заре. Хозяева трактира и слуги долго стояли, глядя вслед уходящей флотилии и вытирая слезы, желали им удачи в пути.

Это путешествие Ирина Михайловна Валиева, в ином миру-Эйрин Торвальдссон помнила до последних дней второй жизни. За почти три месяца она проплыла ... Ну много, точно! 4 реки, несколько городов, десятками-сел и деревень, болота, протоки, комары, дожди, грибы и дичь, слезы и смех... И много-много работы!

«Книгу написать можно, «Как мы к Балтике шли» — вспоминала она позже и никогда не жалела. Сидя в своих Двориках да изредка наезжая к родителям — вот и вся ее панорама прошлого мира. Ни за границу, ни еще куда Валиева не ездила: некогда было да и не тянуло. «Телевизор мне природу заменил»-это про неё прежнюю. Зато тут накаталась по самое горлышко!

По Днепру норды прошли мимо Любеча, оттуда до Речицы, сбросили первый заказ, нашли еще, повернули налево на Березину, по ней, минуя Бобруйск, поднялись до истоков, и вот тут пошло веселье.

На веслах против течения — не айс, но им помогал ветер, местные красоты и песни и рассказы Эйрин. Останавливались редко, чтобы только помыться в деревенских черных баньках, и то не всегда, свеженького чего из продуктов прихватить, поохотиться, благо, леса были первозданные! Отойди метров на десять вглубь прибрежных посадок: грибов — косой коси! Ирина за час набирала крепеньких боровичков, подосиновиков, лисичек, сыроежек и варила мужикам лапшу грибную, а большую часть нанизывала на нить и сушила у себя в закутке, прямо над головой. Бог миловал, ни один не сгнил, не попортился, мешок насушила.

Готовила дорогой в основном попаданка, мужики были на подхвате. Принимала она и помощь Ярика, оказавшегося сметливым, проворным и общительным пацаном. Он как-то поведал девушке историю своей жизни, обычную в это время и печальную — для неё.

— Я родился рабом, мамку мою степняки угнали, купил ее со мной в животе их темник, а потом продал пустынным. Мамка мало прожила, болела все, меня забрал брат хозяина, охранник во дворце. Там и жил... — спокойно, как о другом, рассказывал мальчишка, моя грибы. — Евнух главный хотел меня оскотить, да Исмаил ему морду набил и упротил принца взять меня к себе. Я к языкам склонность имею, вот так и стал толмачом при господине. Он и сам тогда молодым был.

— А сколько Аладдину? — поинтересовалась Эйрин.

— Сейчас 21, а тогда-16 стукнуло, гарем мог завести, но не стал. Он языки да науки любит, стихи хорошо пишет, звезды изучает, а еще любит на флейте играть.

Попаданка вспомнила: НАЙ/НЭЙ изготавливают из тростника, бамбука, бузины камыша, чайного дерева. Персидская или арабская флейта имеет 8 отверстий, узбекская — 6. Длина продольной флейты 55–60 сантиметров. Трубка узкая, диаметр не более 2 сантиметров. Звук извлекается путем вдвухания воздуха исполнителем через металлический подгубник. Диапазон звучания — полторы октавы от «до» первой до «соль диез» второй. Музыкальный инструмент имеет хроматический звукоряд, но при изменении угла подачи воздуха происходит полутоновое звучание. Ладовые отверстия не имеют стандартов для вырезания, у разных народов дырочки на дудке отличаются по размерам. Инструмент подходит для сольного исполнения и ансамблевого звучания. У некоторых народов на нэй

играют только мужчины (память у Ирина странно работала: тут помню-тут не помню. Единственное, что она запоминала раз и навсегда — это песни и музыку).

Ярик помолчал немного, потом продолжил:

— Господин хороший человек и воин тоже. Его не особо любят во дворце-он не рвется к власти, избегает конфликтов, с султаном в целом ладит. Мать его тоже умерла. Ему очень нравится, как вы поете! Красиво! Мне тоже. И он уже может говорить, только не считает нужным.

— Может, и правильно делает. Прямо 13 воин!

— Почему 13?

— Расскажу как-нибудь.

Лапшу Ирина накатала еще в трактире, подсушила там же и вот теперь использовала в дополнение к крупе. Если Эйвинд считал, они по нескольку дней не якорились, тогда в ход шли сухари, сало или копченое мясо с рыбой. Пить Ирина заставляла только кипяченую воду, запасая ее на стоянках в небольшие бочонки и кувшины. Пиво — только в деревнях и помалу, чтоб не расслабляться.

За время пути Ирина немного сблизилась с принцем, обмениваясь репликами и постепенно учась понимать друг друга, вязала свитер, играла на вуэле и пела, когда «усталые детишки» просили. Но в основном хозяйничала или спала: так дорога казалась легче. К сожалению, заниматься с Миколой почти не удавалось: парень периодически сидел на веслах, уставал и валялся спать как убитый.

А вот с Аладдином, благо, жили рядом, в когге, она музыкой баловалась. Сближение их произошло после одного редкого лагеря на берегу Березины.

Ирина перестала считать дни, поэтому не могла точно сказать, сколько они уже плыли. Накануне целый день и ночь шел дождь: мелкий, противный, ну хоть тепло было. Все равно-брр! Ребята махали веслами, принц медитировал, Ирина злилась.

Слава богу, следующий день стал жарким, ватага повеселела, и Густаффсон объявил остановку на песчаном побережье, редком в этих местах. Молодцы разделились, как обычно: кто — охотится, кто — по дрова, Ирина — к костру, готовить. Поели горячего, ребята бросились мыться, стираться, Ирина, перебив котелки, тоже поплескалась в вечернем сумраке: потерлась песком как скрабом, промыла немного голову, постирала одежду и вернулась к кострам, застав там веселье.

Дело в том, что Аладдин держался особняком, ни с кем в контакт не вступал, даже с Эйвом, но от помощи в делах не уклонялся, как и его охрана: те даже на весла садились иногда. А вот мыться со всеми не ходил: либо после всех, либо в сторонке, под присмотром бодигардов. Норды посмеивались, но молчали, а тут, видать, прорвало.

— Нежный у нас пассажир — завел шарманку Лейв Свенссон, шутник и язва. — Вот смекаю, а не девка ли переодетая, а? Эй, Ала, как тебя, принц! Ты стесняешься чего? И платок не снимешь? Ты не баба, часом?

Парни ржали, пустынный помолчал, да и выдал на нордском:

— Я-воин не хуже тебя, северянин! И я — мужчина! Платок называется куфия, и снимать его-нарушать запрет Аллаха! Ты лучше извинись или я вызову тебя на поединок!

Лейв обалдел, остальные тоже, а потом, как обычно, заржали конями.

— Смотри, немтырь заговорил, а мы думали — немой совсем!

— Я не немой! Я учил в дороге вашу речь! Жду извинений! — строго проговорил Аладдин, а Ирина не выдержала и ляпнула:

— Я ж говорила, 13 воин!

Народ оживился — какой такой 13 воин?

— Эйрин, кому говорила? О чем? Давай, расскажи!

«Вот язык мой-помело!» — посетовала Ирина, но начала рассказ — не отстанут:

— Однажды великий воин из северных земель, прославленный Беовульф, возвращался со своим хирдом домой. И пришла к нему колдунья, и повелела пойти к местному королю, и помочь ему в борьбе с племенем Пожирателей трупов, держащим округу в страхе. Но победа будет за Беовульфом только в том случае, если с ним пойдет 13 воинов, и последним станет иноземец, пришлый, которого пошлют ему Боги Асгарда....

Ирина пересказывала сюжет голливудского блокбастера с Бандерасом, который не раз смотрела, невзирая на сказочность и излишнюю пафосность. Но Антонио скрашивал своей харизмой все шероховатости. Повествование в свете костров приобретало черты реальности, и ватага подбиралась все ближе к девушке, желая не пропустить ни слова.

Момент, когда Бандерас поразил рыжего викинга познаниями в брани на их языке, был встречен громовым хохотом и указаниями пальцами на Лейва и принца.

Норд тоже ухмыльнулся, встал и поклоном извинился перед принцем. Конфликт был исчерпан, а под ночным небом рекой текла история о подвиге 13 воинов, изгнании нелюдей и славной гибели Беофульфа.

Окончание рассказа ознаменовалось всхлипываниями Ярика и предложением Эйрика почтить память славного воина пивом.

— Ярик, ты почему плачешь? — спросила Эйрин юного раба. — Птичку жалко? — не смогла не поддеть.

— Какую птичку? — не понял малец, естественно. — Мне главного воина жалкооооо! И товарищей его! Их же всего трое осталось! И эта ведьма, уууу! — погрозил кулачком невидимой врагине парень. — Зато Ахмед стал настоящим мужчиной! Мой господин такой же! — гордо закончил Ярик.

Норды обсуждали историю, а Эйрин вдруг поймала себя на мысли, что совсем не беспокоится о тайне своего перерождения. За все время ей никто, кроме ротмистра, не дал понять, что сомневается в ней или подозревает. Норды, да и Микола, приняли ее без вопросов — даже если они у них и были.

«Странно, но пусть так и остается. Если их моя необычность не напрягает, то мне-то чего загоняться?» — решила попаданка и пошла спать.

Часть вторая Глава 8

После той ночи Аладдин начал наигрывать по вечерам на флейте. Иногда это было «в кассу», под настроение, а иногда его ребята обрывали. Араб (ну, допустим) не обижался. И однажды Ирина напела ему «Одинокого пастуха» и «Парящего кондора», потом вальс Свиридова из «Метели» и Доги из «Мой ласковый и нежный зверь».

В исполнении флейты звучание было не так поразительно, как в оркестровке, но слушателям понравилось. Потом они начали подбирать аккомпанемент к некоторым ее песням или Ирина напевала мелодии без слов, типа «Yesterday» или «La vie en rose», саундтреки к французским комедиям, советским фильмам. Что вспоминала и что могло подойти флейте. Неплохо получалось, кстати.

В постоянном движении, с некоторыми мелкими проблемами они дошли до Борисова, немного отдохнули, посетили баню, нормально выспались и, помолясь, пустились в самый трудный и опасный участок пути между истоками Березины, воды которой им предстояло покинуть, и Вилии, который надо было найти в паутине лесных болот и протоков.

Эту часть Ирина вспоминать не любила, потому что все время, пока они наобум крались по мрачной болотистой безлюдной местности, она БОЯЛАСЬ. Да, вот так, большими буквами.

Еще и солнце, по которому явно ориентировался Эйвинд, периодически пряталось за редкие темные тучи, проливавшиеся мелким настырным дождиком на их бедовые головы.

«Нас точно черти водят или леший испытывает»- маялась опасениями Ирина, пока не плюнула и не попросила капитана остановиться на более-менее сухом месте.

— Что ты хочешь сделать, Эйрин? — устало спросил ее Густафссон.

«А он тоже тревожится. И парни молчат задумчиво. Эй, хуже не будет!» — махнула про себя рукой попаданка.

— Лешему мы не поклонились и дар не дали, вот он нас и крутит. И болотнику тоже! — выпалила Ирина. — Я сама пойду, вы сидите. Эйв, хуже не будет, я так думаю.

Видя решимость девушки, вождь нордов дал отмашку, и на берег протоки гребцы бросили широкую доску, по которой девушка на трясущихся ногах спустилась и, отойдя метров пять(дальше побоялась), положила на ближний куст черники в чистой тряпочке кусок хлеба, сало, мясо, несколько пряников и малый кувшинчик меда. Не веря сама себе, поклонилась и прошептала:

— Батюшка леший, хозяин леса, прими, не побрезгуй! И ты, господин Болотник-Водяной, составь ему компанию! Откушайте да выполните просьбу мою: выпустите нас к воде большой, к Вилии, мы уйдем и дадим вам покой и тишину. Простите, если что не так!

Она еще раз поклонилась и вернулась на когг.

— И что теперь? — шепотом спросил ее Ярик.

— Честно, не знаю. Но очень надеюсь, что скоро мы отсюда выберемся.

Хотите верьте, хотите нет, но ночью со стороны куста слышался хруст-шлеп, утром куст был пуст, а солнце выглянуло, и Эйвинд вспомнил, что до поворота к нужном им протоке они не дошли сотни три ярдов. Бодро и весело кораблики двинулись, и уже к вечеру люди поняли, что идут по искомой реке. Ирина выдохнула с облегчением, а уважение к ней, похоже, поднялось еще на один пункт. Но вопросов не было, к счастью.

Про дары лешему и болотнику она читала в книжках про попаданок и слышала в шуточной форме от Сереги (кладёзь информации), когда они порой блукали в лесу у самой деревни. Тогда он поминал обычай умасливать лешего. «Лишним не будет» — говорил материалист-физик и оставлял под деревом не съеденное в походе яйцо, хлеб или оставшиеся в пачке сигареты. Всерьёз заблудиться они не умудрились ни разу.

Небольшая речушка вынесла их к поселению, где, утомленные плутаньем по лесам и болотам, водоплаватели решили отдохнуть, а Ирина получила культурный шок.

Деревенька встречала их как диво-дивное, полным составом высыпав на берег. Во главе толпы баб и ребятишек, опираясь на клюку, стоял древний дед и спокойно, с достоинством наблюдал, как светловолосые гости бросили у берега якорь, попрыгали гурьбой в воду и вышли на берег.

Густафссон поклонился и попросил разрешения переночевать в деревне. Дед молчал, бабы переглядывались, детишки жались к матерям, но носики высовывали с интересом. Страх не было, непонимание речей присутствовало. Так и стояли — куча уставших молодых мужиков и женская сборная во главе с престарелым тренером.

Пауза затягивалась, напряжение росло, когда дед-таки заговорил, с трудом подбирая слова.

— Никого не трогать. Спать там — жест в сторону нескольких скирд сена на краю деревни. — Есть — сами.

«Силен старик — с уважением подумала Ирина. — Так держаться... А мужики-то где?»

— Согласен — в тон деду ответил Эйвинд, и ватага двинулась к стогам разбивать лагерь.

Разворошив сено, устроили общие лёжки, развели костры, начали готовить из того, что было. К Ирине подошла пожилая женщина небольшого роста. С интересом оглядев одежду и причёску гостьи, что-то проговорила.

— Не понимаю — сказала Ирина.

Женщина, не смутившись, жестами позвала за собой. С Эйрин увязался Ярик, на что бабка только улыбнулась. Пришли к небольшому домику под внимательными взглядами местных. Агрессии не было, немного не по себе — было. Гостья увидела окна без стекол, ставни, соломенную крышу без трубы, колодец деревянный, грядки за плетнем.

«Небогато. Зачем позвала?»

Бабка вынесла жбан кваса, несколько кабачков, корзину яблок и что-то долго говорила, всматриваясь в лицо девушки. Эйрин стояла и слушала, не понимая ни слова. Выговорившись, бабка что-то прокричала соседкам и сделала жест, мол, ступай. Ну, как скажете.

Стемнело быстро, команда улеглась, а Ирина все недоумевала, что такое ей вещала женщина. Так ничего и не решив, уснула.

А поутру они проснулись, и понеслась душа в рай. Сначала пришел старик, долго о чем-то шептался с Эйвиндом, после чего с когга были доставлены: три топора, три серпа, косалитовка (вот и пойми, что за век, если такие косы упоминаются с 16 века, но распространение получили позже?), рулон хорошей льняной ткани и мешочек с солью.

Дед довольно принял подношение, после чего подскочили бабы с узлами. Вниманию командира были предложены шкурки белок, зайцев, бобров и выдр, парочка лисьих и одна-

седого волка. Все-качественные, Ирина кое-что в этом понимала.

А дед проговорил:

— Мужики ушли давно в город, нет помощи. Они — кивок на баб — сами зверя бьют.

Отдадим это и больше, если поможете.

— Чем?

— Колодец выкопать, дров из лесу принести, пару крыш поправить. Два дня будем кормить, на охоту отведем. Договорились?

Эйвинд посмотрел на ребят, перевел. Те загудели одобрительно, а Ирина мысленно закатила глаза.

«Ага, как же... Колодец копать... На бабах, натурой отдадут. Ишь, глазками зыркают обе заинтересованные стороны — съехидничала попаданка, а потом одернула себя. — Эй, мать, ты чего? Завидуешь, что ли? Да пусть парни оттянутся, коли дамы не против! Поднимем рождаемость в отдельно взятом регионе! Даешь по норду в каждой избе! Лишь бы заразу не подхватили..».

Мысли девушки, видимо, отразились на ее лице, потому что заметившие это парни быстренько развернулись, а Эйвинд усмехнулся и тоже куда-то пошел. Белой вороной за ним потянулся принц.

А к Эйрин подошла с явной претензией во всем теле пышная молодка и начала что-то скороговоркой тарыхтеть.

— Господи, только бабьих разборок мне не хватало — закатила Валиева глаза и рывкнула. — А ну пошла отседова, Клеопатра местная! Да трахайтесь, сколько хотите! От меня не убудет! Тьфу! — плюнула под ноги и пошла к берегу, где ее поднял на борт Орм.

Северяне проявили трудовой энтузиазм, вечером на ужин был зажаренный на вертеле кабанчик, для принца и его телохранителей Ирина выпросила две курицы у той бабки: специально ходила и не задаром — в обмен на пару иголок, коим пожилая женщина крайне обрадовалась. Героиня вдохновилась, принесла еще небольшую катушку (на тонкой палочке намотка) и ножницы, за что получила от неё и ее товарки (такой же старушки) сотню яиц (навскидку, в корзине) и корзинку огурцов. Раскланявшись, жестами объяснила, что яйца бы сварить. Поняли, и через два часа довольная путешественница погрузила на корабль добычу.

У костра северян царило веселье и витал дух авантюризма. Дед и бабы прибыли не с пустыми руками: пироги, квас, первач (по запаху), зелень были выставлены у каждого кружка (по интересам, надо понимать). Чокнулись, выпили, поели... Минут через тридцать бабы поднялись и начались танцы с бубном в прямом смысле: одна задавала ритм, остальные запели хором, на разные голоса, но профи в лице иномирянки признал: достойно.

За одной песней пошла другая, типа хоровода: бабы и девки собрались в круг, походили туда-сюда, а потом начали ускорять мелодию и вытаскивать в круг по одному парней. Те смеялись, но не сопротивлялись. Удивительно — дед не возражал! На всех мужиков дам-с не хватило, но иномирная туристка заметила, что никого это не остановило, поскольку вскоре у костра остались дед, она, Эйрик, капитан, Ярик и принц, которого девушка отстояла, упав грудью на амбразуру, то есть, на Дина. Миколы не наблюдалось. «И этот захотел большой и чистой любви... на сеновале» — отметила сестра Торвальдссон.

Нацелившаяся на необычного пришельца молодка, увидев маневр странной девки, дернула презрительно плечом и удалилась, демонстративно виляя задом. Эйрик прыснул в кулак, Эйвинд отвернулся, Ярик и принц смутились.

Дед пробормотал:

— Бершка хорошая, зря отказался. Дети красивые были бы.

Бедный Аладдин покраснел даже в свете костра, а Ирина прошептала ему на ухо:

— Дин, я видела, что тебе неприятно, поэтому...

— Я благодарен и ничего не думаю — ответил принц, а капитан покривил губами в попытке не смеяться.

— И хоть дед прав, негоже разбрасываться царственным генофондом! — заметила вполголоса иномирянка, а мужчины посмотрели на неё с любопытством.

Ночь флэшмоба любви продолжалась — к радости ее участников, а чужие на этом празднике жизни начальники тихо отползли спать.

«И ничего мне не завидно! Почему Эйвинд отказался, интересно?»- подумала Валиева перед тем, как заснуть. И снились ей весьма странные сны с участием толпы мужиков, которым она строила глазки, призывно хохотала и убегала по широкому полю, думая, а не слишком ли она быстро бежит...

«Присниться же такое непотребство в моем возрасте...»- сетовала на утро Ирина на выверты подсознания.

PS/ не стесняемся ставить звездочки, если нравится)))

Часть вторая Глава 9

Как бы то ни было, посильную помощь северяне местным жрицам любви оказали: и по делу, и по телу. Расставались явно довольные друг другом, что выразилось не только в слезах провожающих, но и в дополнительной паре мешков отличной мягкой рухляди, еще одной корзины с отварными яйцами (куриными, разумеется), двумя жбанами кваса и первача (?), зажаренными окороками оленя, пойманного нордами и приготовленного местными красавицами, пока уставшие, но довольные, как слоны, мужики несколько часов, по очереди, парились в бане.

Ирина в баню не пошла, а пошла к знакомой бабке, взяв с собой принца и Ярика. В качестве мзды выделила бабкам-соседкам по куску чудом сохранившегося мыла, что позволило нагреть воды и вымыться на заднем дворе всем троим.

Женщины долго рассматривали подарок, пробовали, переговаривались и — накормили пришельцев блинами или оладьями с козьим молоком. Принц пил с удовольствием, к удивлению попаданки.

— А пух у вас есть? — внезапно пришла ей в голову мысль.

После некоторой пантомимы запрашиваемое было вынесено и вручено со всем почтением, причем, в виде довольно тонкой пряжи. Ирина в восторге обняла бабок, а принц наколот дров.

Когда корабли покинули гостеприимную деревню, Ира дала волю чувствам: начала неприлично ржать, поскольку наблюдать за стенаниями селянок и смущением парней было так уморительно, а сдерживаться — так сложно...

— И что ты смеешься? — сконфуженный ее реакцией, пробормотал Микола, пересевший в когг.

— Да ...Сейчас спою и ты поймешь!

Как-то шел сатана, сатана скучал, Он к солдатке одной постучал. Говорит, я тебе слова не скажу, Говорит, просто так посижу,

Голос певицы был слышен и на идущих в фарватере драккарах, благо, кроме птиц, ветерка да плеска волн о борта ничто не мешало. Про Махно пропустила, конечно.

Песня закончилась, и над рекой грохнул гогот довольных мужиков. Эйрик утер слезы, Аладдин опустил голову — плечи его подрагивали.

— Теперь понятно? — выразительно спросила Ира. Микола улыбался.

— Ладно, я не Господь бог, чтобы судить. Но смотрите у меня-погрозила она кулаком гребцам, чем вызвала новый взрыв смеха.

— Кобели... — громко протянула Ирина. — Как есть кобели!

Вилия, а пока еще Вилюйка — узкая, мелкая, быстрая, извилистая как буква «Зю» — несла на себе нордов к Холодному морю. Ветерок помогал, весла опускались в воду редко, и настроение у путешественников было приподнятым. Сильных дождей они избегали, но осень уже вступала в свои права: день заметно сократился, ночи холодели, а конца пути все не было.

Благодаря относительно спокойному плаванию Ирина довязала свитер, что очень помогало комфортно переживать ночную сырость. Принц достал бурку, парни почти не

раздевались, еще и жилеты натягивали.

Многочисленные притоки повышали уровень и ширину реки, попадалось все больше населенных пунктов, и ватаге удавалось сбывать весьма выгодно инструменты в обмен на шкурки, олени рога, дикий мед, даже кедровые орехи! Продукты добывались или обменивались на редкие специи, соль, ткани — это хорошо шло в деревнях и селах. В городах (их было мало) наоборот, сбывали шкурки и ювелирку: местным модницам пришлось по вкусу изделия южных умельцев.

Ирина поражалась, насколько предприимчивым и деловым оказался капитан: торговался он азартно, откровенно завышал цену, но нисколько не стыдился. Впрочем, не обманешь — не продашь.

Когда на горизонте показался новый город, Ирина поинтересовалась:

— Далеко нам еще?

Густафссон посмотрел на неё:

— Устала? Это Вильна, здесь передохнем дня три, дальше будет проще. Неделю, чуть больше, по Нейману, и мы у берегов моря.

— Вильна? Вильнюс? Обалдеть! — вскричала иномирянка. — Потом Каунас, да?

— Не знаю, что ты имеешь ввиду, но примерно так — Кауна. Довольно большой и красивый город с замком, храмами и молчаливыми жителями. Они не очень жалуют гостей, хотя вынужденно терпят...

— У них это семейное, видать — под нос пробормотала Ира, но норд услышал, но комментировать не стал, как обычно.

— Эйв, а дойдя до моря, мы сразу отправимся в столицу вашу? — задала тревожащий ее вопрос попаданка.

Густафссон долго молчал, а потом сказал:

— Мы с твоим отцом решили не брать тебя на сход.

Густафссон долго молчал, попаданка уже не надеялась на ответ. Мужчина смотрел на воду, на прибрежные поля, леса, видимо, на что-то решался. Потом открыл рот и поведал весьма занимательные и, как оказалось, личные вещи. Начал издалека.

— Ты... Думаю, ты мало что знаешь о мире за пределами места, где жила раньше, я прав? Тогда слушай.

На нашем континенте есть несколько стран. Прежде они много воевали, отнимая и теряя земли, людей, богатства, пока не определились с победителями, проигравшими и границами. Во время этих стычек предки нордманов, благодаря островному положению, пользовались моментом и грабили южное побережье Холодного моря, накапливая золото, оттачивая воинские навыки и мореходные способности, а еще захватывая и удерживая куски земли в разных частях материка как силой, так и посредством политических союзов-браков. Постепенно от грабежей норды перешли к наемничеству, и теперь больше половины состава моряков и солдат во Фризии, Бриттании, герцогстве Лях-Поляцком и даже в Генуэзии-северяне. Конунги клана Эрмандов, к которым относится и нынешний Хакон Мудрый, не лезут открыто в дела соседей, но... — Эйвинд сделал многозначительную паузу и бросил взгляд на Эйрин. Та кивнула, мол, догадываюсь.

— Так вот, один из принципов, по которым живет наш народ — не сражаться друг против друга, если это не личные или разборки кланов, понимаешь? Наемники всегда оговаривают этот момент в договорах. Сначала короли не поняли тонкости, а потом стало поздно: норды отказывались убивать друг друга, местных же в армиях набиралось гораздо

меньше.

Власти вынуждены были переключиться с внутренних завоеваний на внешние, и опять мореходы-норды оказались востребованы. У всех государств теперь есть заморские земли, откуда они на кораблях привозят богатства или отправляют туда лишних людей, благодаря чему обстановка на континенте стабилизировалась. Есть еще один момент: все наемники-северяне и их работодатели отдают конунгу 10ю часть своих доходов, что пополняет казну Хакона и обеспечивает семьи наемников вне зависимости от их жалования.

Эйвинд помолчал и вернулся к рассказу.

— У Нордии есть несколько прибрежных...заморских — для нас — земель. Например, во Фризии это Нормандия и полуостров Ютланд-Дана, в Бриттании- Ислендингар, в Лях Поляции — Куршское княжество, по чьим водам мы сейчас плывем. Конунги, несмотря на удаленность этих земель, прочно удерживают там власть по нескольким причинам, я думаю.

Во-первых, в основном местные народы малочисленны, говорят на своем языке и исповедуют древнюю веру, что отличает их от большей части населения континентальных стран, давно принявших единого бога. Власти такие народцы притесняли, а конунгу все равно, тем более, что норды — язычники, как называют нас ваши монахи.

Во-вторых, управляются земли самостоятельно, по своим законам и обычаям, чему опять же не противится Нордия. Для конунгов главное, чтобы платились налоги, поставлялись продукты (у нас мало плодородных земель, да и мужчины больше за границей пребывают) и не было волнений и недовольства.

В каждой части заморских территорий имеется наблюдатель, контролирующий местных, но не влезаящий в повседневные дела, так сказать. Наместники меняются каждые пять лет или если вдруг в рикстаг поступает жалоба на них, и она оказывается правдивой. Ну, понимаешь условия сосуществования?

Ирина кивком подтвердила: прям автономия и самоопределение вплоть до отделения. Впрочем, это вряд ли...

— Дальше. Куршское княжество вошло в союз с нордами последним и по своей воле, что весьма не понравилось герцогу-соседу. Он что-то там попытался... — Эйвинд поводит рукой кругами. — Но ничего так и не смог добиться, а курши, ятгавы, жмудь и лауты/литы вполне так влились в состав Нордии. Не могу сказать, что они счастливы, но притерпелись, работают, даже женятся с нашими...

Эйвинд повернулся лицом к собеседнице, и она сжалась внутри: что-то серьезное ей скажут, точно.

— Я — следствие одного такого брака. Вернее — связи. Моя мать, сестра нынешнего князя куршей, желала стать женой конунга, уговорила брата нанести ему визит и умудрилась забеременеть. Но! Хакон Мудрый уже был женат, вернее, он уже выбрал вторую жену, поэтому княжну выпроводили на родину, где она и родила меня. Конунг признал сына, а вот маменька — нет. Дядя рассказывал, что она долго злилась, срываясь на мне, пока однажды не исчезла из дома. Куда или с кем она сбежала, князь выяснять не стал, видимо, надоела ему сестра. Осталась от неё только измененная фамилия Густавис-Густафссон...

Меня сначала воспитывала кормилица — жена Эйрика, кстати... Их ребенок умер сразу после родов, а она меня выкормила, подняла до четырех лет и тоже умерла во время вторых родов. Эйрик заменил мне отца и мать, но сам держится как подчиненный...

Капитан опять уставился на воду.

— В шесть лет Эйрик и князь отвезли меня в Стокгольму, конунг признал сыном и там,

в его доме, я прожил шесть лет, пока сводные братья не довели до крупного скандала, что редкость в кланах нордов. Признанные дети равны с законными, а самому старшему, Торвуду, это не нравилось, вот он и изводил меня и Кнута придирками, насмешками, драками, выставя неумехами, глупцами, неженками перед отцом, пока... — сглотнул Эйв, — не отравил... Я выжил, а вот Кнут... Торвуда конунг сослал на самый север, а меня вернул дяде.

Эйрик остался со мной здесь. Вместе с ним приехали и большинство парней моей будущей команды, они, в основном, либо сироты, либо бастарды, как и я. Дядя выделил нам кусок побережья с тремя деревеньками и не вмешивается в мою жизнь без нужды.

Первый раз я вышел в море в 14, по реке прошел в 16. Так и живу: зимой — в Рийге или Клайпи, летом сопровождаю грузы или русов, или — реже- ляхов и фризов.

— Почему чаще у русов? — поинтересовалась девушка.

— С ними проще. Они. Чем-то похожи на нордов-открытые, смешливые, терпимые к другим, пью хорошо и дерутся-тоже. — Густафссон рассмеялся. — Держат слово, в большинстве, всегда помогают, ну, ругаются забористо! А эти, ляхи особенно, слишком о себе высокого мнения, сами работать не любят, а учить других-запросто. Фризы умеют хорошо говорить, пить, но и обмануть норовят, так что...

— Почему ты не ходишь по морю, предпочитая реки?

Северянин задумался, потом посмотрел на Эйрин:

— И больше тебя ничего не заинтересовало в моем рассказе?

Валиева удивилась:

— А что должно было? Если ты имеешь в виду твое происхождение... Эйвинд, да ладно? Тебя это волнует? Ты же взрослый мужик, состоявшийся, уважаемый кормчий и страдаешь по такой ерунде? Пфф... Насмешил, ей-богу! Есть такой анекдот. Падает кирпич с крыши и думает: «Жаль, погода нелетная, хотя-лишь бы человек хороший попался». Понимаешь? Ты — хороший человек, правильный! Остальное — такие мелочи, господа!

Слава попаданки были подобны бомбе: у кормчего распахнулись глаза, и он онемел на несколько секунд, а потом тихо рассмеялся и мягко произнес:

— Это была шутка, про кирпич? А прочее — ты правда так думаешь?

— Конечно, маэстро! И не задавай больше глупых вопросов! Лучше ответь — ты не любишь море?

— Не то, чтобы не люблю...Его слишком много для меня и оно меня — мужчина подбирал слова — подавляет... Я...чувствую ветер, дождь, похолодание и потепление, воду под землей иногда, рыбу в воде, нужное направление. Гудрун-вельва называет это даром Одина. А в море я теряюсь, будучи оглушен его мощью и размерами, понимаешь? Начинает болеть голова, ныть сердце, охватывает вялость... На коротких расстояниях и вдоль берега еще нормально, а вот дальше...-капитан опустил глаза, явно ему было неудобно.

Ирине стало его немного жаль — переживает, бедный!

— Эйвинд, ты — уникал, то есть, единственный и неповторимый, этим надо гордиться, а не комплек...короче, переживать мнимое несовершенство! Я вот вообще море не видела и заранее боюсь утонуть! Капитан, капитан, улыбнитесь... — пропела она с нежностью.

— Спасибо, Эйрин! — широко улыбнулся Эйв...

Тут их беседу прервал Эйрик.

— Молодежь, скоро Вильна. Где остановимся, капитан, в поселении у Магнуса или?

— У Магнуса, он найдет нам заказ до Кауны...

Мужчины начали обсуждать возможный заказ, а Эйрин поймала себя на мысли, что не получила ясности относительно своего дальнейшего места проживания.

Вильна встретила путешественников запахом гари, черными остовами бывших домов и пустыми улицами. Зрелище удручало.

— Что здесь случилось? — задавали друг другу вопросы водоходы.

Ни о каком ночлеге и речи быть не могло, поэтому Эйвинд принял решение двигаться дальше, заодно возможно, ниже по течению они выяснят, что случилось, вернее, как: то, что город фактически полностью выгорел, было ясно.

Да, Вильна выгорела... Оставшиеся в живых утверждали, что виноваты норды, устроившие пьянку и драку в гостинице своего земляка Магнуса, который и погиб в том пожаре. Так ли было дело, точно узнать не удалось. В такой обстановке проситься на постой капитан не решился, и драккары ускорились, дабы быстрее оказаться в Кауне, столице княжества.

С пристани Густафссон с Эйриком помчались в замок князя, а парни остались ждать — без капитана искать место отдыха не желали. Туристка в компании Аладдина прошлась по близлежащим улочкам, издала полюбовалась княжеским замком и вернулась как раз к возвращению ходоков.

Туристическое отступление

Каунасский или Ковенский замок — это возведенное из красного кирпича в стратегически важном месте рядом с рекой сооружение выполняло задачу обороны города от Тевтонского ордена. Ранее имелись по периметру башни, стены, ров, насыпи, фундамент и огневой бастион, но к современности (Ириной) осталась лишь треть.

Костел Святого Георгия находится рядом с замком и монастырем бернардинцев. Один из самых старых костелов Каунаса был возведен из красного кирпича вместо деревянного храма. Его более чем 30-летнее строительство, завершилось в 1503 году. Костел не раз страдал от пожаров, подвергался разрушениям и использовался в качестве склада — как во время нашествия войск Наполеона, так и в советский период. Ныне это величественное здание возвращено монахам. В интерьере костела преобладают черты готики, но ренессанс и барокко также нашли свое отражение. Деревянные алтари, иконы и галереи XVIII века здесь хорошо сохранились до XXI в.

Интересен католический храм Святых Петра и Павла, строительство которого началось в 1413 году по инициативе великого князя Витаутаса и продолжалось больше 240 лет. Результатом многочисленных перестроек здания стал его причудливый облик, в котором сочетаются барокко, готика и ренессанс. Сегодня храм является действующим кафедральным собором римско-католической церкви. В его помещениях хорошо сохранилось внутреннее убранство XVII века, алтарь XVIII века и росписи, сделанные литовскими художниками. Он является одним из крупнейших соборов Литвы и расположен в пешеходной зоне исторического центра города.

Пажайслисский монастырь — крупнейший в Литве, построен в XVII веке. Архитектурный ансамбль, возведенный в стиле итальянского барокко, не подвергался серьезным перестройкам и реконструкциям, считается одним из лучших образцов зрелого барокко в Восточной и Северной Европе. Монастырь действующий, в здании хорошо сохранились сотни старинных фресок XVII столетия, созданных итальянскими мастерами.

Уцелели и оригинальные декоративные элементы: лепнина, резьба по дереву, статуи, скульптуры и живописные полотна.

Ратушная площадь в Каунаса располагается в окружении старинных зданий. Доминантой этого архитектурного ансамбля является городская Ратуша, строительство которой относят к 1542 году. Магдебургское право, предполагающее возможность иметь местное самоуправление, Каунасу было предоставлено в начале XV века. Именно в Ратуше размещались органы власти того времени — магистрат, суд, архив, канцелярия и казна. Это одна из самых высоких построек Старого города: ее высота с колокольной составляет 53 метра. В облике Ратуши, которую не раз перестраивали, прослеживается влияние раннего классицизма, готики и барокко. Здание со стройной башней, окрашенное в цвет слоновой кости, горожане образно называют «Белым лебедем» *(справка предельно короткая, данные из открытых источников, сиречь, интернета)*

Из рассказа отца (кормчий задумчиво отмалчивался) стало понятно, что ничего не понятно, но князь послал кого-то поискать концы. Ясно одно: город горел с нескольких сторон сразу, было жарко, огонь распространился в считанные минуты. А про Магнуса сплетню пустили проезжие чужестранцы, с которыми и случилась драка из-за местной красоты. Скандал на копейку, а результат-на рубль...

Заселились в постоялый двор неподалеку, все были немного встревоженные и сплетнями, и напряженностью, исходящей от командира и-безусловно-близостью дома.

Эйрин ни во что не встревала, ходила по пятам за Эйриком по рынку, лавкам, в порту же помогала считать товар, скупаемый знакомыми купцами прямо с борта. Задерживаться после всех довольно выгодных распродаж парни не хотели и уже через два дня они шли вдоль берега Куршского залива в сторону Клайпи (Клайпеды), от которой до дома основной части команды было версты три пешком.

Часть вторая Глава 11

— Ну, вот мы и дома! — радостно загалдели северяне, когда показалась родная пристань около небольшого, но оживленного городка, вернее, большой деревни.

— О, смотрите, это же Хельмут Старый и его ребята! — воскликнул самый молодой и глазастый Йенс Рассмуссен.

— Подойдем ближе, спросим — спокойно ответил Эйвинд и переглянулся с Торвальдссоном. — Орм, на тебе очистка трюма и отвод в доки. Я отведу принца и Эйрин к Гудрун и вернусь. Эйрик, расчет вечером.

Чувствуя себя немного неуверенно, попаданка с иноземцами пошла за быстро уходящим в сторону и вглубь побережья Густафссоном. Арабы молчали, девушка тоже.

Минут через пятнадцать они подошли к кромке леса, вдоль которой выстроились пяток деревянных приземистых домиков с толстыми соломенными крышами, на двух из которых разместились огромные гнезда аистов. Домики имели по два-четыре окна с округлыми стеклами, территорией между ними, делимой плетнями, и дымоходами, над которыми курился дымок. Никто не вышел им навстречу, но Валиева ощущала чужие взгляды.

Вдруг дверь крайнего дома распахнулась и из неё вышла высокая худая старая женщина в домотканной юбке, блузе с вышивкой и полотенцем в руках.

— Гудрун, старая треска, мы вернулись — ласково обратился к женщине Эйвинд и шагнул навстречу.

— Мальчишка, ты чего так задержался, я уже неделю жду, головастик бесстыжий! — низким голосом ответила женщина и протянула капитану обе руки. — Баню топлю каждый день, ты должен мне дров заготовить на зиму!

«Вельва... Это как ведьма или знахарка, да?» — думала Ирина, наблюдая как общаются знакомые.

— С тобой гости издалека, вижу. Проходите в дом, сначала баня, потом еда и разговоры, — окинув строгим взглядом пришедших, Гудрун первой вошла в открытую дверь.

— Пойдемте, Гудрун с виду суровая, но она мудрая и добрая, — с улыбкой напутствовал капитан и гости по очереди зашли в жилище.

«Похоже на дом Вреи — отметила обстановку и порядок прищелица, когда оказалась внутри: длинный стол, лавки, печь (только меньше размером, без полатей, но с плитой), пристолье с деревянным тазом и бочкой под ним (руки мыть?), у печи — рабочее место, полка с посудой, бревенчатая перегородка, за ней видна еще комната. Сени, что они миновали, уходили вглубь и оттуда доносилось квохтанье кур — хозяйственный двор. Больше Валиева не успела рассмотреть, потому что Гудрун начала командовать.

— Так, мужики, в баню! Там уже все готово. Одежу оставите, потом постираю. Ветерок, иди уже, как не хозяин. — Она вытолкала присмиривших мужчин и Ярика за дверь, а сама повернулась к Ирине и сказала:

— Здравствуй, иноземка. Садись, выпей горячий взвар на травах, мы с тобой позже помыться сходим. Пока вымой руки и помоги собрать на стол.

Валиева подчинилась. Пока мужики мылись, женщины собрали на стол запечённого гуся с яблоками, перловую кашу с морковью, луком, брюквой, жареными на гусином жире, густой, как желе, овсяный кисель, тушеную в сметане с луком свеклу, кровяные колбаски, ягодный морс, пиво, медовуху. Хлеб свежий, с запахом тмина, молоденькие огурцы, зеленый

лук, укроп. От вида блюд Ирина растерялась: кроме гуся, перловки и огурцов ей не глянулось ничего, разве что ароматный и мягкий хлеб.

Гудрун заметила выражение лица гостыи:

— Что, не по нраву? Где же ты раньше жила, иноземка? Тебя там соловьиными языками кормили, что ль? — поддела старуха (хотя, примерно моего прошлого возраста, отметила попаданка).

«Ну вот, еще одна по мою душу столбовая дворянка...И что им от меня надо-то?» — начала заводиться Ирина, но сдержалась, прикинулась дурочкой и распахнув глаза, уставилась на хозяйку.

— А вы их пробовали? И сколько же птиц надо поймать, чтобы накормить их языками кого-то? Они же маленькие и поют красиво...

— Ишь, вывернулась! — пробурчала вельва. — Так откуда будешь, дева?

«Опять двадцать пять! Пожрать бы да помыться...»

— Оттуда, где гостя прежде в баню ведут, потом кормят, спать укладывают, и только отдохнувшего с дальней дороги душой и телом пытаться расспросами начинают. У вас не так? — теперь уже она поддела старуху.

Гудрун залилась каркающим смехом, вытерла слезы и сказала, прям как Любава:

— Молодец, не сробела передо мной. Ты права, будет еще время для разговора, нам с тобой не один год рядом жить.

Ира оторопела.

— Почему? Ну, раз Ветерок тебя сюда привел, значит, любя ты ему или приятна для начала. Да и Эйрик невесть кого в род не взял бы. Не мельтеши думками, руны я бросала, они и сказали, что вернуться парни до штормов, с чужестранцами, с одними снова уйдут, с одним мне оставаться как с родней новой. Вот оно и выходит, что про тебя, а те чернявые уйдут. Ладно, вертаются. Тебе тоже обмыться надо, ходи за мной.

«Все страньше и страньше... Вот и не верь в экстрасенсов, Ирина Михайловна...»

Позже за столом девушка очень жалела Аладдина, с опаской выбиравшего блюда. Гудрун, слава богу, больше не язвила, вполголоса разговаривала с Эйвиндом, не обращая внимания на гостей, поэтому Эйрин наложила принцу «кошерные» кушанья, коротко рассказала, из чего, и поела сама. На вкус — съедобно, просто необычно. Хлеб был выше всяческих похвал, а если бы его еще со сливочным маслом да со сладким чаем, ммм...Язык бы проглотила.

Насытившихся путников Гудрун распределила по разным комнатам, коих оказалось несколько, и все-в разных местах. Пустынники отправились в дальнюю постройку во дворе, Ирина — в левое от двери помещение, а припозднившийся Эйрик и вернувшийся Эйвинд — во вторую от кухни комнату. В первой за занавеской спала Гудрун.

Лежа в отдельной светелке, на ровном полутвердом матрасе, на такой же подушке, накрытой чистым холстом, под похожим на плед одеялом, не испытывая качки, не слыша храпа парней и кваканья лягушек, в одной длинной рубахе на голое тело, с промытыми распущенными волосами, иномирянка смогла только привычно подумать «Хорошо-то как, Машенька! — Да я не Ма...», как ее подхватил на руки Морфей-усыпальник.

В это время в дальней комнате на заднем дворе

— Господин, вы как? — тревожился Ярик. — Странная еда, спасибо госпоже, выбрала правильно.

— Господин, что дальше? — подал голос один из телохранителей.

Аладдин Али-Абу ибн-Рашид лежал на относительно нормальной постели за последние три месяца и не желал ни отвечать, ни думать. Он смертельно устал! И уже сожалел, что так необдуманно попался на уловку четвертого брата и потащился на край света. Зачем? Но принц молчал, обрывая недостойные сына халифа мысли даже внутри себя.

— Исмаил, Ярик, давайте спать. Мы почти у цели. Как говорит Эйрин, утро вечера мудреннее.

Слуги вздохнули и выполнили приказ господина. Тихо здесь, спокойно. И правда, надо отдохнуть, когда еще им такое удастся...

В то же время в комнате за кухней в доме Гудрун-вельвы

— Эйвинд, отплыть надо через день, край... Хельмут рассказал, что конунг сначала созывал всех по поводу предложения Фризии и Бриттании отправиться с ними в Теплый и Южный океан искать дорогу в Страну слонов и рубинов, Синдху, или Джунго, страну фарфора и шелка, по морю, минуя степняков и халифат, в пику Генуэзии. Они предоставят корабли быстроходные, Нордия — рискованных моряков. Сыновья Локи! Боятся сами-то!

Эйрик устало откинулся к стене.

— Потом ригстаг поднял вопрос о наследнике, пригрозив Хакону голосовать, если он не назовет имя хотя бы претендента. Дальше-больше: сухопутные короли выразили надежду на брак одного из сыновей конунга с их принцессами, неважно кого с кем. Ригстаг заволновался, ярлы никак не договорятся, какому предложению отдать предпочтение. Торвуда-то вернули в столицу, представляешь?! Вроде исправился... Ага — протянул недоверчиво Эйрик. — Ну чего молчишь, Ветерок?

Эйвинд лежал на узкой кровати и дремал. Говорить не хотелось, хотя грудь ныла от тревожного предчувствия, что этот визит в Стокгольму не принесет ему ничего хорошего.

— Да, еще слышал, в Гдыне неделю гуляет Ланг Ульманссон, вроде как привез он принца издалека и тот его щедро наградил. И Норман хвастал недавно в столице, что обошел тебя и взял все заказы у русов, потому что он — лучший, а ты потерял хватку и вообще потонул в поляцких болотах, потому что удача отвернулась от тебя. Я так зол! — взревел рыжий воин. — Гудрун, что там твои руны сказали? — обратился он зычно к темноте.

— Что ты ревьешь, тюлень? Дочь свою разбудишь! — проворчала из кухни вельва, завозилась и прошлепала в спальню мужчин. — Много чего руны сказали, да не все могу открыть, знаешь же.

Высокая худая женщина присела на край постели капитана и, поглаживая его руку, проговорила:

— Ветерок, ты должен поехать к отцу, нет, к конунгу. Какой он отец? — вздохнула Гудрун. — Этот чужеземец ведь к нему направлялся? Зря он такой путь проделал, не в наших морях его судьба, в песчаных... Но с тобой он связан, и нельзя тебе его бросать, помни! Будь осторожен там, следи за всеми, не иди на поводу у тех, кто будет тебя подначивать. Терпи! Иначе вильнет судьба не в ту сторону, трудно будет вернуться. Запомнил? Хорошо. Рыжий, ты от него не отходи, как всегда делал, держи ухо востро. Девушку вашу здесь оставьте, нечего ей во дворце делать, за нас переживать не нужно, поняли?

Гудрун поднялась, и уже стоя у перегородки, как бы нехотя, добавила:

— Парня этого...тоже берегите...Если что — везите сюда, помогу...И, Ветерок... Никому ничего не обещай! Ни врагу, ни другу, и уж совсем — конунгу. Молчи, пусть думаю сами, что ты решил. Из твоих уст не должно вылететь ни слова. Эйрик! — погрозила

пальцем старшему и ушла.

Эйрик сжал кулак.

— Вот всегда она так: напустит туману, а толком и не скажет ничего!

Эйвинд улыбнулся одними губами, отвернулся к стене. Эйрик покряхтел и тоже утомился. В доме наступила тишина.

Гудрун молилась молча о своих мальчиках, залетном незнакомце, упустившем шанс конунге и просила Одина для них испытаний по плечу, не больше.

Часть вторая Глава 12

Парни отплыли через день, на одном когге, без сопровождения. Миколу Эйрик взял с собой. Остальным было сказано готовиться к зиме, помочь Гудрун и Эйрин и ждать вестей. За старшего в деревне остался Орм. О времени возвращения — ни слова.

И потекли дни привыкания к новому месту и жизни с незнакомыми людьми.

Гудрун была молчалива, аккуратна, требовательна, но первое время с разговорами не приставала, учила обращению с печью, водила с собой в лес, к морю — знакомила с соседями и окрестностями. У неё был устоявшийся распорядок: ранний подъём, уход за скотиной, готовка, прогулка по соседям или окрестностям, рукоделие, сон.

Ирина не сразу «врубилась», что говорят они с хозяйкой дома на уже привычном ей наречии юга, а когда услышала беседу Гудрун с молоденькой белесой девочкой из дома с другого края этого хутора(?), осознала.

— Гудрун (так велела называть ее хозяйка), вы знаете мой язык?

— Ой, а я ждала, когда же ты спросишь — отозвалась старуха. — Знаю немного, тут разные люди бывали, кого лечила, кто зиму переждал... Тебе надо учить язык нордов и местных куршей: ближние жемайты его тоже понимают.

«Учить иностранный? В моем возрасте? Каком? Ой, о чем я думаю! Надо-значит надо! Тогда записывать бы... Бумага, ручка. Есть?»- заметались мысли и Ирина обратилась к ведьме:

— Гудрун, мне бы тогда записывать надо, я ж не сразу запомнить смогу. Можно купить бумагу и — «что там раньше, перо?» — чернила?

Хозяйка прикрыла глаза и через минуту ответила:

— Орм должен пойти в Кауну, отвезти на продажу мед, сушеную ягоду, вяленую рыбу. Неважно. Накажешь ему, что нужно.

— У меня есть немного денег, и я могла бы... — начала было Ирина.

Старуха осадила ее:

— Когда нужно будет твое слово, я спрошу, не волнуйся. Раз говорю — слушай и исполняй.

Валиева просто пожала плечами. В прошлой жизни ей очень повезло со свекровью в обоих браках: в первом они жили далеко друг от друга, встречались крайне редко, во втором ее просто не было (умерла). Так что унижений или неприятия со стороны матерей мужа она избегала, а в целом пожилых людей Ирина уважала, помогала по мере сил, и как-то не случилось, чтобы ее отчитывали или ругали. Она вообще была неконфликтным человеком, вот получалось как-то не скандалить, не нарываться на осуждение, упреки и прочее. Терпимость или мягкотелость? Неважно, если так можно сохранить худой мир, что лучше доброй ссоры. Поэтому смолчала: от неё не убудет.

Несмотря на некую жесткость в суждениях и поведении Гудрун, попаданке было комфортно. Уже на второй день их совместной жизни Ирина, без указаний хозяйки выполняла привычную работу: собрать яйца, накормить птицу, убрать за скотиной, наносить воды... Она всего лишь подсмотрела за Гудрун: где что лежит, чего и сколько кому дать, куда поставить или положить. Ничего особенного, но старуха отметила и, поджав губы, одобрительно сказала за ужином:

— Не ожидала, что ты не белоручка, и ловкая, как будто не первый раз по хозяйству

управляешься. Небось, раз такое дело, и с иглой дружишь? — Ирина спокойно кивнула. — Тогда хорошо! Зима у нас не так, чтобы долгая, но занятие необходимо, чтобы дурные мысли не мешали ее пережить. Как рукоделишь?

Ирина не стала жаться и рассказала о том, что умеет. Гудрун не очень поверила, по глазам было видно, но не потребовала демонстрации навыков. И то правда-как тут скроешь вранье, если всё на виду?

— Прясть не умею, совсем. Обычно мне соседки пожилые шерсть в пряжу производили, а я уже дальше.

— Не беда, у нас все умеют, а вот вязать красиво — нет, все по простому. Ежели ты мастерица, как говоришь, тебя тут примут быстрее. Ладно, давай спать. Орм завтра в город пойдет, решила, что надо?

Погода стала портиться, зарядили дожди и на прогулки женщины ходить перестали. Месить грязь и мокрый песок — радости мало, поэтому Ирина засела за составление разговорника на нордском, куршском, а заодно и начала записывать песни, рецепты, всякие штучки попаданские кириллицей, чтобы не забыть: вдруг появился страх, что однажды такое может случиться в отсутствие практики и перестройки мозгов на другой язык. Не хотелось бы такого!

Орм привез ей несколько стопок сероватой(недорогой) бумаги, бутылку чернил, букварь на куршском (редкость) и на нордском, с десятков заточенных уже гусиных перьев, набор железных спиц (!), штуку шерстяной ткани грязно-коричневого цвета для пошива зимних штанов и куртки и унты! Последним Ирина и обрадовалась, и огорчилась: она помнила, что в Прибалтике снега не ложиться много, жалко будет пачкать по слякоти натуральную замшу. Валенки бы с калошами или кирзу...

Гудрун, видя ее расстройство, поинтересовалась причиной. И долго ухмылялась неосведомленности чужачки.

— И снег лежит, и холод бывает. Попрошу Саулюса-скорняка подшить край тюленьей шкурой, и мокнуть не будут. Встанет лед, саамы обязательно придут по нему, в Рийгу не любят, а к нам хоть раз, но заглянут: курши их не боятся и не гонят, продают сушеную клюкву и другую ягоду, муку, льняные нитки, мед, орехи. Они ж как дети: в лесу да на берегах живут, а заготовок не делают, бродят за своими олешками с места на место, бьют морского зверя, не растут ни зернышка. Эх, ну такие вот!

Ирина ничего не могла припомнить про саамов, кроме того, что сказала Гудрун и того, что это коренное население Северной Европы, Лапландия-их вроде, страна или регион ...Ну, такие евро-чукчи, в меховых рубахах, на каяках или...да, не суть!

Про местных Гудрун говорила с некоторой нежностью и малой снисходительностью, а вот по жемайтов или чухонцев — с долей неприязни. Чем уж они ей досадили, Ирина выяснять не рискнула.

За короткое время, при условии незнания языка и постоянной хозяйственной деятельности, иномирянка все еще оставалась в неведении о месте, куда попала. Из того, что рассказал Эйвинд и отрывисто сообщала Гудрун, у Валиевой получилось следующее: Кляйпи-небольшое поселение на берегу восточной оконечности Куршской косы, проживают тут в основном рыбаки, а также моряки и речники Эйвинда. В поселении дальше по берегу есть трактир, лавка-сельпо, доки и пристань. Население около сотни человек, что считается по здешним меркам много.

Вдоль берега, на небольшой высоте, тянется лесопосадка, отделяющая поля, луга и разбросанные там-сям хутора от моря. Обработанные земли чередуются с участками леса, болот, озер малых, ручьев. Дороги условны, но имеются. Занятия простые: сеют зерновые, лен, некоторые на равнинных участках содержат небольшие отары овец, сажают овощи, есть даже приличные садики и огороды-обязательно, в приусадебных хозяйствах свиньи, козы, коровы-почти у всех, как и куры с гусями. Дополнительно все промышляют зверя, дары леса берут выборочно (грибы — нет, ягоду, орехи, мед дикий — да). Все, что ловят, бьют, выращивают-продают либо обменивают в княжьем городе, приплывающим купцам, в основном бриттам, фризам, иногда — русам.

Местные курши весьма неторопливы, несколько отстранены (в голове крутилось «тормознутые»), приветливы, незлобивы и абсолютно лишены воинского духа. С приезжими общаются их старейшины, к себе пускают редко, к изменениям не стремятся, придерживаются своих верований и обычаев.

— Они таакиие медленные — говорила Гудрун и улыбалась. — Будут стоять и улыбаться, пока добьешься, чего надо, пирог съешь. Но я к ним привыкла за столько-то лет, они помогают — я отвечаю: лечу и их, и скотину, роды принимаю, гадаю, когда просят... Последнее редко, только если уж край какой и их ведун не справляется. Но умелые, не отнять, по дереву особенно, и лен хорошо прядут и ткут. Над краской мы вместе думаем, их бабы, если что хорошо получается, больше и не стараются. Вот такие они — вздохнула и отвернулась к плите вельва.

Часть вторая Глава 13

За делами, учебой и разговорами прошел месяц. Погода не то, чтобы улучшилась, но как-то «устаканилась»: знойко, сыро, изредка шел дождь со снегом, но сильных ветров не было, и Ирина выдохнула- жить можно. Когда заглодало, она достала свой свитер, что вязала в пути. Гудрун долго рассматривала изделие, потом покачала головой и со значением протянула:

— Надо же, ловко! И аккуратно, хоть чудно. Слышала я, что женщины — ислендингар искусны в вязании, но секретами не делятся и мало что отдают на продажу. Наверное, где-то еще такое научились плести. — Старуха пристально посмотрела на пришлую, но ничего не сказала, кроме — мужикам такое бы смастерила, шерсти я наяду, есть стриженое руно в сарае. Можно и покрасить красиво. Договорились?

Ирина и сама об этом думала, а тут так свезло. И к прочим обязанностям по дому добавились занятия с шерстью (чёс, мытье, окрашивание, прядение).

Огород был убран еще раньше, как и урожай с нескольких яблонь. Ирина перетрусила тяпкой грядки, пролила деревья, чем заслужила одобрителный хмык вельвы, часть яблок переложила соломой в корзины, часть тонко нарезала и высушила в печи. Гудрун сначала дивилась, а потом сказала, что дольки приятно жевать, да и взвар из них с сушеной земляникой ей по вкусу.

Когда рубили капусту, Валиева упростила хозяйку выделить ей один бочонок и наквасила по своему, без тмина и сахара (был здесь, но слишком дорогой). В процессе выяснилось, что морковь в капусту норды либо не кладут, либо рубят мелкими кусками, как придется. Впрочем, как и капусту, собственно. Ирина же дома капусту терла на специальной терке, а морковь — на обычной. Пришлось резать ножом. Гудрун посмеивалась, но не лезла. Позже оценила внешний вид блюда и вкус, сказала, что на следующий год сделают также.

Иномирянка втянулась в спокойный ритм жизни в доме Гудрун, расслабилась и почти не задумываясь, стала вести себя с пожилой женщиной без опаски, свободно, часто напевала под нос во время работы, но негромко. Гудрун вроде не обращала внимания.

Она довольно часто уходила к больным-холода сказывались и участившиеся роды. Иногда могла отсутствовать день, два. Ирина переносила одиночество нормально: дел было много, скучать не приходилось. Вот тогда она пела открыто, играла на вуэле, записывала, что приходило в голову, и однажды пропустила возвращение хозяйки.

— Хорошо поешь — по-нордски сказала Гудрун, проходя к столу. — Поесть есть? Давай. И пива темного принеси из кладовой, выпьем, трудные роды были, еле справилась, устала. Баню к вечеру запарь, сейчас я отдохну.

Ирина немного напряглась, но по тону и поведению ведуньи было незаметно, что она или недовольна, или допрос учинить готова, и попаданка перевела дух.

За едой и выпивкой Гудрун покраснелась, глаза ее затуманились, и она вдруг попросила:

— Спой мне, Эйрин. Слышала, как ты мурлычешь, да и парни хвалили. Уж больно, говорят, душевно! А я вот ни разу пока не удостоилась. Или опасаться чего?

Ирина смутилась.

— Нет, просто как-то... суровая вы очень, не хотела мешать...

— Да ладно! Пой сейчас, все равно что. Тревожно мне, отвлеки.

И попаданка запела протяжные любимые песни и романсы, аккомпанируя себе на вуэле: те, что хорошо шли под рюмочку в женской компании. Гудрун закрыла глаза, откинулась на стену, сложила руки на коленях и вроде даже задремала. А потом вдруг открыла невидящие глаза и пробормотала:

— Идут! Они идут, и с ними беда. Готовиться, надо спешить...

Ирина обмерла. Транс? Видения? И сердце кольнуло тревогой — Эйвинд? Почему он?

Тут старуха села прямо, посмотрела строго на девушку:

— Испугалась? Со мной такое бывает. Что я сказала?

Ирина повторила, и вельва опустила голову, покачалась из стороны в сторону.

— Руны не врут... Они предупреждали...Охохо...То-то лед на море встал...Давно такого не было...Так, Эйрин, слушай! Топи баню, я пойду помоюсь и брошу руны еще раз. а может, духи сами придут. Ты из дома ни шагу! Утром проверишь меня. Ничего не бойся! Со мной все будет в порядке, а вот тебе лезть не надо, поняла? Убирайся тут и ложись.

Гудрун тяжело поднялась и пошла к двери, обернулась на пороге:

— Боги тебя наградили даром скальда! Это хорошо. Есть сила...Спасибо!

И ушла, а Ирина, сделав все веленое, легла в кухне — так казалось спокойнее. Сны снились путанные, муторные, выматывающие... Проснулась от тихого шебуршения хозяйки.

— Эйрин, вставай, будем убирать дом и готовить травы.

Больше старуха ничего не сказала. Иномирянка, уже зная вельву, вопросов не задавала, подчинилась, стараясь не тревожиться и не суетиться раньше времени. За окном шел мелкий снег...

Они пришли на следующий день: четыре собачьих упряжки, на которых саамы привезли больного принца, измотанных Торвальдссонов, кашляющего Эйвинда, раненого телохранителя и Ярика — в урне с прахом...Были еще какие-то мешки, сундуки, которые Орм и парни, зимовавшие в деревне, таскали в дом, пока остальных на носилках доставляли к стоящей на ветру у двери дома Гудрун, собранной и суровой.

Ирине было приказано под ногами не вертеться, не мельтешить и накормить саамов, собак, отдать из запасов все, что те попросят.

Валиева не помнила, как и что она делала, будто робот, запрограммированный ведьмой: грела, расставляла еду, относила быстро запаренную кашу с мясом собакам, вместе с Ормом, переводившим слова маленьких меховых фигурок, носила жбаны с медом, пучки трав, мешочки с сушеной ягодой и яблоками, крупой, мукой...Очнулась только после того, как поняла: она сидит одна в кухне, саамов нет, как и остальных. Что случилось?!!!

Часть вторая Глава 14

Мужчины заходили на кухню по одному, тяжелой поступью, с мрачными лицами. Микола, повзрослевший и серьезный, просто обнял и сел за стол, Эйрик тоже подержал ее в медвежьих объятиях, потом упал на скамью рядом с парнем. Вошедший следом Орм принес кувшин с пивом. Ирина устала блюда перед мужчинами, порезала хлеб и села, ожидая разговора.

Эйрик молчал долго, ел медленно, пил пиво. Не выдержал Орм:

— Рыжий, да говори, что произошло? Не тяни!

Микола взглянул на приемного отца и уткнулся в тарелку. Эйрик отложил ложку, собираясь с мыслями, и начал печальный рассказ.

За время их пребывания при дворе Хакона Мудрого случилась много чего: встречи, беседы, пиры и просто попойки, драки, соревнования всякие. И скандалы, поединки, смерти.

— То, что добром не кончится, я понял сразу, как только мы встретили на приеме у конунга — принцева братца с ихним визирем. Ох, и рожи у них были недовольные! Пришлось тому парнише с себя полномочия-то снять, главным-то был наш Дин, и старый хрыч визирь подтвердил это.

Поселились мы вместе с принцем, не оставляли его почти. При каждой встрече Четвертый норовил нашего задеть, а визирь тоже тихой сапой подначивал...Как могли, терпели, шутками обходились.

Однажды на ужине ярлы опять песню затянули про наследника, Торвуд себя выдвинул, а визирь вместе с фризами предложил провести турнир: кто лучший, того и тапки, мол, справедливо.

Торвуд рванул вперед, Ингмар, Рун и Расмус (это остальные сыны конунга) внесли и Эйвинда в число претендентов. Он молчал, но в круг вышел и навалал Торвуду по самые яй..., а за ним и трое других. Торвуд разозлился, выхватил кинжал, бросился на Ветерка, потом задел Руна, ранил Расмуса, пока его скрутили. Ярлы потребовали исключить его из списка, Хакон возражать не стал, и вопрос снова отложили. Несколько дней Эйвинд лежал в комнате, Дин с охраной ходил к другим гостям, с братцем встречался — приличия соблюдал. Дособлюдался.

Фризы давали обед по случаю какого-то своего праздника, и там из-за чего, не знаю, но сцепились принцы не на жизнь, а на смерть! И опять фризы подначили, мол, рыцари решают конфликты в поединках. Ну и сошлись наш и Четвертый...Вроде и шутливо, но оно ведь как?

В пылу боя ранил Дин того, предложил остановиться, повернулся спиной и пошел на выход. А гаденыш давай на своем что-то ехидно так приговаривать, типа трус ты и все такое. Наш развернулся и ...Ранил так, что тот не встал уже, но перед концом метнул-таки в Дина ножик маленький, сволочь... Визирь визжал, плевался, глазами убивал, на Четвертого того кидался, обнимал. Жуть какая-то была. Дин бледный стоит, зубами скрежещет, охрана за мечи схватилась, но он сдержался и ушел...

Оказалось, Четвертый не сын халифа, а сын того визиря. А это позор для правителя! Видать, тронулся старик умом от горя, вот и выпалил тайну...Труп надо хоронить, а визирь не дает! Опоили его, труп сожгли, хоть и грех по их законам. Старик оклемался, с визитом пришел, когда Дин с Эйвиндом у Хакона случай обсуждали. Ярик один его встретил..

Когда вернулись, пацан уже почти не дышал, только и прошептал, что мол, Ахмед-бэй

пахлавой угостил. Дина как волной смыло! Порешил он визиря лично, но тот перед смертью успел сказать, что не жилец принц — кинжальчик отравленный был...

Плохо парню нашему стало через неделю, лекари бегали, да толку... И тогда Эйвинд стал искать саамов, чтобы они нас сюда доставили. Ребята там остались, как и второй охранник, которому принц дал право отвезти послов, что с визирем пришли, весной в халифат, и в беспмятство впал... Ну, а мы сюда, по льду...Эйв промерз, охранника ранили еще во дворце, Микола чуть под лед не ушел...Теперь все от Гудрун зависит и богов.

Героиня пребывала в оцепенении от рассказа Эйрика, из которого ее вывел громкий приказ Гудрун:

— Эйрик, принеси Эйвинда сюда, уложи на кровать и укрой шкурами, пусть спит. Орм, того, постарше, тоже. Эйрин, идем со мной!

Ирина как сомнамбула, шла за вельвой в баню. Там, в пару и в свете очага на полке лежал не подающий жизни Аладдин, завернутый в чистый холст.

— Так, девонька, скинь с себя все до исподнего, распусти волосы и пой! Во всю силу, чтобы вытянуть его из тьмы. Моих сил не хватает..

Гудрун говорила тихо, было видно, что выложились старуха, но не сдается.

— Что петь, Гудрун?

— Что угодно...Такое, как на бой идут или сражаются за что...ты должна представить, как отгоняешь смерть от него. собери всю злость внутри, ненависть и бей! Гони тьму, зови его назад...Да не тяни, время его уходит!

Никогда в жизни Ирина так не пела! В бане было жарко, душно от запаха трав, Гудрун что-то бормотала и кидала руны. А Валиева, в одной короткой сорочке, с распущенными волосами вспоминала все обиды, все страхи и выплескивала их вовне..

Ей казалось, она стоит перед алтарем, на котором лежит красивый мальчик со сказочным именем, а к нему со всех сторон тянутся костлявые руки...Ире стало так больно и обидно, как при воспоминаниях о войне, гибели людей, несправедливых обвинениях ее соотечественников, жадности и малодушии властей, ненависти прыгающей в кастрюлях молодежи, пьяном первом муже, самодовольной державе, кроющей мир по своему лекалу..

— Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой — вдруг прорвалось из глубин души.

Ира сжала кулаки и пела все громче и грознее, там, в мареве она шла на танки, на шеренги солдат с автоматами, и они отступали, исчезали под ее напором...

— Здесь птицы не поют, деревья не растут

И только мы плечо к плечу

Врастаем в землю тут...

Она себя не контролировала, но из горла снова лилась могучая мелодия:

— Наверх вы, товарищи, все по местамПоследний парад наступает....

И мальчик открывает глаза, поднимается, бледный и слабый, но живой. Это было последнее, что помнила Ира..

PS Не забываем ставить оценки, милые читатели! Это помогает автору творить, а книге-находить новых друзей)

Часть вторая Глава 15

Два дня после возвращения Густафссона в доме вельвы стояла напряженная тишина: лежали в забытьи больные и раненые, спали уставшие женщины, а мужчины ходили между ними и молились об их исцелении..

Первой пришла в себя старая Гудрун, за ней — осунувшаяся, но спокойная Эйрин, потом подал голос Эйвинд. Чуть раньше попытался встать Исмаил. Последним открыл глаза Аладдин...

Гудрун внимательно осмотрела принца, погладила по спутанным потным волосам и сказала:

— Будешь жить, чужестранец. Яд вышел, душу вернули. Не пускай в сердце глубоко скорбь, поднимись на ноги ради тех, кто рядом с тобой сейчас. И не рискуй больше, оставайся на родине — там твое место. Весной возвращайся туда, где вода дороже золота.

Зиму пережили в мире и согласии. Ирина отплакалась по погибшему Ярику, но изо всех сил старалась вместе с остальными поддерживать принца, не давая тому скатиться в самобичевание и тоску:

— 13й воин ты или где? Живи, чтобы в памяти оставался и он, милый мальчик, который любил и уважал тебя, понял? Тебя ждут великие дела, принц Персии! Пески твоего времени еще не закончились!

Эйвинд слушал болтовню девушки и не спускал с неё глаз, думая, что никто, и она, в том числе, ничего не замечают. Ирина притворялась равнодушной, но сердце ее стало сладко замирать все чаще.

В этом молодом норде ей нравилось всё: и лицо, и одежда, и душа, и мысли. Светлые волосы, зачесанные в хвост на затылке, сине-голубые глаза, меняющие цвет в зависимости от настроения, высокий рост, сильные руки, чуть хриловатый голос, широкий упругий шаг, рассудительные спокойные речи, редкий юмор, дружелюбие и верность... Она влюблялась и осознавала это. «Любви все возрасты покорны. Прав был великий поэт! Похоже, меня она догнала здесь, в новом мире»- сетовала про себя «a woman in love».

Между тем, мужчина смотрел и молчал, хотя явно имел намерение, как случайно выяснила попаданка, подслушав разговор Дина и Эйвинда в начале весны, когда сотоварищи начали обсуждать географические и временные аспекты экспедиции на родину принца: нордманы твердо решили сопроводить чужеземного друга.

— Эйв, почему ты не переговоришь с Эйрин и Эйриком? Девушка нравится тебе, это всем ясно, ты же тянешь. В чем причина? Боишься отказа? — приставал к кормчему пустынный.

— Она слишком молода, не хочу портить ей жизнь, привязывая к себе словом. Дорога трудная, всякое может случиться, — ответил Густафссон.

— Ей 18! У нас в этом возрасте девушки давно замужем и имеют детей! — вскричал Аладдин.

— А у нас замуж выходят не раньше 20! — парировал норд. — И выбирает девушка, понимаешь? Наши женщины не торопятся с выбором супруга, их почти невозможно принудить, зато, сделав его осознанно, женщина становится не только женой и матерью, но и подругой, соратницей, второй половиной для мужа. Я желаю такого брака для себя и

Эйрин, поэтому не тороплюсь..- разьяснил Эйвинд свою позицию.

— И ты рискнешь ее здесь надолго оставить? А если она за время твоего отсутствия найдет кого-то другого? Ты смиришься и отдашь ее? Эйв, это глупо! — не отставал принц.

— Дин, мы, северяне, фаталисты: если судьба-будем вместе, нет-так решили боги. Все, закроем тему. Каким путем думаешь вернуться к отцу?

Дальше товарищи принялись обсуждать варианты поездки в дальние дали, а Эйрин — подслушанное.

И хотя в мыслях девушки присутствовала капля разочарования столь прагматичным подходом возлюбленного к ближайшему будущему, оно же и радовало серьезностью его намерений и учетом ее мнения и интересов.

«Господи, он мне нравится все больше и больше. Так и хочется схватить, на плечо и в пещеру! Нет, Ветерок, ты попал! Фиг я тебя отпущу куда-то одного, такой мужик мне самой пригодится! Вояж и любовь — два в одном, мечта! Думай, голова, шапку куплю: как в Персию раньше попадали, помимо круизов по Средиземноморью и территории Оттоманской порты? Или путаю времена? Да неважно! Главное, в общих чертах миры совпадают, Персия-это наш Ирак или Иран, кажется. Там рядом Кавказские горы...Если у (предположительно) берегов местного Черного моря окопались степняки и не очень активно сотрудничают с западными соседями, всячески мешая общаться с азиатами, то остается...

Бинго! По Волге-матушке в Каспий, оттуда перевал какой-нить на ту сторону, потом к Евфрату или Тигру, не суть, и вот он, Багдад! Надо уточнить геолокацию...И если я права... А я скорее всего права...Есть на Волге утес, диким мохом порос...С этим надо переспать!» — потирая мысленно лапки, насвистывая и вертя, допустим, головой, Эйрин Торвальдссон, душой Ирина Валиева, пошла претворять в жизнь коварный план по участию в южной экспедиции. А мужики-то не знают!

Часть вторая Глава 16

После того, как вернувшиеся из столицы оклемались, они начали участвовать и в делах домашних, и в жизни поселения, встречаясь с местными, совершая короткие поездки в Кауну, даже выходя на рыбалку в залив, благо, он почти не замерзал, или на охоту недалеко.

Женщинам приходилось много готовить, поэтому как-то все чаще Ирина брала на себя эту часть хозяйственных забот, чему Гудрун была только рада. Освоившись с печью, чугунами и прочей утварью, желая доставить близким удовольствие, попаданка творила и вытворяла, поражая компанию то одним, то другим непривычным блюдом.

Так, завтраки стали сытными благодаря не только пшеничной, ячневой, перловой молочной кашам, омлетам и яичнице с салом, кусочками подсушенного хлеба (французские тосты), но и любимыми самой Ириной блинами и оладьями как на простокваше, так и налистниками. Мука, конечно, оставляла желать лучшего, но Валиева умудрялась достичь приемлемого для себя качества блюд. В сочетании с медом, сметаной, той же простоквашей, которой здесь было не удивить (особенность местной кухни, поняла попаданка), и ягодными морсами печено улетало вмиг.

Творог Гудрун тоже делала, его подавали и с блинами, и в виде сырников. Такие лепешки нравились Аладдину, а если Ирина еще и сушеную ягоду в них кидала, мммм! До сыра руки все не доходили..

Приучала Ирина (попаданка про себя все еще самоназывалась так, хотя внешне вполне комфортно чувствовалась как Эйрин) мужиков к супам, щам и борщам. Последний тоже имелся в меню куршей, только подавали его холодным. Без картошки было не так, но повариха иного мира замещала ее то густотой других составляющих, то мукой, то горстью крупы. Щи варила как из долежавшей свежей, так и из кислой капусты, особенно с сушеными грибами, что заготовила в дороге. Такие щи были данью памяти Ярику, принимавшему активное участие в сборе и обработке даров местного леса. И, конечно, грибная лапша!

Помимо супа, лапша шла в ход и в куриный бульон (наваристый же и душистый он тут получался!), и в «макарены по — флотски» с дичиной, приносимой нет-нет охотниками. Когда попаданка затевалась с тестом, ей в помощь отряжался Микола, и тогда раскатка и сушка изделий или лепка пельменей (ну куда ж без них приличной попаданке!) превращалась в незапланированный концерт.

Микола возобновил уроки пения, старательно выслушивал объяснения сестры, и получалось у него все лучше и лучше. Раз в неделю примерно, «на огонек» приходили остальные члены команды: те, кто проживал в Клайпи — чаще, на хуторах — реже. Тогда парни требовали те песни, что запомнились им особо.

И, конечно, однажды запели вместе с солистами! Мужское пение «а капелла» звучало очень неплохо. Ирина сделала стойку: а не организовать ли ей «Поющую эскадрилью»? И дело, и отдых.

Предложение встретило недоумение, однако, вскоре парни воодушевились, прониклись идеей, и процесс пошел! Ира распределила их по тембрам, подобрала репертуар, члены команды — со слов Эйвинда и Миколы- на слух заучили слова, и к весне хор спелся и спился: да чтоб без пивасика и горло драть? Нееее, под сто грамм-то оно приятнее идет! А если ты, Эйрин, еще и оладьев нажаришь или котлет из кабанятички...Мы ж округу порвем

на тысячу маленьких медвежат!

Хоровое пение — отдельный вид вокального искусства, да. Как и любой совместный труд, он объединяет, сплачивает и вдохновляет. Гудрун и Эйрик, как старшие, поддерживали новшества девушки и получали не меньшее удовольствие от результатов, чем непосредственные участники.

Кроме Миколы, обнаружился еще один талант — баритон Ульф Свенссон, что звучал точь-в-точь как Георг Отс и иногда — как Муслим Магомаев. Бас, увы, среди парней отсутствовал.

Вот теперь пошло веселье! Репертуар Магомаева она знала и первым делом предложила Ульву исполнить:

Море вернулось
Говором чаек, Песней прибоя
Рассвет пробудив. Сердце, как друга, Море
встречает, Сердце, как песня, Летит из груди.

Не сразу он принял ритм и тональность песни, но работал-старался и сорвал банк! А уж когда вошел во вкус сольного исполнения и поймал кайф от реакции слушателей, смог одолеть арию Варяжского гостя, хотя по вокалу она относится к категории басов.

О скалы грозные дробятся с рёвом волны
И, с белой пеною крутясь, бегут назад.
Но твёрдо серые утёсы выносят волн напор
Над морем стоя.

От скал тех каменных у нас, варягов, кости,
От той волны морской в нас кровь-руда пошла.

А мысли тайны от туманов,
Мы в море родились, умрём на море.

Ирина была уверена, что как только мужчина до конца осознал слова, провел параллель, его энтузиазм и попер! Он и сам любил арию, и ватага принимала каждое исполнение как гимн. Короче, зашло творение Римского-Корсакова иномирным аналогам! Они мычанием заполняли соло — паузы, и лица при этом имели серьёзные и одухотворенные донельзя!!!

И снова попаданка воспринималась как необычный талант, сокровище и только — никаких сомнений! Её иногда такое слепое доверие и обожание пугало — это ж ответственность какая! Мысленно прося прощения у авторов, иномирянки утешала себя тем, что распространять такие знания — не грех!

Полюбилась ватаге милая песенка Гелены Великановой, которую редко исполняли на эстраде, а северяне выучили раньше других.

"Если тебе одиноко взгрустнётся, Если в твой дом постучится беда, Если судьба от тебя отвернётся, Песенку эту припомни тогда."

Чаще всего ею заканчивались спевки, и парни выходили на улицу, мурлыкая «Если тебе почему-то наскучит...». Голоса удалялись, а в доме витало теплое послевкусие...

Кстати, принц Персии в посиделках участвовал всегда, петь не пытался, но тихо мычал со всеми. Порой ребята просили сыграть на нае, особенно, если погода шептала: «Займи, но выпей». Иру такое «невключение» араба в хор нервировало, она копалась в памяти: что бы такое сделать плохое... Нет, конечно! Найти бы соответствующую ему и южному темпераменту песню...

И однажды осенило: «Сулико»! Они на уроках разучивали песни разных народов, как она забыла! Перевод-то вспомнила быстро, а вот с оригиналом не задавалось. Но, с божьей помощью, два труднопроизносимых куплета удалось вытащить из недр памяти. И берег

Холодного моря, то бишь, в просторечьи иномирном, Балтики, узнал печальную мелодию о трагической любви:

Сакварлис саплавс ведзебди

Вер внахе дакаргулико

Гуламосквнили втироди

Сада хар чемо Сулико?

Я могилу милой искал,

Сердце мне томила тоска.

Сердцу без любви нелегко.

Где же ты, моя Сулико?

Аладдин быстро подобрал на нае аккомпанемент, Микола и Эйрин пели на два голоса, мужчины слушали, а Гудрун неизменно плакала — так брала ее за душу чужая песня...

Часть вторая Глава 17

В общем, зима, несмотря на трагичное начало, прошла в жизнеутверждающем ключе. Валиева, при всей нагрузке, умудрялась вязать! Первым получил толстый и оригинальный наряд Эйрик Рыжий: желая обвязать всех мужчин, Ира не мудрствовала лукаво, поэтому брала толстые деревянные спицы, изготовленные Уббе — плотником, и чередовала лицевые-изнаночные на упрощенном реглане, разбавляя на рукавах и полочках элементами разной степени сложности. Ну и цвета, конечно, подбирались индивидуально.

Получив подарок, Эйрик долго вертел пуловер темно-красного, почти бордового, цвета с тремя выпуклыми косами на груди, гладил узор, рассматривал плетение и не надевал!

— Отец, тебе не нравится? — возмутилась Эйрин. — Да, я торопилась, он не так хорош, но я от чистого сердца... — мастерица действительно не понимала.

Эйрик поднял на приемную дочь глаза, и она увидела в них слезы счастья. Ну ладно, уговорил, красноречивый! Эйрин обняла богатыря, взяла обновку и сама натянула на голову отцу.

— Дальше сам, надо же оценить размерчик!

В себе она не сомневалась: напортачить, имея такой опыт, сложно, хотя-можно, но это не наш случай!

Пуловер сел как родной, прибавив мужчине объема, но и солидности! Сияя как начищенный самовар, гордый обладатель эксклюзива прохаживался перед собравшимися в кухне товарищами и всем своим видом говорил: «А у вас такого нет, аааа-уууу!». Детский сад, ей-богу!

Вторым был, понятное дело, Микола. А вы что подумали? Ему перепал свитер цвета спелой вишни — светлее, чем у Эйрика. Тенору досталась «лапша» или «резинка» 2/2 с горизонтальными узкими полосками черного цвета, расширяющие зрительно грудную клетку возмужавшего парня.

Гудрун Ирина связала жилет «бабушкиными» квадратами из остатков пряжи от изделий для родни.

Аладдин получил черный свитер, как и Микола, только резинка «шахматкой», а Эйвинду мастерица предложила серый джемпер лицевой гладью, но с вышитым по рукавам, горловине и низу черным орнаментом типа меандра (с ним-то она и провозилась дольше всех остальных). Даже Исмаилу презентовала простой черный жилет платочной вязкой!

Запасы шерсти иссякли, как и время на рукоделие: мужчины определились с датой отплытия.

Разговоры и споры о маршруте экспедиции с переменным успехом продолжались весь март: к этому месяцу здоровье участников будущего путешествия пришло в норму, мужчины активно тренировались, готовясь к большим нагрузкам. Ирина тоже «тряхнула стариной» и каждое утро делала зарядку, а перед сном медитировала в позе лотоса: молодое тело легко принимало эту «загогулину».

О том, что она твердо намерена отправиться с ними, мужчины догадывались, но пока молчали-надеялись на слово Гудрун? Ну не должна вельва поддержать такой демарш молодой Торвальдссон! Вот это они зря! Потому что Гудрун не только не остановила Эйрин, она и сама собралась составить парням компанию! Шокирующее заявление уважаемой

нордки было подобно взрыву бомбы, но об этом чуть позже...

Эйрин прислушивалась к обсуждениям предстоящей авантюры, благо, проводились они в кухне Гудрун, а женщины невольно присутствовали, занятые рукоделием. Командир и ватага, чаще-Эйрик, Эйвинд, Орм и Дин, делились сведениями и слухами, размышлениями и вариантами, выстраивали планы, уточняли детали. Попаданка долго не встревала, пытаясь уложить в голове свои знания географии и данные из рассказов местных.

Северяне, как она и предполагала, знали о трех (условно) путях в «Персию». Первый — круговую, по морям — не приняли Дин и Эйвинд: оба плохо переносили «большую воду», да и денег, если честно, на такой маршрут требовалось много.

Второй — тот, которым они пришли домой, то есть, по рекам «Европы» (разным, к Березине или Припяти) к низовьям Днипра, по Внутреннему морю к восточному побережью Среднего и там уже по пустыне в Багдад — столицу халифата. Знакомый путь, но! Проблема в реакции степняков, ведь большая часть земель ниже Куявы принадлежит им, как и побережье Внутреннего моря. Пусть они ни разу не мореходы, но обстрелять корабль или не пропустить без большого выкупа в единственный порт — запросто, тем более, что норды в те края предпочитали не соваться — это была епархия генуэзцев. Кто знает, как обстоят дела с новичками? Может, и одного раза будет достаточно, чтобы на них показательно отыгрались...

Третий вариант вызывал больше всего внимания, но и сомнений. Идти по землям русов... Эйвинд знал, что есть река, которую они называют «матушка», и что нет ей конца и края, и что впадает она в огромное соленое море среди степей... А море то упирается в высоченные горы, за которыми лежат неизведанные земли и невиданные по богатству страны..

Русы редко призывали на службу нордов, сами справлялись, но те, кто уходил к ним, как правило, там и оставались... В Новограде Густафссон видел похожих на Аладдина купцов, мало, но были, чаще редким товаром из дальних стран промышляли купцы русов, но они особо секретами не делились. Да это и понятно. Впрочем, норда их тайны не интересовали, работы и заказов хватало и в привычном регионе, хотя мелькали, мелькали в голове иной раз мыслишки: «А не пойти ли...?»

— Дин, а ты про то степное море слышал? Возможен путь по его водам в некую большую реку? И горы — они преодолимы?

Принц ответил не сразу, он вообще в разговорах был терпелив и вдумчив.

— Слышал про Дербентское озеро и про Хазарское море, про город Итиль на великой реке, про пропавший народ где-то за горами... Честно, меня эти слухи не волновали... — поджал губы парень. — Зря, теперь-то понимаю. Сидел, как птица в клетке золотой, и жаловался на скуку... Но отец же узнал от кого-то про тебя, Эйвинд? Может, не только от тех, кто с тобой ходил, но и от тех, кого ты и сам не видел?

Эйвинд задумался. Возможно, мужчины те еще сплетники... Остальные тоже погрузились в раздумья. Ирине надоело это «соплежуйство», и она решила: «Ща скажу!». Встала, выпрямилась, привлекая к себе внимание, и выдала, как с крыши шагнула:

— По землям русов идти надо! Из Новограда у них есть волоки к истокам Волги или Итиля, по ней и притокам вначале с севера на юг до Хвалынского моря не сворачивая. Даже если степняки внизу и озоруют, река широка как море, не достанут! Песню про Степана помните? Вот та Волга и есть... А горы — это Кавказ, через них должны быть тропы на другую сторону, что приводят к южному подножию, переходящему в относительно

равнинную часть. Там на лошадях или верблюдах до Багдада уже по халифату, правильно, принц Персии?

Выпала и сама испугалась. Ой, что будет?

В кухне повисла тишина. Мужчины были настолько ошарашены, что не сразу отреагировали. Ирина сжалась и присела на свое место, краем глаза заметив, как вспыхнули очи Эйвинда, вытаращился на неё араб и хмыкнула Гудрун.

Минут пять все молчали, потом Эйрик откашлялся, выпил залпом пива и вкрадчиво так прошептал:

— И откуда ты, дочь, знаешь про дальние страны? И что еще ты можешь добавить?

Под давящим взглядом отца Эйрин поерзала, потом плюнула и пошла ва-банк (врать — так с музыкой!):

— Мама рассказывала! Её отец был на юге в молодости, видел море соленое большое и недалеко — по-меньше, видел горы, покрытые снегом даже летом, ел ягоды больше головы полосатые с красной сочной мякотью внутри слаще меда! Я думала — сказки, а теперь... Зачем про такое врать? Принц, Эйвинд, вы мне верите? — и глазки Шрека... — И потом, Эйвинд, ты говорил, что с русами проще договориться, они открытые, а тут весь путь по их землям... Разве вам не интересно увидеть то, что мало кто из нордов видел?

И тут мужики не выдержали и заржали, до слез. Их поддержала и Гудрун, хихикающая в своем углу.

— Ну что вы, в самом деле... Я вам дело говорю — изобразила обиду Эйрин, хотя в душе радовалась: снова ее воспринимали нормально, без опасений и подозрений, скорее, шутливо.

Отсмеявшись, Эйвинд внимательно посмотрел на девушку.

— Почему ты думаешь, что путь по землям русов для нас больше подходит? Он ведь более длинный. Есть ли там поселения, мы не знаем. Какая местность — тоже. Одни мы пойдем или с караваном? Думаешь, русы используют эту реку активно?

Слава богу, дошли до диалога!

— Про характер русов ты и сам знаешь. Поселения должны быть, я уверена, да и мама всегда о родине отзывалась как о населенной местности, разными народами, да, но язык они предпочитают русов. Да и как-то отец мой попал в Царство и в Курянск, откуда-то ехал, дипломатом был. Почему бы и не из южных пределов? Песни я вам пела, судя по ним — привольно там, места много, не будут люди сочинять такую мелодию про Вилуюку, скажи? Про леса... У истоков — точно, а дальше... Рыба уж всяко есть, если равнина, то или зерно сеют, или живность какую растут. Да не попрем мы с голоду!

Мужчины слушали Эйрин, переглядывались, но насмешки попаданка не увидела.

— Думаю, в словах Эйрин есть резон — подал голос Аладдин. — Лучше по одной стране ехать, чем несколько пересечь. Меня больше страшат горы... Сможем ли найти проводника? Хотя, там мое имя может помочь: иметь в должниках сына халифа дорогого стоит.

— Горы опасны, но и там люди живут! Быть внимательными, доброжелательными к ним и их обычаям — ключ к сердцам южан. На море Хвалынском города есть, Дербент, Баки. Оставить там корабли, в Персию идти не всем: и проще затеряться в караване, и парни наши смогут подработать — вдоль берега уж не так сложно туда-сюда ходить... Я думаю... — пробормотала Эйрин и села. Она свою миссию выполнила.

Норды обдумывали сказанное долго, переглядывались многозначительно, пока слово неожиданно не взяла старая вельва.

— И чего вы так задумались, мальчики? Даже я считаю, что Эйрин дело говорит. Дорога, конечно, неизвестна, трудна, но когда возможные испытания останавливали северян? Преодоление трудностей закаляет характер, победа же любит смелых и сильных. Так что прекращайте сомневаться и начинайте готовиться. Я брошу руны, но уверена, боги и духи будут благосклонны к нам.

Мужчины уставились на Гудрун — «нам»?

— Конечно, я иду с вами! Спорить и останавливать меня бесполезно, я уже давно решила, что хочу напоследок увидеть новые земли, раз уж в мой дом привело чужестранцев, которых надо вернуть на родину. Обузой никому не была и сейчас не буду, не волнуйтесь. А вам я пригожусь, да и тянет меня куда-то, а от намеков богов вельве отмахиваться не след... Так что, ступайте отдыхать, утром начнем собираться.

И старуха разогнала собравшихся по местам ночевки, чему никто не противился: уж больно сурова и решительная была уважаемая ими женщина.

Ирина же, хоть и удивилась заявлению хозяйки дома, в душе что-то подобное подозревала. И, если честно, была рада ее компании. Экспедиция предстояла крайне интересная во всех отношениях.

Подготовка заняла пару недель: были проверены корабли, определен состав команды, подготовлены запасы продуктов, снаряжение, обговорены дополнительно роли и варианты маршрута, распродано хозяйство Гудрун.

Да, вельва раздала, продала, обменяла почти все имущество, кроме собственно дома: за ним обещал присмотреть Орм, которого Густафссон оставил за старшего во вверенных ему землях.

Из бывшей команды с ними отправились не все: некоторые выразили желание переждать год-другой на родине — семьи за зиму выросли, некоторые парни женились, командир им щедро заплатил, так что нужды в заработке норды не испытывали.

Отправились на когге и одном драккаре-сопровождении, всего получилось сорок человек вместе с принцем, его охранником и женщинами. В качестве хоть какого-то товара захватили несколько пудов воска из плавилен Кауны, особой копченой рыбы, которой славилось побережье куршей, князь, дядя Эйвинда, поделился железными слитками, несколькими мешочками янтаря различного размера и качества и благословением предков.

Северное море, по Ириному-Балтика, вскрылось ото льда вдоль побережья, где он за зиму имелся, ветер наполнял паруса исправно, и к ближе к концу мая команда Эйвинда Густафссона, преодолев сотни миль на восток по просторам Балтики, пройдя по Неве и Ладожскому озеру, входила в устье Волхова.

Нельзя сказать, что было легко: все-таки весенняя Балтика не теплые южные воды, Эйрин с Гудрун иной раз здорово мерзли, как и Аладдин с Исмаилом, но вельва отпаивала всех какими-то мудреными травяными чаями, и команда выдержала сырость и знойность без серьезных простуд.

Волхов прошли до Новограда на веслах почти весь, но здесь погода благоволила: без дождей, по полноводной реке шли довольно быстро, на редкие остановки у небольших поселений типа собственно Волхова или Киришей время подолгу не тратили, поскольку ни закупить что-либо, кроме мехов да немного речного жемчуга, ни особо отдохнуть не получалось. Причина? Народ занимался полевыми работами, гостей не ждали — не сезон еще, так чего нервировать местных? Поспали, помылись, поели горячего «от пуза»,

поохотились на дорогу и снова в путь.

Часть вторая Глава 18

Новоград показался на горизонте, издали блестя куполами многочисленных церквей. Река подвела нордов к берегу, на котором возвышался величественный Детинец — городской кремль, крепость, обнесенная высокой кирпичной стеной с круглыми сторожевыми башнями с конусообразными крышами, даже издали производившими впечатление мощи и неприступности.

Эйрин с трепетом следила за приближающимся легендарным местом, пытаясь охватить взглядом его красоту и размеры. Новоград поражал размахом и какой-то силой, исходящей от стен над Волховом, от башен, от грудящихся у берега суденышек и больших лодей, от суетящихся на кораблях и пристани людей. День был в разгаре, северное солнце прогрело свежий речной воздух, беготня и крики рождали в душе предвкушение открытий и знакомств с невиданным ранее поселением.

— Большой город — задумчиво сказала Эйрин, глядя на Новоград. — Богатый, должно быть. Интересно, чистый?

Эйвинд, подошедший к девушке, усмехнулся.

— Чистый. Местные гордятся своим городищем, мостовые все деревянные, их метут, а проезжую часть улиц выложили камнем. Здесь вообще много каменных зданий, уж про церкви я не говорю. Одна сторона, левая, зовется Софийской, собор там главный, крепость и живут богатые горожане и власти, хотя и там есть концы (районы) с мастерскими, Гончарный, например. Купцы да ремесленный люд больше на Торговой стороне селятся, на другом берегу. Там торг большой, рынок или базар ежедневный, потому так и назвали. Обе стороны обнесены земляными валами и рвами, да и реки еще мелкие, а соединяет их Великий мост, широкий, крепкий. Местные на нем порой драки устраивают, так пол-города собирается! Мы остановимся в Торговой части, в Гостевой слободе, у земляка. Он, как Гильфи, женился на новгородчанке, ее родители трактир им на свадьбу подарили. Вот наши у него чаще всего и гостуют, — Эйвинд хлопнул в ладоши. — Ребята, заканчивайте! Идем к Хейнрику Нибо в «Хитрого Локи»!

Парни загудели одобрительно, Гудрун аккуратно спустилась на берег, Эйрин поспешила за пожилой женщиной.

— Ох, давно я не видела малыша Хейни...Он мой дальний родственник, ушел к русам, да и не вернулся. Старый Нибо злился, чуть не отрекся от сына. Дурак! Интересно, узнает он меня? Уж годов 10 прошло — вельва оглядывалась вокруг, следила за парнями, присматривалась к местным, но лицо держала.

«Устала Гудрун — подумала Ирина. — Хоть и не показывает, но явно рада по земле пройтись. Я бы точно не смогла вот так сорваться в неизвестность в такие годы, а она — кремень, а не тетка».

Ирину потряхивало от волнения: слыша знакомую речь, понимая ее, она чувствовала себя... ну если не дома, то в более привычной обстановке. Особо умиляли и успокаивали тут и там видимые купола белокаменных церквей: золотые, синие со звездами, серебряные... Веяло от них чем-то родным, теплым. Впервые за год она стояла на незнакомом месте и не опасалась сделать что-то не так, выделиться или в чем-то промахнуться. Не была она в Новгороде в прошлой жизни, но ощущение близости не проходило. В Куяве такого не было.

«Вот ведь надо же! Другой мир, а я как вроде в России своей. Чудно!» — с этой мыслью

попаданка Валиева зашагала в компании вельвы и мужчин по мосту над рекой в сторону Торговой части города, к месту долгожданного отдыха. Как их примут здесь земляки — норды?

Трактир «Хитрый Локи» располагался в слободе, где селились иностранцы — так поняла объяснения по дороге Ирина. Местные достаточно лояльны к приезжим, но свои границы держат, да и нерусьям проще в привычной среде находиться. И быт, и нравы, и строения на Гостевой улице отличались от остальных городских: дома в основном каменные, двухэтажные, строились близко друг к другу, подворья были лишь у небольшого числа жителей, к последним относился трактир обрусевшего нордмана.

И все же основательность, которой отличались здания в Новгороде, вдоль которых ватага Густафссона двигалась примерно полчаса, имела место и здесь. Все дома стояли на высоких каменных основаниях, окна были разного размера, но все застекленные(пусть и не очень прозрачным стеклом), где-то с мощными деревянными заборами и воротами, где-то внизу располагались лавки и мастерские, вход в которые прикрывали козырьки с колокольцами, за заборами виднелись кроны садовых деревьев и иной раз лаяли собаки. Прохожих было мало, они степенно двигались по своим делам, кто-то переговаривался на широких тротуарах или на порогах заведений.

Ирина вела Гудрун под руку и вертела головой, пытаясь увидеть как можно больше, особо обращая внимание на местную моду, так сказать.

Что ж, отличия от балтийских и куявских одежд были: горожане в основном одеты были неброско — коричневые, серые, сине-зеленые оттенки в льняных нарядах преобладали, разбавляясь светлыми блузами под сарафанами дам и изредка- рубашками мужчин. У женщин волосы были убраны под платки или напоминающие турецкие фески уборы. В голове вертелось название «кика»-так вроде назывался элемент наряда замужних у русских раньше. Детей видно не было, а мужчины, попадавшие на дороге, прикрывали головы то ли картузами, то ли матерчатыми шапками-не определить сразу.

Норды, шумно говорящие и многочисленные, привлекали внимание, но с вопросами или приветствиями к ним не обращались, хотя и не выказывали неприязни. Попаданке это показалось странным, но заметивший ее интерес Эйвинд разъяснил:

— Русы поначалу очень отстраненными кажутся, хмурыми и неразговорчивыми, но только до тех пор, пока ты с ними не вступишь в более близкое знакомство. Там уж как случится: сойдешься характером-душу выложат, нет- и побить могут. Не то, чтобы злы, просто за свои привычки держатся крепко и новизну принимают медленно. В этом мы с ними похожи — улыбнулся капитан.

«Да уж, лыбиться мы всем и всегда, подобно американцам, так и не научились — про себя констатировала Ирина Михайловна. — Мир другой, а национальные черты-основы, выходит, те же».

Трактир находился ближе к концу улицы, и ватага ввалилась в двери с грохотом, от которого, наверное, в домах стекла задрожали.

— Эй, Хейни Нибо, принимай гостей, старый лось! Жрать охота, ты уж накорми-напой земляков да спать уложи, устали мы! — заорали парни хором, испугав задремавших на скамьях подавальщиков: в отсутствии клиентов, те расслабленно сидели внутри большого полутемного помещения с длинными столами, лавками из темного дерева и сводчатым потолком, под которым висели на цепях несколько деревянных свечных люстр с

чередующимися зажженными и нет огоньками.

Зал заполнился голодными нордами, быстро рассевшимися на лавках и начавших стучать по столам кулаками. На шум из левой двери вышел высокий крепкий на вид мужчина в фартуке поверх рубахи и широких штанов с остриженными «под горшок» волосами, с окровавленным тесаком в одной руке и шматом мяса в другой. За ним показалась полная женщина с убранными под кичу волосами, тоже в переднике, недовольно прищурившаяся при виде гостей.

— Это кто тут своевольничать изволит? Чего шум подняли, как на брани? Мы сегодня до вечера закрыты, приходите позже! — сходу осадила парней хозяйка, выступая вперед и уперев руки в боки. — А вы, бездельники, чего по углам забились? Дармоеды бестолковые, почему допустили в трактир незваных гостей? Муж, что встал как вкопанный? Мне самой их — она махнула в сторону нордов полотенцем, — гнать вшаей или ты все же сделаешь то, что хозяину положено? Будут тут всякие земляками называться да постоя на дармовщину искать...

В трактире повисла тишина. Парни Густафссона оторопели от «ласкового» приема.

— Эйвинд, а мы не ошиблись? Это действительно заведение Хейника Нибо, нашего земляка? Что-то непохоже, что хозяева радушно встречают гостей с родины Тора... слышались с разных сторон приглушенные голоса ватажников. — Ты говорил, что Хейни-добрый малый, а тут ... Может, стоит вернуться на пристань да и переночевать там, а утром поискать другое, более приятное место...

Эйвинд подошел ко все еще стоявшему молча здоровяку.

— Хейни, не узнаешь? Я Эйвинд Густафссон, со мной мой хирд и Гудрун-вельва, твоя тетка. Мы только прибыли в Новоград, хотели у тебя остановиться, пока не найдем работу..

В это время трактирщица потянула мужа за рукав, мол, отвечай. Мужчина лишь дернул плечом.

— Какая вельва? Это ведьма, что ли? Не надо мне тут никаких ведьм заморских! И не слышала я ни про какого Эйвинда! Давно никто здесь не был, всех нордов привечать — без штанов останешься! У нас вечером ужин для голштинцев заказан, мест нет, так что... — громко сказала толстуха и снова приняла боевую стойку.

— Ох, малыш Хейни, не думала я, что жизнь на чужбине тебя изменит настолько, что ты потеряешь не только дар речи, но и стыд с совестью заодно. — Раздался голос вельвы. — Хорошо, что твой отец не видит этого позора! Мальчишки, пойдите отсюда! Есть в таком месте-себе вредить! Ветерок, ты знаешь город, найдем другой угол для отдыха! — закончила решительно старуха и первой вышла из зала. За ней в молчании поднялись и двинулись на выход мужчины.

Ирина видела презрение и разочарование на лицах ребят и невольно вспоминала, как приняли их в Куяве Гильфи и Любава. Было неприятно осознавать, что надежды поесть и отдохнуть провалились.

Хейник Нибо так и стоял в полутьме, не произнеся ни слова. Его жена теребила рукав рубахи супруга, что-то шептала, а он, не поднимая головы, продолжал стоять безмолвно.

— Что ж, Хейни. Счастливо оставаться, земляк. Прости, что потревожили, — горько усмехнулся Эйвинд и покинул заведение вслед за командой.

И не видел, как бросил на пол мясо и тесак бывший знакомец, как взвыл раненым медведем и повернулся к ошеломленной таким поведением жене:

— Да пропади ты пропадом со своим трактиром, Власта! Ты помешалась на деньгах и

богатстве, а кому ты их оставишь? Детей нет, друзей нет, жизни нет! Я забыл, когда улыбался! Надоело! — заорал Хейнрик и рванул за нордами, в чем был, сбрасывая на ходу фартук.

Слуги попрятались, а хозяйка все еще стояла с открытым ртом посреди опустевшего зала, не в силах осознать, что только что ее спокойных послушный муж пошел против ее воли и вообще проявил характер.

«Это что сейчас было? Тихоня Хейни показал зубы? Мне? Да еще и ушел? Да кому он нужен, этот валенок северный? Папаня правду баил, что сколь волка не корми, он все в лес смотрит... Пусть попробует вернуться, я уж не спущу ему ничего!»- решила трактирщица и пошла готовить ужин для вечерних гостей, ни на миг не усомнившись, что телок-муж вернется через пару часов, а вот голштинцев уважить надо...

Часть вторая Глава 19

Команда Густафссона, раздосадованная и голодная, вернулась на пристань, откуда менее часа назад вышла в Торговую часть города. Парни перешептывались, а поджавшая в куриную гузку губы Гудрун, тяжело опираясь на руку Эйрин, ворчала:

— Я, старая дура, еще и защищала этого идиота! Вот бы старый Нибо сейчас надо мной посмеялся! Не ожидала я, что придется пережить такое! Продался, выходит, Хейни, за золото дурной бабе, забыл корни свои...Ты, Эйрин, запомни: не гоже так к людям относиться! И среди нордов гнилые есть, но выгнать голодного гостя из дома...Нет, такого предки не прощают! Жаль парня...Не о такой жене мечтал он в юности...

Ирина не перебивала вельву, хотя произошедшее оставило осадок и в ее душе. Почему-то вспомнились случаи из прошлого, когда ей приходилось быть свидетелем хамского поведения официантов или продавцов по отношению к плохо одетым или неаккуратным посетителям, или наоборот, подчеркнуто-льстивого — к надменным и богатым. Это лицемерие на фоне далеко не профессионального отношения основной массы работников сферы услуг к клиентам всегда повергало ее в уныние и стыд за «державу»: ну не нравится прислуживать людям, не работай в таких заведениях! Зачем людей унижать пренебрежением и выполнением своих обязанностей на «отъе. съ»?

Настроение после посещения трактира стремилось к нулю не только у Эйрин: остальные тоже находились в некотором замешательстве. Норды сгрудились около капитана и тихо переговаривались, обсуждая случившееся, когда к ним почти подбежал невысокий полный мужчина в годах и, задыхаясь, спросил:

— Эйвинд, дорогой ты мой, какими судьбами? Я не поверил глазам, когда увидел твой когг! Мои молитвы услышала Святая троица!

Густафссон повернулся на голос, и ребята расступились, чтобы дать ему возможность увидеть пришельца.

— Герр Митрий? А вы откуда? — удивленно спросил капитан нордов, подходя к названному.

— Дак, как услышал, что на пристани появился нордский хирд, так и прибежал, а вас и след простыл! Хотел к вашему земляку отправляться искать, а вы уже вернулись. Дело у меня к тебе, парень! Когда поговорить сможем?

Мужчина, явно заинтересованный в прибывших, смотрел с надеждой и мольбой. Добротнo одетый, бородатый, с кустистыми бровями и острым взглядом, местный знакомый Эйвинда производил приятное впечатление, а почтительное обращение к более молодому собеседнику говорило об уважении к норду.

— Герр Митрий, мы только прибыли, еще даже не ели с дороги...Хотели у Хейни, но... Короче, сначала надо найти место для ночлега, потом я вас сам найду. Если о работе речь, мы с радостью..

Митрий не дал Эйвинду закончить.

— Дорогие вы мои, не надо ничего искать, идем ко мне! Двор у меня большой, разместимся! О деле поговорим позже, отдохнете, баньку натопим! Эйвинд, будь гостем, не откажи! Святители не зря меня сюда послали, судьба, знать! Идем, здесь недалеко!

Норды переглянулись и, увидев кивок капитана, потянулись за довольным Митрием. Тот аж маслом расплылся!

До дома купца Седого (так представил Эйвинд местного знакомого) дошли минут за 15 и, зайдя толпой во двор, попали под быстрые четкие указания купца:

— Сестра, принимай гостей! Сенька, готовь спальни на всех, кому в доме места не хватит, на сеновале устрой! Сами потеснимся! Домна, обед стряпай! Завид, помоги Сеньке, потом баню запарь!

И завертелась кутерьма: выскочившие из разных углов слуги забегали, выполняя распоряжения хозяина, растащили гостей по помещениям, устраивая на скорый ночлег.

Женщин вышла встречать пожилая улыбчивая дама в кике, душегрее поверх расшитого бордового сарафана, представилась Доброгневой и повела в хозяйские комнаты, по пути извиняясь за возможные неудобства.

— Братец не предупредил, что гостей ждать следует, вы уж не обессудьте! Напервой-то устроим, завтра уж лучше постараемся, — приговаривала женщина, семена впереди. Гудрун кивала головой, осматривала покои и определенно была довольна.

— Ты, хозяйка, и нас прости, что свалились на голову незваными да такой оравой. Сами не ожидали..- степенно обратилась вельва к Доброгневой. — Нам бы помыться с дороги да поесть, потом-то мы что-нибудь и сами придумаем..

Доброгнева всплеснула руками:

— Да где ж такое видано, чтобы гости себя обслуживали, барыня? Пусть у нас и немного слуг, да расторопные все и умелые, все сладят! Вы вот тут пока посидите, я за одежей чистой схожу, потом в баню провожу. Отдохните, квасу зараз Милка принесет или взвару желаете?

Выделенная комната была довольно просторной, чистой и светлой, с большой кроватью, лавками, покрытыми ткаными дорожками, окном, завешанным короткими занавесками, коврик рябым на полу, сундуком здоровенным, будто для сна предназначенным. Ирина вспомнила деревенские интерьеры прошлого и умилилась. Пахло в доме деревом, травами, что висели под потолком, чем-то неуловимо знакомым. «Уютом»- решила попаданка и, усадив уставшую вельву на лавку, приняла из рук служанки кружку с горячим ягодным отваром.

— Гудрун, ты попей да приляг немного, я пойду на кухню, помогу.

— Ступай, Эйрин, глянь, правда, может, помощь лишней не будет, а я и верно, отдохну малость, — старая путешественница заметно расслабилась, махнула рукой молодежи и откинулась на лавке.

«Ну, раз Гудрун спокойна, значит, не стоит этих людей опасаться. Все будет хорошо!» — Валиева облегченно вздохнула и пошла искать себе работу. Где-то во дворе слышался мужской смех, говор, бляение потревоженной шумом скотины, стук топора, суетливый топот слуг...

Кухню попаданка нашла по звукам и запахам на первом этаже, пройдя по полутемному коридору вглубь дома. Большое помещение с огромной русской печью с пристроенной плитой, столом для готовки, ларями с продуктами, бочкой с водой и полками с посудой имело несколько небольших оконцев, сквозь которые, впрочем, поступало достаточно дневного света.

Посреди кухни, у стола, в задумчивости стояла женщина лет 40, в платке, фартуке, с закатанными рукавами сероватой блузы и чуть темнее ее юбке.

— Здравствуйте, Домна? Я Эйрин. Пришла помочь, — представилась Валиева, чем

вывела повариху из ступора.

— Ой, барышня, да как же? Негоже гостям-то... — запрочитала было Домна, но Ирина одернула ее.

— Негоже как снег на голову являться да еще толпой! Но уж так получилось, простите.. — Эйрин поклонилась. — Мы сами не ожидали, но, признаюсь, рада, что у вас сейчас останемся. Так что, говорите, что делать, я готова.

Кроме Домны, в кухне были еще две молоденьких совсем девчонки, с интересов разглядывающие гостью. Понятное дело, сильно уж пришедшая отличалась от них: волосы плетеные в многочисленные косички по всей голове, в штанах и рубаше мужицкой, в сапогах... А говорит гладко, не дерет нос...

— Да я, барыня, вот..-Домна мялась. — Дело-то какое... Не привычно мне столько людей кормить, да и не нашенских еще... Простите! Я прям не знаю... Мы ж по-простому едим, угожу ли? Да и вкусов не ведаю...

Эйрин рассмеялась.

— Да мы такие же люди, что и вы! Не баре! Нам бы горячего жидкого чего, хлеба давно нормального не ели, мясного бы-от рыбы за дорогу подустали парни. Что у вас из продуктов есть, я помогу выбрать?

Домна, обрадованная, что не ей решать, что готовить, проворно завертелась по кухне, показывая госте, чем богаты закрома купца.

В результате осмотра запасов и ограниченности времени было решено сварить на горячее серых щей из крошева на грибном бульоне, пшенную кашу с тыквой, сульчины к ней, сырники со сметаной и толчёной морошкой с медом. На все про все у поварих было часа два-три, а едоков больше 4хдесятков, не до разносолов.

Крошево, как поняла Валиева, это заготовка такая: внешние зеленые листья капусты (те, что обычно идут на корм скоту) мелко рубят тяпкой или сечкой, добавляют по желанию измельченные лук с морковью, затем пересыпают солью и ржаной мукой (некоторые муки не добавляют, но лучше все же с ней) и мнут руками. После ставят под гнет в теплое место где-то на неделю — раз в день надо гнет снимать и прокалывать зеленую массу, чтобы выходили газы. Готовое крошево хранят в холодном месте и из него на мясном бульоне (как правило) готовят только первое. А сульчины оказались ржаными лепешками, жареными на сухой сковородке и подаваемые горячими с кашей (внутри кладут) и растопленным маслом.

Намытые уставшие парни смели со стола все приготовленное, разошлись по спальным местам и угомонились почти на сутки. Хозяева гостей не беспокоили, давая отдых будущим работникам, и разговор о деле был отложен на следующий день. Эйрин с Гудрун, попарившись, тоже отдалась Морфею, не встречая в стирку мужских нарядов, которую затеяла с прислугой Доброгнева: сил не было.

Часть вторая Глава 20

Переговоры с купцом Эйвинд и Эйрик вели наедине.

— Дорогой ты мой, Эйвинд, выручай! — умоляюще смотрел на молодого норда хозяин гостеприимного дома. — Дело мое зависит от твоего слова! У меня на складе десятки бочек ворвани, дегтя, моржового клыка несколько пудов, пеньки да мягкой рухляди воз, а везти не на чем. Уж все лодьи на Макарьев ушли, к ярмарке, а я так и не нашел подходящих перевозчиков. На мой товар большое судно требуется, а их ушлые товарищи еще зимой закупили, пока я по окрестностям за товаром мотался. Еще и сынок мой, Гнат, подсуропил... Митрий Селятович покачал головой.

— Парень он видный, девки вешаются, вот и не утерпел, паршивец! Семья та шум подняла, мол, спортил девку, женись! Я же вызнал, что напоила она сына да и подвалилась, чтобы им свой грех прикрыть... Оно, конечно, разругались вдрызг, девку замуж за подлеца-то выдали, Гната я отстоял, но время на той беде потерял... И молил я Троицу истово, чтобы ты сюды пришел по весне, только твой когг мой товар весь забрать сможет, да и тебе я доверять отпрыска смогу. Ты уж, мил человек, не откажи, за ценой я не постою, вот те крест святой! — расстроенный хозяин осенил себя крестным знамением. — Забери и товар, и сына! Пусть парень себя испытает, проверит да от разговоров на время сгинет! До Макарьева я с вами пойду, нынче та дорога куда ближе стала... А уж опосля ярмарки вернусь, а Гната с вами отпущу. Годик с вами походит — почует, почем фунт лиха, глядишь, ума прибавится. У Эйрика, поди, не забалуешь...

Мужчина посмотрел на нордов, что слушали его внимательно и серьезно.

— А что с дорогой стало? — вдруг спросил Эйвинд.

— А ты не знаешь? Так волоки-то упразднили! Теперь по Мсте да Тверце до Волги напрямик по воде ходить можно! Запруду соорудил государев человек Сердюков, шлюзы невиданные устроил, так лодьи там поднимаются и опускаются прям с грузом, русло стало шире и глубже, время меньше на переход, за небольшую мзду проход открывают! Такое вспоможение нашим торговым делам, те шлюзы... С ними да твоими умениями мы враз наших нагоним, а у Ярослава уже в большой караван войдем, что к Макарьеву двинется. Там и охрана имеется с пушками — от лихого разбоя защита. Ребятушки, не откажите! Я хорошо заплачу, и там помогу заказ найти, коли вы аж до Астрахана собрались... Поить-кормить буду дорогой, слово даю!

В целом, предложение Седого вполне соответствовало интересам хирда, поэтому было принято без особых сомнений. Довольный исходом переговоров новоградец был готов прямо завтра грузиться, но норды попросили пару дней на нормальный отдых и подготовку к плаванию (запас продуктов, проверка трюма, снастей и прочие мелочи).

— Герр Митрий, с нами женщины, дочь Эйрика и моя родня, вельва Гудрун. Им бы травы кое-какие подкупить, ну, еще женское чего. Город бы посмотреть... — Эйвинд желал погулять с Эйрин, знал, что той будет интересно. Принц тоже не откажется впечатлений собрать, уверен, да и просто передохнуть на суше было желательно.

— Прости, мил человек, это я от радости тороплюсь! — взял слово хозяин. — Конечно! Успеется всё, сейчас сестру попрошу, она многих травников в городе знает, ответит куда надо, поможет. Если что еще надо-говори, не журишь.

На том и разошлись. Парни отсыпались, прислуга суетилась, Эйрин снова толкалась на

кухне, а к вечеру в дом купца явился гость.

Хейнрик Нибо возник на пороге с сумой, полутушей поросся, бочкой хмельного меда и мешком муки, серьезный и решительный.

Земляка встретили без улыбки, но со вниманием.

— Хейни, дружище, случилось чего? — задал вопрос Ларс Тир. — Смотрю, с вещами...

Трактирщик бросил суму на землю, прижал руки к груди и заговорил.

— Эйвинд, парни, простите меня! Пришел к вам в хирд проситься! Сил моих нет больше, устал я жить по чужой воле! Жена поедом ест, всё ей не так, тесть пилит, друзей не завел, детей не родил... Живу как мышь под веником! Забыл, когда на весла садился, море видел, ветром дышал! Возьмите с собой, дайте грудью всей вздохнуть!

Парни загомонили, а Эйрик, выйдя вперед, спросил:

— Хейни, а жена знает, что ты решил уйти? Или ночным вором сбежал?

Гость вскинул взор на рыжего богатыря и ответил:

— Сказал, что или она не встречается и дает мне год свободы, или я пойду к священникам ихним и потребуу развода по бесплодию её. Тут такое можно, позорно сие, но лучше так, чем дальше на шее узел затягивать! Взял вон свинью, вещи, Власта на дверь указала, мол, и не вертайся. Я и ушел... — опустил голову Хейнрик. — Не трави душу, просто ответь — примите?

К этому моменту к нордам вышла Гудрун.

— Эх, малыш Хейни, пошел ты против отца, позарился на богатство да сытость без усилий, вот потому нет ладу в твоей семье... Эйрик, надо его с собой брать! Духи сказали, не ко двору он у здешних, плохо закончит, если не уйдет. Жинка его не пропадет, а вот Хейни — может.

И вопрос был решен. Обрадованный Нибо с медовухой и вещами отправился к парням, а продукты — к Домне, где из них поварихи приготовили шикарный мясной пир.

Часть вторая Глава 21

Попаданка верховодила на кухне с полного одобрения местных. Ирина и соскучилась по готовке (вот же ж бабья привычка-вторая натура: накормить мужика!), и не хотела слишком уж напрягать хозяев в плане меню: ей было проще самой сделать то, что ребята привыкли есть, чем объяснять, почему нордам нравится мясо круглый год!

Поэтому мясную часть порося поделили на сорта, и пошла готовка. Навскидку, полутуша была кило 50, не меньше, без учета костей и сала, которые Хейни споро отделил по просьбе Эйрин. Домна лишь таращилась да вздыхала, глядя, как мелькает нож в руках известного в слободе северянина.

Сало решили засолить сухим посолом — быстрее и в дорогу удобнее. Кости, большей частью — на бульон, понятное дело. А вот мясо — на отбивные (тяпаные, как тут говорили), на перловый плов (не было риса, увы) и на рульку с ребрами в пиве — уж больно Валиевой самой захотелось!

Накормить ораву молодых мужчин — не раз плюнуть, но девчата справились. Пока попаданка колдовала над необычным блюдом, местные, во главе с Домной, напекли ноздрястых блинов на хмельной закваске, наварили кислых щей (из квашеной капусты, не крошева, по просьбе Ирины), достали из погреба груздей соленых (с лучком, чесночком!), моченых яблок, холынских огурцов (местный эксклюзив, в деревне Холынья близ Ильменя огурцы солят в деревянных бочках и опускают на дно одной из трех местных речек, где они в холоде сохраняют свои хрустящие свойства), завели гороховый кисель со шкварками: густая каша, по сути, которую при остывании можно ножом резать. Ну и свежий хлеб, разумеется.

Домна краем глаза следила за тем, как странная гостья возится с мясом: приправы дорогие заморские просила, горчицу, мед и — пиво!

Валиева же просто отрывалась! Считай, целое порезанное на крупные куски бедро и ребра рубленные в чугуна самый большой запихнула, пивом густым, нефилтрованным(!) залила и в печь поставила. Закипевшее варево дополнила луком, морковкой, перцем горошком, гвоздикой, лаврушкой (спасибо купеческим запасам), солью, накрыла сковородой и снова запихнула в печь, где томилась вкуснятина два часа примерно.

Хорошо, что печь у хозяев была большая: и чугуна влез, и второй-с гороховой кашей. Пока свинина шла к цели, Ирина занялась цыплятами «табака» для Дина и Исмаила.

— Барыня, чудно готовишь, не слыхала, чтобы такое с курой делали. Почему только четырех цып-то взяла? Хозяин не велел жалеть для гостей ничего, — тихо обратилась к коллеге купеческая повариха.

Валиева рассмеялась.

— Да дело не в скромности! Среди нас есть мусульмане, иноверцы, они свинину не едят, вот для них цыпа. По паре на нос выйдет. А если на всех, то сколько тех кур надо, а? По миру пойдете... Ты смотри, может, когда хозяевам сделаешь.

Обмытых потрошенных цыплят Ирина разрешила по грудке, развернула, отбила скалкой (за неимением молотка), натерла солью и перцем, предварительно той же скалкой помолотым, обжарила на сливочном масле с обеих сторон под прессом, которым послужила тарелка с поставленным на неё кувшином с водой, готовых цыплят натертых давленным чесноком, убрала под крышку в глубокой миске. Запах вызывал у копошащихся рядом дев обильное слюноотделение, а Домна обещалась приготовить так кур позже обязательно.

Тем временем свинина дошла до кондиции и, вынутая из чугуна, была доведена до готовности в печи уже на сковороде под соусом из меда, горчицы и бульона за полчаса. Горчицу из зерен пришлось завести самой: толочь, добавить масла льняного, огуречного рассола, чеснока (для остроты), соли и меда-ну нет сахара! Домна попробовала и ... повторила! Так что на стол ставили приправу с общего согласия-на пробу. Умаялись знатно, но улетали блюда на радость поварихам только в путь!

Застолье устроили на заднем дворе купеческого дома, иначе все едоки не разместились. Стащили во двор столы, лавки, Доброгнева прошлась по соседям — набрала посуды, ложек, своих запасов не хватило. Отдохнувшие норды, заинтересованные домочадцы Митрия расселись, и девчонки-поварихи начали разносить угощение.

Теплый светлый вечер («белые ночи») не требовал дополнительного освещения, блюда на столах рассматривали, принимали и пробовали, чтобы потом хвалить и воздавать должное уменьям кухарок. Медовуха и пиво, выставленные купцом, ложились на грудь и душу едоков приятным бонусом к наваристым щам, разопревшей перловке, румяной свинине, духовитому свежему хлебу, хрустким огурцам и обалденным груздям. Блины, промазанные топленным маслом и медом, шли как десерт, а вот горчица вкупе с салом бодрила остротой и необычностью.

«Принцу Персии» с телохранителем «зашли» и блины, и цыплята. Норды привычно постебались над «индивидуалистами», но беззлобно, принимая их особенности и не сетуя на избирательность поварих.

— Эйрин, заработаем монет, ты каждому такую цыпу сделаешь! Пусть мы и не принцы, но вкусно пожрать не прочь! — смеялся Ульф Свенссон, хватая кусок томленной в пиве свининки. — Хотя, скорее Дин теряет по своей вере, не пробуя такую вкуснятину.

Парни дружно крякнули, одобряя заявление товарища. Их слова поддержал и попробовавший рульку хозяин дома.

— Ой, хороша поросся! А та горчичка... Не знал, что так ее можно есть. Домна, ты запоминай, потом будет чем гостей удивить! Милостию Троицы мне на порог таких друзей привело. Благодарю вас, братие, что не отвергли мой дом, здравия вам! — поднял Митрий чару с медовухой, выпили с ним и остальные.

Стол упустили, хмель расслабил тела, атмосфера во дворе была настолько располагающей к «продолжению банкета», что у Валиевой, слегка опьяневшей от усталости и выпивки, просто не осталось выбора.

— Хорошо сидим! — встав со своего места, громко оповестила девушка. — Пусть и лезу поперек батьки-попаданка шутливо поклонилась Эйрику и сидевшему рядом с ним Митрию, — но душа требует! Нечем нам сейчас отдариться за гостеприимство господина Седого и его семьи — не заработали еще злата! Но все же один подарок, думаю, сделать сможем. Парни, вы как, поддержите меня?

Норды заржали:

— А то! Эйрин, поняли!

Валиева вышла на середину двора, ребята быстро освободили небольшую площадку, а хозяева удивленно следили за странными приготовлениями. Норды выстроились в привычном уже порядке (по голосам), купец с сестрой и слугами были усажены на лавки, Эйвинд с принцем встали сбоку, улыбаясь. Недоумевающий Хейни Нибо пристроился рядом с теткой, которая загадочно повела головой, мол, просто смотри.

— Люди добрые, новоградские! — объявила Эйрин. — Только сегодня и только для вас выступает «Поющий хирд Густафссона»! Ну-ка, все вместе, уши развесьте! Лучше похорошему хлопайте в ладоши вы! Нордская застольная!

Двор огласил хохот нордов, а местные напряглись в ожидании представления. Эйрин оглядела парней, шепнула: «Если тебе..». Парни слаженно кивнули, выпрямились, и в вечерней тишине слаженно зазвучали мужские голоса:

Если тебе одиноко взгрустнется, Если в твой дом постучится беда, Если судьба от тебя отвернется, Песенку эту припомни тогда.

Ирина подпевала, руководя хором, ведя мелодию голосом и плавными движениями рук. Песня лилась ровно, захватывая пространство и слушателей своей безыскусностью, при этом надевая сердца надеждой и радостью.

Допев последний куплет, хористы с хормейстером поклонились, прижав правую руку к груди. Тишина настораживала, и только Валиева хотела возмутиться, как с места подскочил хозяин и зачастил:

— Ну вы...Ну молодцы! Ребятунки, а еще споете?

После этого раздались хлопки арабов, Эйвинда, подхватили инициативу и домочадцы Седого.

— Ну вот, говорила же, хлопайте в ладоши! — громко сказала попаданка. — Как иначе мы пойдем, что угодили?

— Да угодили, конечно! Такой песней разве можно не угодить? — купец сел на место и повернулся к довольному Эйрику.

— Давай еще, парни! — крикнул кто-то из слуг.

— Ну, раз так, продолжение следует! — повела действие попаданка. — Теперь нашу, путейную!

"Если с другом вышел в путь.."

Детская песенка понравилась еще больше, а потом исполнители и сами предлагали Эйрин, что хотели бы спеть для собственного удовольствия. Вышел вперед и Ульф со своим репертуаром «варяжского гостя», потом отметился дуэт Эйрин и Миколы с «Душечкой», выскочил неожиданно Эйрик с «Водяным», чем потряс не только русов, но и земляков, настолько артистично и вдохновенно в его исполнении прозвучала мультяшная ария.

Митрий с Доброгневой утирали слезы от смеха, когда взрослый рыжий здоровяк изображал страдания болотной нечисти.

— Эйрик, ты когда стал скальдом? — смеясь, спросил зама капитан. — В жизни бы не подумал, что ты, суровый воин, можешь быть таким...

— Талантом, да? — надулся от успеха Торвальдссон-старший. — Как говорит Эйрин, с кем поведешься...При таких детях мне ли скрывать способности, а? Митрий, ты как думаешь, могут быть поющие дети у непоющего отца?

Купец хлопнул себя по коленкам и решительно подтвердил:

— Не могут, воистину! Каков отец, таковы и детки...За редким случаем, знамо! Но то не ваш! Видна порода! Да, сестра?

Довольная Доброгнева кивала и вытирала слезы.

— Ох, гостюшки, порадовали подарком, какое злато с ним сравниться? Ни разу таких песен не слышала, а уж поете вы — монастырский певчий позавидует! Эйрин, для души спой еще..

И Валиева взяла вуэлу, заранее (как догадалась?) принесенную вельвой. Давно ей

хотелось спеть романс «Темно-вишневая шаль», а бордовый сарафан сестры Седого напомнил о нём.

Я о прошлом теперь не мечтаю,
И мне прошлого больше не жаль.
Только много и много напомнит
Эта темно-вишневая шаль.

Ирина пела негромко, в тон истории, передавая голосом печаль героини, переборы струн вуэлы подчеркивали драму. Слушатели затаили дыхание, как и гости, до того трогательной выходило исполнение. Женщины прониклись услышанными переживаниями, мужчины задумались о своих сердечных страданиях, поэтому, когда прозвучал последний аккорд, не сразу поблагодарили певицу.

— Кака беда-то, вот завсегда нам, бабам, от любви одни мучения... — вдруг послышалось сбоку. Ирина повернула голову: сокрушалась Домна. — Растревожила ты, барыня, сердце, теперь ночь не спать... Может, повеселее чего есть али по-сердешнее?

Народ затребовал «лирическое», и Ирина снова тронула струну:
За рекой, за лесом солнышко садится.

Что-то мне, подружки дома не сидится!

Сладкая истома черемухи цвет,
Усидишь ли дома в 18 лет?

За эту песню попаданка снискала задумчивые взгляды капитана, араба и... родни. «Э, надо заканчивать тоску, что там из веселого?» — подумала Ирина и..

— Микола, «пидманула»!

Братец ухмыльнулся, и по ночному Новгороду понеслась забубенная хохлятская (да кто ж тут знает?):

Ти казала в пониділок — підем разом по барвінок, Я прийшов, тебе нема, підманула, підвела.

Припев парни подхватили дружно, слышали уже зимой. Сестра с братом пританцовывали, играли, слушатели не выдержали зазывного припева и поднялись в круг. Не понимая многих слов, пустились в пляс: девки помахивали платками, поводили плечами, кружились, а мужики вместе с хозяином, выпятив грудь, обхаживали их, красовались, присядкой удивляя гостей и сидящих на заборе зевак.

«Эти-то кто будут?»- краем глаза заметив неучтенных зрителей, поразились Валиева и указала Миколу. Тот прыснул, но с ритма не сбился, пока не допели. Довольные танцоры ладони отбили, хлопая и певцам, и себе.

Успокоившись, гости и хозяйева услышали шум: кто-то барабанил в ворота. Удивленный купец пошел посмотреть, а певцы, промочив глотки, шушукались о дальнейшем репертуаре.

Вернулся Митрий не один: с ним во двор шагнули человек десять бородатых мужиков. Норды приосанились, а Ирина напряглась: драку заказывали? Неужто?

Оказалось, что концерт привлек внимание соседей, и те, плюнув на приличия, явились к «товарищу по партии» разобраться, кто покой торгового квартала нарушает, а поучаствовать в гульбище не дает?

— Вот ты сам, Митрий Селятович, подумай. Ну как нам спать, когда у тебя такое деется? Мы ж еще со вчерашнего дня гадаем, кого ты в дом притащил? А ныне так и гулянье у тебя невиданное случилось... А нам ни словом не обмолвился! Нечто мы чужие тебе? Тут ты не прав, господин хороший! Ты, Селятович, как хошь, но принимай и нас в дом, с гостями

познакомь! Не есть пришли, но с собой принесли! Ждан, выставяй медовуху, Карп, снеть доставай! — распорядился старший из пришедших и представился — Добрыня я, Званов сын, купец 1й гильдии, а со мной — гости новгородские, соседи и сотоварищи Митрия. А вы кто будете, голосистые?

«Слава богу, не драка!»- выдохнула Валиева и бросилась помогать Домне и Доброгневе накрывать столы, снова расставленные понятливыми парнями. Внеплановое мероприятие пошло на второй круг.

Часть вторая Глава 22

Провожали нордов на пятый день чуть ли не всей Торговой стороной. Пока поднимались паруса, рассаживались гребцы, устраивались на корме женщины с Митрием, с пристани неслись пожелания доброго пути, хорошей торговли, здоровья на годы и приглашения на будущее.

— Ты, Эйвинд, наперед не задумывайся, где остановиться: прям ко мне заходи, дорогим гостем будешь, вместе с хирдом твоим. Я тебе там в тюке письмецо к куму положил, с ним в городе найдешь свояка, наказал я ему вас честь по чести приветить, так ты уж не откажись, у него остановись. Он, Захар Сидырыч, купец верный, примет как родных, поможет и в дорогу до Астархана заказ найти, имя его в Макарьеве первое. Ох, ребяташки, не годики бы мои немалые, сам бы с вами пошел, лишь бы еще спевали... — Добрыня Званыч оглаживал бороду и вздыхал. — Да и так до смерти не забуду вашу забаву, потрафили старику. Что там, весь Торговый конец ублажили! Спасибо вам, дорогие! Троица вам в помощь! Прощевайте!

Его покачиванием головами да помахиванием руками поддерживали и Доброгнева, и Домна, и те гости купцовы, что сподобились попасть на именины Добрыни и оказались на выступлении нордовского хора.

А дело было так...

Внеплановый визит в дом Седого «коллег по цеху», привлеченных пением нордов и вызвавший второй тур выступления хора, растянулся до третьих петухов. Подуставшие исполнители честно отработали программу, гости отдали должное выпивке и скоро собранной закуске, отбили ладоши аплодисментами и отбыли с первыми лучами солнца, взяв с северян и Седого купеческое слово посетить именины Добрыни Званыча, что пройдут в третий день в его доме на другом конце улицы.

Захмелевший, но не утративший строгости и ясности ума глава местной купеческой общины старик Добрыня хлопал Эйвинда по спине и настойчиво приглашал в свою усадьбу.

— Ты, парень, не думай лишнего, беды для вас не будет, посему не отказывай старику. Я, Добрыня Званов, зову вас не на потеху другим, а своего сердца умиротворения ради. И не задарма, не думай! Такого пения никто в городе не слышал, чудно сие, а потому ценно. А любая диковина дорогого стоит, так что не обижу. Вон, Митрий свидетель, я слово держу, на том стою! Но уж и вы не подведите! Гости именитые будут, уважите- озолочу! Ох, хорошо посидели, но пора и честь знать! Так что, третьего дня к обеду жду! — постановил купец и, покачиваясь, вышел за ворота.

Хозяин проводил гостей, парни разобрали застолье и пошли спать, Гудрун с Доброгневой договорились наутро в торжище пойти, а Ирина озадачилась репертуаром: суровый старик ей понравился, капитан тоже вроде симпатизировал купцу, так что лишним знакомство не будет.

Вернувшийся хозяин обратился к Эйрин с просьбой:

— Девонька, ты прости, что втянул вас в такие хлопоты! Только чего уж теперь-то... Ты постарайся, ладно? Понял я, что ты за песни-то отвечаешь, так уж не подведи? Не знаешь, где найдешь, где потеряешь, слыхала? Ну вот... Старик-то Званов известный в нашем краю богатей, его и в Макарьеве, и в Москове-граде знают, к нему, помимо городничего, гости — столичные государевы слуги- на чай запросто заходят. Смекаешь? Ну вот... имя его вам в

помощь будет, ну и мне, конечно, врать не буду... Ты отдыхай ноне, работу мои на пристани сами сладят, а вы готовьтесь, ага?

И что тут скажешь, кроме как «надо-значит, надо»?

Северяне от новостей пришли малость в недоумение: ну кто всерьез о такой перспективе думал-то? Погломонили-погломонили, но репетировать взялись «со всей пролетарской ненавистью» — с утра до вечера, с перерывами на еду и сон. Ирина только и смогла с пожилыми дамами до рынка дойти, закупить мелочи в дорогу да немного город осмотреть с Дином и Эйвиндом, потратив на это половину второго дня.

Софийская сторона впечатляла соборами, кремлем, богатыми домами и степенностью жителей. Новгородский кремль в нашей истории имеет общую площадь около 12 га и протяжённость стен 1.5 км. Стены Детинца — высоту от 8 до 15 метров и толщину от 3 до 6 метров. Из двенадцати первоначальных башен сохранилось девять. А здесь имелись они все. Самой высокой был Кокуй — сторожевая башня высотой почти 39 метров.

Софийский собор, из белого известняка, с шестью куполами шлемообразной формы, был в основании крестом, то есть, квадратным. Изнутри расписан фресками в голубой гамме, с высоченным потолком, изумительной акустикой и строгим внутренним убранством. Здесь вместо скульптур (как попаданка видела в Куяве) присутствовали большие иконы, изображавшие божественную Троицу, свечи можно было брать у входа, предварительно бросив в специальный ящик монетку: на сколько совести хватит, столько свечей и возьмешь.

Стоя под куполом главного собора, Валиева невольно прониклась значимостью момента, помолилась про себя за близких, испросила у сил небесных благословения в дорогу и вышла из храма притихшая и успокоенная. Вот не замечала она за собой такого в прошлой жизни! В этой церкви влияли на ее настроение и душевный покой по особому умиротворяюще, вроде как поддерживали. Чудны дела твои, господи, хотелось каждый раз сказать иномирянке.

Многокупольной София новгородская была, считай, одна: другие храмы имели один купол, но белокаменными (или шпукатуренными кирпичными) были все. Смотрелись сии здания на фоне просини неба очень внушительно!

Торжище, как и в Куяве, оказалось шумным, многолюдным, довольно-таки многоготоварным. Тут и посуда глиняная, деревянная, берестяная; и полотна льняные, шерстяные, шелка восточные радовали глаз пестротой и нет-ценой. Оружейные прилавки соседствовали с ювелирными, обувные — с кожаными.

Ирина в сопровождении пожилых дам заходила в травяные лавки, где Гудрун пыталась местных аптекарей, стремясь купить знакомые сборы, но не умея толком объяснить, чего надо. Доходило до скандалов, но все-таки совместными усилиями набрали, что надо, а вельва обогатила словарный запас некоторыми весьма напоминающими мат ругательствами.

Валиева же искала пряжу: сидеть на корме без дела месяцами ей не хотелось. Поэтому торговалась за шерстяные мотки овечьей и козьей шерсти и тонкий лен как в последний раз, чем потешила Доброгневу.

— Ты, милая, не только в пении и готовке искусна, я смотрю, но и торг вести можешь! Дай тебе троица мужа хорошего! В бабьей доле то главное, окромя здоровья! — тихо на ушко сказала сестра купца попаданке на рынке после очередного ожесточенного спора с продавцом. — Я тебе для Званова пира наряд дам, не траться, да и пряжа у меня припрятана

ладная. Ты чем нить-то плетешь? Тут у нас златокузнец знатный есть, тонкую работу делает, не хочешь посмотреть?

В результате у Эйрин появились спицы, соединенные серебряной канителью (тонкая проволока), набор спиц для носков (по пять штук разной толщины), несколько изящных крючков, десяток английских булавок (от маленьких до больших-вязание скреплять), за идею которых кузнец «отвалил» полсотни золотых «эфимков» сразу и обещался платить Седому (в лице Доброгневы) серебряный (рубль) за партию в две дюжины штук. Купеческая сестра осталась в «прибабахе» от сделки, но отказываться не стала, проникнувшись к гостям еще большим уважением и благодарностью и пообещав сохранить долю Эйрин «до случая». Пусть себе радуется женщина!

Часть вторая Глава 23

На внезапно обретенные средства Валиева купила местных пряников — душистых, мягких, с яблочной начинкой. Доброгнева по секрету рассказала, что рецепт изначально вызнали у нордов, «подредактировали», и теперь печать пряников — одно из значимых ремесел, а продукт — «визитка» города, наряду с крошевом, судаком и прочими блюдами этой части государства русов.

Еще попаданка (не без содействия купчихи) приобрела по сходной цене тушку барашка, корзину ливера разных мясных пород и-чудо! — риса полпуда: знакомый лавочник продал последний по принципу «всё равно выбрасывать». Ирина Михайловна не расстроилась такой характеристике, а вот сопровождающая была сим отношением недовольна.

— Да почто он тебе, милая? Круп-то у нас вдосталь.

— Госпожа, Вы не подумайте плохого, я приготовлю, сами оцените — пообещала Ирина, надеясь, что сил хватит и на репетиции, и на плов.

«Ага, не было бабе забот, так купила порося!» — стоя на кухне у Домны, корила себя попаданка. А всё почему? Да потому, что, когда они вернулись с барашком, Аладдин аж слюной захлебнулся при виде столь дорогого его желудку мяса.

— Эйрин, это то, что я думаю? — спросил принц заморский с такой надеждой, что Валиева расхохоталась. — Ты приготовишь плав? Ты не купила бы ягненка и аль-азр, если бы не умела, так ведь?

Ирина кивнула.

— О, звезда моих очей, ты — Пэри небесная, несравненная и благословленная Аллахом! Ар-Рахман (*Милостивый*) направил твой разум, чтобы могли мы нормально поесть! Аллах Акбар, Исмаил, у нас будет плав!!! — пустынный бегал по двору и орал во всю глотку, а норды, как обычно, ржали — так забавлял их арабский товарищ.

Ну как тут откажешь? Исмаил, пряча улыбку в усах, подрядился, с разрешения заинтригованной Доброгневой, сложить в углу сада мини-кострище, повесил самый большой котел, который отыскался на когге, и активно включился в разделку тушки, нарезку ингредиентов и в помощь в поддержании огня. Принц вроде как сунулся в процесс, но был мягко отослан к нордам участвовать в репетиции, которой Ирина руководила в перерывах между готовкой.

Про порося она не зря бухтела: на плов барашка было много, оставлять на что еще Доброгнева отказалась, и Валиева затеяла бешбармак: его она делала не раз для своих мужчин, ну и для некоторых гостей.

Кулинарное отступление. Бешбармак.

Мясо промыть, нарезать кусками средней величины или большим куском (чтобы получилось сочнее). Закипит, пену снять и варить час-полтора, в зависимости от количества мяса. Добавить специи(перец, лаврушку) и продолжать доводить до готовности на несильном огне, чтоб не выкипало слишком. За это время приготовить пресное тесто для сочной. Кусочки теста (ромбики или прямоугольники — сочни), должны тоже быть вкусными, поэтому важно соблюсти рецепт: в миску вбить холодные яйца, залить холодной водой и хорошо размешать венчиком, чтобы получилась крепкая пена. Теперь посолить и добавить несколько (2–3) ложки растительного масла, размешать, добавить просеянную

пшеничную муку высшего сорта небольшими порциями изамесить тесто сначала ложкой, досыпая муку и воду: тесто должно получиться более тугим, чем на пельмени. хорошенько вымесить тесто, скатать в шар и положить в миску под крышку (под полотенце) на 20–30 минут. Когда говядина сварится, бульон процедить и вернуть в казан, а мясо обжарить на небольшом количестве растительного масла и разобрать на мелкие кусочки, вдоль волокон.

Тесто раскатать на столе, присыпанном мукой, в тонкий прямоугольный пласт (3–4 мм), потом — на полоски, а их — на ромбики, пусть 15–20 минут полежат и подсохнут. За это время измельчить большое количество лука, нарезанного кольцами или полукольцами, слегка обжарить в масле, после чего выложить лук в отдельную глубокую пиалу (миску) и немного залить его самым верхним, жирным бульоном — лук не должен плавать в бульоне. Присыпать лук молотым черным перцем и посолить. Осталось закипятить бульон в казане и сварить в нем сочни до готовности, желательнее партиями, чтоб не слиплись при варке. Готовность как у пельменей: всплыли, минут 5 кипятить и вынуть, отцедив бульон.

Финальный шаг: разложить сочни на большое, не слишком глубокое блюдо, на них — кусочки мяса, полить луковым соусом, присыпать рубленой петрушкой, кинзой либо укропом. Бульон можно подавать в отдельных пиалах, присыпав зеленью, а можно и залить им общее блюдо с бешбармаком. Кушать, естественно, бешбармак горячим. Объеденье, а не блюдо!

Бешбармак творили в кухне, плов — на улице, и носилась Валиева меж ними аки коза горная дурная! Хотелось ругаться, желательнее — матом, но делать такое во время готовки — табу, пришлось смириться, помолиться и сделать, как положено — с любовью. Удалось!

Домна дивилась, следила и помогала по мере разумения, стараясь при этом крепко запоминать, что, зачем и почему — вдруг пригодится? Да на здоровье!

За прогулкой, готовкой, репетицией Ирина не заметила отсутствия хозяина, и только когда во дворе ближе к вечеру появился Митрий Селятович с незнакомым юношей, она «включилась».

— О, хозяин! Здравствуйте, герр Митрий — гаркнули норды, и попаданка обернулась.

«Да ёшкин кот, у них тут генетические эксперименты, что ли, боги ставят? Не мужики, а сплошные айдолы! Блин, была бы прошлая, комплекс заработала бы, точняк! Спасибо, Арина, за красоту твою, не иначе, божий промысел!» — подумала Валиева, глядя на мечту женщин всех времен и миров, а заодно, прости Господи, и пидо..., тьфу ты, представителей нетрадиционной ориентации.

Второй раз она потеряла дар речи! Перед ней стоял...наверное, ангел: высокий, несколько хрупкий на вид, белокурый кудрявый выюнош с синими глазами вполлица и коровьими (по длине и густоте) ресницами, тронутыми легким румянцем чуть загорелыми ланитами (не щеками!), изогнутыми луком устами...Дальше продолжать? Писаный красавец! Ирина зависла, но тут заговорил купец:

— Сын мой, Гнат, привез я его из монастыря ноне... Примите, люди добрые, наследника, обучите, не забижайте, единственный он у меня, кровиночка! А ты, Гнат, слушай парней, учись быть мужиком и ответ за себя держать! Пришло время взрослеть! С ними в Астархан пойдешь, попробуешь, почему фунт лиха, как денежки-то достаются! Хватит за теткину юбку держаться да дурью маяться!

Сказал — и был таков! Эйрин переглянулась с парнями. Сын купеческий глаз не опускал, толпу разглядывал с интересом, смущаться и не думал. Разговор начинать норды не

стремились, пришлось попаданке брать инициативу. И только она хотела открыть рот, как Гнат произнес (не поверите!):

— А чей-то вы тут делаете? — тоном киношного ловца бабочек.

И Валиева закатилась! Смеялась от души, до слез, приведя в полное недоумение всех присутствующих. Кое-как успокоившись, таки заговорила:

— Плюшками балуемся!

— А тятя баил, песни поёте! И что вас сам Добрыня на пир звал. Брешет, поди! Чтоб норды да спевали, да еще по-нашему? — явно нарывался пацан.

— А ты много нордов-то знаешь, что так говоришь? — раздался голос Ульва. — И песен наших не слышал, верно? Так чего языком мелешь, не подумавши? Отец что сказал? С нами пойдешь, так чего ж ты норов свой сразу перед незнакомцами показываешь, малец? Видать, гонору у тебя больше, чем ума! Таких гордецов море не любит, обламывает быстро! Не лезь в воду, не зная броду, так у вас говорят?

Внушительный вид Свенссона, поигрывающего мышцей и надвигающегося на уступающего ему в стати Гната, заставил паренька малость смутиться и сделать шаг назад.

Эйрин решила не доводить до греха:

— Гнат, Ульф прав, ты нас не знаешь, так стоит ли сразу такой тон брать? Или, думаешь, поругаешься с нами, и отец тебя дома оставит? И опять побежишь в монастырь, прятаться от докучливых девок, что охомутать тебя хотят? Ты же потому там сидел, я права?

Молодой купчик отвел глаза, дернул плечом, потом снова заговорил срывающимся голосом:

— Да что ты знаешь, пришлая? Девки. Да нужны оне мне! Я ж думал, ей музыка моя нравится, а она... — Гнат выпрямился. — Врут они все! Только и думают, что о богатстве тятином, а в уши дуют: «Гнатушка, соколик, сыграй на гусельках, потешь душу!». Я и рад стараться, мордофиля (дурак, да еще и чванливый)... Негораздок (недалекий)! Тятя мне дома на гусях играть не дает, говорит, не по чину сыну купеческому аки шуту гороховому струнами бренчать! А если душа требует?! Я ж не за золото в кабаках, я ж на уличных гуляньях играю, людям на радость, себе на утешение! И ученье его мимо не пропускаю, а он... Думал, хоть девкам игра нравится, а оказалось... Все одно — деньги..

Мальчишка смахнул выступившие слезы и отвернулся. Северяне переглядывались, но молчали.

— Вон оно что, Михалыч, — задумчиво протянула Валиева и вдруг ее осенило. — Гнат, соколик, а ты и взаправду на гусях играешь? Миленький ты мой, а где те самогудные-то твои? Или тятя их того? — Эйрин показала руками рубящие движения, мол, перевел инструмент на дровишки.

Вьюнош уставился на девушку:

— Ты смеешься, что ли? Зачем их рубить, они ж каких денег стоят! Просто отобрал... Сказал, пока ума не наберусь, не вернет.

— Ну, так пришло время-то! Ты теперь в наш хирд войдешь, значит, растешь! Уже ума хватило на то, чтобы правду сказать, так что тащи гусли быстрее! — Валиева аж прыгать была готова. Если парень не трепется, тоВау!!! Живем!!!

Гнат оглядел улыбающихся нордов, странно блестящую глазами девку в штанах, притоптывающую от нетерпения, на серьезно смотрящего на него иноземца, сидящего у горящего в углу двора костра с большим котлом над ним и махнувшего рукой, мол, иди, ждем. И пошел в дом уговаривать отца отдать инструменты. Не будет же он супротив гостей

выступать?

Часть вторая Глава 24

Пока хозяйский сын отсутствовал, попаданка занялась пловом: порезала полукольцами лук, бросила его в разогретый в котле (за неимением казана) бараний жир, порезала соломкой морковь и отправила туда же, потом закинула кусочки баранины и, помешивая, обжарила слегка. Добавила купленные по случаю зиру, куркуму (эх, шафрана не было!) и барбарис, залила небольшим количеством воды и оставила зирвак готовиться, велев Исмаилу присматривать, чтобы не пригорел. Рис ей промыла Домна и принесла в большой миске.

Тут вернулся Гнат с гуслиями, ДОМРОЙ и БАЛАЛАЙКОЙ!!! Ирина чуть не завизжала с радости!

— Вот, принёс...- смущенно протянул парнишка. — Видала такие?

Валиева машинально протянула руки к инструментам, но вовремя остановилась: всегда сама не любила, когда к ее баяну прикасались чужие руки. Ну, вот был такой бзик!

Купчик очень внимательно, даже настороженно, следил за чужачкой, и когда она, протянувшая было к инструментам руки, их не коснулась, внутренне расслабился и снова спросил, уже не так ершисто:

— Так знаешь, что это? Можя, и играть умеешь?

Ирина улыбнулась и ответила:

— Гусли у тебя яворчатые, если не ошибаюсь, девять струн, да? Домра на 4 струны, ну и балалайка... Всем владеешь, а предпочитаешь что?

Гнат удивленно распахнул глаза: а девка-то не проста! С лёту определила, хоть и пришедшая.

— Да я на всем могу! — гордо заявил юноша. — Лучше меня никто в Торговой стороне не играет!

— Так, может, тут и нет хороших музыкантов, а, парень? — подошедший Микола поддел гордеца. — Какие знатоки-то у вас есть? Девки невестящиеся да парни бездельничащие? Ты лучше покажь, на что способен, а мы послушаем. Так, парни? — он обернулся к хирду.

Эйрин ткнула брата в бок, мол, зачем провоцируешь? Микола же лишь усмехнулся.

— Гнат, прости брата, он по молодости да горячности... — попаданка поспешила смягчить сказанное. — Нам, правда, очень интересно, как ты играешь! Я-то вот только на вуэле немного бреньчу, а Дин-на нае играет. Остальные-только поют, услышишь еще. Если ты нам сможешь аккомпанировать — она заметила, что не то сказала, — ну, мелодию вести под голоса, это было бы чудесно!

Хозяйский сын, было вострепнувшийся поскандалить, поглядел на иноземку: брешет или всерьез? Нет, девка смотрела пытливо, но с надеждой и ожиданием.

— Ладно, сыграю, — примирительно ответил парень и сел на откуда ни возьмись появившуюся скамью, положил на неё домру и балалайку, а себе на колени-гусли. Закрыв глаза, немного посидел так и начал перебирать струны сначала медленно, а потом все ускоряясь в мелодии типа хороводной.

В наступившей тишине звонкие переборы струн звучали как переливы невидимого ручейка, превращаясь в бурлящий поток. Глаза гусяра были закрыты, а пальцы бегали по струнам вроде как сами по себе. Мелодия лилась, захватывая внимание слушателей своей необычностью и красотой.

Валиева слушала, и душа ее радовалась: Гнат был определенно талантлив! Хотя она сама и не слишком любила струнные, отдав сердце раз и навсегда баяну, но оценить мастерство исполнителя могла. Гнат не суетился, струны не рвал, чувствовалось, что он и инструмент-давние знакомцы, хорошие товарищи, поймавшие волну взаимопонимания.

А ведь гусли — не просто деревянный короб! Старинное изделие, дошедшее до наших дней практически в неизменном виде, бывает шлемовидным или крыловидным, а еще — лирообразным, имеющим игровое окно. Количество струн — пять, максимальное — четырнадцать, но может и больше. Техника исполнения на крыловидных гусях такова, что человек правой рукой задевает одновременно все струны. При этом левой нейтрализует лишние звуки. При игре на шлемовидных гусях исполнитель использует сразу две руки. Освоить этот инструмент крайне сложно!

Самые первые гусли были изготовлены из ствола явора (белого клена). Такие гусли еще называют звончатыми. Свое название гусли получили благодаря струнам, которые как бы гудели при переборе. Талантливые гусяры перебирали гусельные струны пальцами и никогда не пользовались медиатором, отсюда название «щипковые». На гусях музыканты играли сидя, в основном, хотя крыловидные и лирообразные при необходимости носились на ремне, упирая их в живот.

Металлические струны придают гусям особое, характерное звучание-громко, но очень мягко. Звучание этого самобытного инструмента завораживает с первых нот. Его звонкий, но в то же время нежный и мелодичный голос создает ощущение мира и покоя, если мелодия неспешная, и радости-если быстрая, игривая.

Гнат закончил играть, и попаданка первой захлопала артисту. Парень открыл глаза, увидел сияющий взгляд девушки и залился румянцем. В её восхищение он поверил сразу, а оглядев остальных слушателей, понял: эти видят его как МУЗЫКАНТА, а не выгодног жениха или приятеля.

— Когда при красоте такой играть ты мастерица, воистину назвать тебя царь-птица — широко улыбаясь, пропела Эйрин. — Гнат, ты не сокол, ты-орёл! Я серьезно! Скажи, а ты как учил-то мелодию? По нотам или на слух?

Купчик смутился еще больше, щеки его пылали, что вызывало улыбки у взрослых северян, которые окружили его и смотрели доброжелательно и заинтересованно.

— Не знаю, о чем ты..-пролепетал артист. — Я услышу песню, а руки-то сами по струнам гуляют. Какие ...ноты?

— Значит, на слух...И на домре также? — парень кивнул. — Ну, сокол ясный, тебя нам Бог послал!

Эйрин потеряла ручки: ей снова повезло! И певцы-то у неё супер, и аккомпаниатор-талантище! Ух, и развернется ее натура песенная!

— Так, Микола, напой ему «Душеньку» и еще чего! Гнат, послушай и сам реши, что из твоих инструментов к какой мелодии лучше подойдет. Ребята, и вы помогите! Я пока свое доделаю, потом вместе будем пробовать!

Послушные норды обступили ошарашенного гусяра, и Микола, потом Свен, Ульф, остальные начали по — очереди петь свои арии, а Гнат слушал, задумывался, просил следующего. Короче, процесс пошел.

Раздав задания, вдохновленная попаданка вернулась к плову: наступил черед риса. Высыпав его в котел, Валиева сбегала за кипятком на кухню, залила смесь горячей водой на

два пальца, посолила, воткнула в середину слегка очищенную головку чеснока и накрыла котел большим глиняным блюдом, за неимением крышки, наказав Исмаилу убавить огонь до минимума. Свобода попугаям!

Теперь пойдет писать губерния! С Гнатом-то оно куда веселее будет!

Часть вторая Глава 25

Следующие пару часов во дворе купеческого дома попеременно звучали голоса певцов и струнные мелодии, которые периодически сливались в единый ансамбль.

Гнат был самородком с уникальным слухом и навыками: любой напев он схватывал налету и воспроизводил с потрясающей четкостью и своеобразием.

— Ты умеешь импровизировать, — заслушавшись, опять брякнула непонятное для окружения слово Эйрин. — Ну, то есть, можешь вести и правильную мелодию, и дополнять ее своими деталями...Ну, ты понял, да? — Валиева стушевдалась от собственного умничания, но, слава богу, возбужденный музыкант, как и слушатели, увлеченные совместной работа вроде не обратили внимание на ее неуместную словоохотливость.

Действительно, прослушав напев, купчик некоторое время задумчиво сидел, потом брал то гусли, то домру, то балалайку и играл доведенный до слуха мотив. Это было необыкновенно точно и, главное, почти не вызывало разночтений с тем, что попаданка сама бы использовала в качестве аккомпанемента.

Фаворитом у Гната, определенно, были гусли, но и два других инструмента не были в его руках чужаками. Следует отметить, что хоть названия и внешний вид (корпус домры и гриф создают из древесины, обычно это клён или палисандр) обоих струнных был различным, суть их и звучание были похожи. Разве что округлая домра-прародительница балалайки, как утверждали некоторые учебники по истории музыкальных инструментов, в имеющемся варианте звучала глубже, что ли.

4-хструнная домра имеет скрипичный строй. Это позволяет исполнять на ней репертуар для скрипки и мандолины. Четырехструнные с квинтовым строем распространены как национальный инструмент в Беларуси и на Украине, тогда как в России традиционно домры были 3хструнными. Туго натянутые струны дают звонкий, сильный, но быстро затухающий звук с бархатистым теплым оттенком. Уж как эта южанка оказалась в доме новгородского купца, Ирина не стала интересоваться-зачем? Главное, что владелец умел ею пользоваться, а хор получал от того несомненную выгоду.

Балалайка немного отличалась от привычной: края ее треугольной формы угадывались, но были более округлыми, а нижняя часть имела некоторую кривизну. Впрочем, звучала малышка также звонко и задорно.

Для выступления у юбиляра хормейстер нордов не стала особо мудрствовать над репертуаром, просто прогнала с парнями все, что они уже знали, дополняя голоса струнными вариациями. Но мальчики вдруг проявили инициативу.

— Эйрин, ну что мы все знакомое-то повторяем? Давай чего новенькое! — протянул варяжский баритон Ульф.

— Ребята, да я с удовольствием, но времени-то — пшик! Вы слова за несколько часов выучить сумеете? — растерянно пробормотала Валиева. — Есть кое-что, что мне бы хотелось с вами попробовать...

— Эйрин, ты не волнуйся, с мелодией-то мы быстрее запомним! — убеждал ее хирд.

И Валиева решилась. Еще когда она днем бродила по Софийской стороне и рассматривала церкви, в голове навязчиво крутилось: «Вечерний звон, бом-бом...» У неё аж мурашки по коже забегали, когда она представила, КАК это может звучать в исполнении мужской а-капеллы, сопровождаемой переливами балалайки... Если она, Микола и Ульф

споют по несколько строк, а закончат вместе, в то время как парни будут фоном «бумкать»... Должно получиться!

Хирду понравилось, Гнат нашел вариант легкого аккомпанемента, тенор с баритоном усердно повторяли свои строки... И тут подал голос Исмаил:

— Эйрин, пилав готов!

Ответом был протяжный вроде недовольный стон, вызвавший у попаданки смех: любившие покушать норды были раздосадованы необходимостью прерваться! Но поесть и, правда, было нужно: день давно склонился к вечеру. Как говорить, время пить, а мы не ели!

Ужин прошел в теплой дружеской обстановке: выложенные на самые большие блюда бешбармак и «пилав», исходившие потрясающим ароматом и услаждавшие взор необычным видом, дополненные соленьями и медовухой, были моментом разобраны по тарелками и исчезли в желудках едоков с крейсерской скоростью.

Особо наслаждались принц и Исмаил, хозяин с сестрой и Гудрун! Первые были готовы вылизать и тарелки, и котелок до блеска языками, вспоминая родину, хозяева обнаружили, что странное сарацинское зерно, оказывается, очень даже приятное на вкус, а уж сладкая баранина, уммм! Гудрун больше всего понравился бешбармак, в котором мясо упарилось до состояния кашицы, лук был сочным, а бульон с кусочками теста просто не задерживался между зубов и так уютно ложился в животееее...

Короче, в адрес Эйрин демонстрировались большие пальцы, неслись довольные хмыки и громкие звуки отрыжки... ООООО!

Домна на кухне торопилась записать рецепты, понимая, что такого опыта ей более не доведётся получить. Хорошо, что сын ходил в церковную школу и мог со слов матери сохранить в толстой амбарной книге всё, что она и помощницы диктовали! Ну и пусть с ошибками, главное, точно!

С новой песней провозились до сумерек, но ребята были очень довольны, хоть и слов у большинства не было. Пока Ирина добивалась глубины звучания фона, ей по ушам бил чей-то бас сбоку. «И кто это у нас такой тяжелый?» — пыталась она уловить, пока не вычислила. Нибо!

Мясник пристроился позади всех и скромненько так тянул густотой «БОООМ-БООМ».

— Хенрик, а ну-ка выйди вперед, дорогой! — сладенько протянула Эйрин.

Парни оглянулись и заулыбались, глядя как покраснел здоровенный детина.

— Иди-иди, чего мнешься! — подбодрил сотоварища Ульф. — Не съест тебя Эйрин, сыта уже!

Норды дружно заржали аки кони, а потупившийся пришелец вышел к хормейстеру.

— Хейни, голубчик, а ну-ка, повтори за мной-сказала Ирина и пропела гамму, которой обычно распевались перед выступлением артисты.

Мужик повторил, и Валиева внутренне возликовала: «Эврика! Вот и бас есть, да какой!» Точь-в-точь Борис Штоколов!

— Так, Нибо-младший, я тебе напою куплет, а ты постарайся запомнить и повторить! — И попаданка запела свою любимую «Гори, гори, моя звезда». Этот романс она еще не исполняла, потому как даже с ее нынешними возможностями терял он часть очарования-всё-таки под мужской голос писался...

Жертва женского властолюбия сосредоточенно пожевал губами, откашлялся и ЗАПЕЛ! По влажному от вечерней прохлады воздуху полился мощный напев тоскующего по прошлому сердца. В звучании сильного голоса слышалась боль потерь и последняя надежда много пережившего человека..

Гори, гори, моя звезда.
Звезда любви приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.

Хенрик, осознавая смысл романса, так погрузился в его исполнение, что следовал за Ириной как телок на веревочке, а она пела новое четверостишие вполголоса, только чтобы слышал Нибо и повторял..

Норды не издавали ни единого звука, пока вновь обретенный член команды послушно выполнял задание Эйрин, следя за ее руками и лицом, требовавшими то приглушить, то поднять тон, сделать вдох или тянуть напев... Гнат включился, помогая домрой певцу вести мелодию.

Когда пара закончила исполнение, к пребывающему в некоторой прострации соплеменнику подошел Ульф Свенссон и от души хлопнул бывшего трактирщика по плечу:

— Ну, как говорит Эйрин, нашего полку прибыло! Хенрик, ты теперь часть поющего хирда Густафссона! Хорош у тебя голосина! Да очнись уже, парень! Иди, присядь, слова повтори, завтра сорвешь... Эйрин, как там? Джжжж..

— Джек-пот! — смеясь, подсказала попаданка. «Вот, научила плохому, дуреха иномирная».

И опять во дворе грохнул богатырский хохот! Прифигевший от собственных талантов Нибо действительно добрал до скамьи и сел-ноги новоявленного солиста не держали..

А Микола снова потребовал, чтобы Эйрин дала им задание:

— Сестра, повеселее бы надо чего, так, чтобы уухх!

Валиева смотрела на вдохновленные физиономии нордов и, махнув рукой, запела «Калинку».

До ночи парни учили удалую песню, благо, на долю основного хора достался припев, а ведущие слова, конечно же, схватил Микола. Гнат на балалайке аккомпанировал, получая не меньшее, чем остальные, удовольствие. Ирина же добивалась от мужчин того, незабываемого, исполнения, которым славился в ее прошлом хор Александра: чтоб и тише, и быстро, и с увеличивающейся по нарастающей громкостью, и с присвистами... Получилось, черт побери!

Часть вторая Глава 26

Утро следующего дня в доме купца Седого было хлопотным и нервным. И участники будущего концерта, и слуги с хозяевами, знавшие о предстоящем выступлении гостей у известного именинника, испытывали легкое возбуждение, но старались вести себя спокойно, готовясь к визиту со всем тщанием и серьезностью: мылись, чесались-брились, меряли одежду, переговаривались, строя догадки и успокаивая друг друга — шутка ли, первое публичное выступление!

Норды посмеивались, но было видно-волнуются. Даже Микола, обычно довольно уверенный в себе парень или Ульф, гордящийся своим голосом и репертуаром, нет-нет да и «зависали», впадая в немоту и растерянность. Гнат, одетый как на свадьбу — в атласной вышитой косоворотке лазоревого цвета, в новых портах и сапогах, с расчесанными до блеска волнистыми волосами, — так и вовсе наматывал по дому и саду круги, что-то бубня под нос и сжимая и разжимая кулаки.

Время перевалило за полдень, когда Митрий Селятович с Доброгневой, выйдя в сад, где уже собрались доведенные до пика напряжения северяне, объявил:

— Ну, парни, пора! Слуга от Званова прибежал, ждут нас! Идемте, с Богом!

И толпа, глубоко вздохнув как один человек, вывалилась на улицу, взяв курс к усадьбе юбиляра.

Зрелищедвигающегося по неширокой, в общем-то, улице отряда рослых, плечистых светловолосых раздетых нордов, возглавляемый синеглазым красавцем, иноземцем в долгополом белом невиданном одеянии со странным платом на голове и идущей меж ними молоденькой девкой с чудными косицами вместо привычной одной, в облегающем платье с узкими рукавами и разрезами по бокам, сквозь которые при ходьбе просматривались длинные ноги в штанах и сапогах, естественно, привлекало немало зевак.

— Глянь, идут, идут! Ой, хороши молодцы! Прямо как по одному образцу кроеные! — перешептывались стоящие по сторонам, у домов и заборов, бабы и девки, в открытую обсуждающие проходящих. — И где ж таких родят-то? Эх, была б моложе-то, ойии...

— Да куда тебе, Лушка! Рази ты с ихней-то девкой сравнишься? Вишь, кака краля: глазами зыркает, только что искры не летят! А ноги-то, ноги, аж от ушей...И одета не по-нашему, глянь, в обличку, хоть и прикрыто все, а стать-то видна! Чудна одежда, а на голове-то ейной чегось?

— А йентот-то, в белом? Чернявый, очи-то какие, аж душа замирает! Домна баила, с пустынных земель он, где воды на дни пути не бывает! Свинину не ест, так девка их ему такиие каши готовит, что язык проглотить можно! Кума-то обещалась, как научится, так попробовать даст!

Эйрин слышала, как оценивали их хирд местные кумушки, но старалась не реагировать, хотя в голове, вызывая улыбку, крутилась фразочка: «Кричали женщины «ура» и в воздух лифчики бросали!».

Она тоже нервничала: несмотря на опыт публичных выступлений, такого масштаба здесь еще не было. И не по количеству будущих слушателей, а по качеству, что ли. Хору предстояло дать заказной платный концерт! Ирина Михайловна отдавала себе отчет о последствиях успеха и провала... Впрочем, последнее вряд ли, но, кто знает? Её мальчики — любители, а тут — большие люди и большие деньги, значит, и гонор может быть немалый...

«Всё будет хорошо! — повторяла она как мантру. — Возьмем новизной дерзостью, а завтра уйдем, и поминай как звали! Все получится!»

Этим утром она успела принять тонизирующий душ (ну, облиться прохладной водой да растереться), осмотреть всех парней на предмет нарядов, причесок, душевного состояния, немного попеть с ними гаммы(распеться), переговорить с мечущимся Гнатом и внушить тому, что лучше его и нету, успокоить трясущегося как телячий хвост Хенрика, пригрозив в конце концов отправить обратно к жене, если не прекратит труса праздновать, пообнималась с Миколой и Ульфом, подбадривая их и себя заодно, получила высокопарную поддержку от принца и горячий, полный ласки и уверенности взгляд Эйвинда, от чего чуть не поплыла сиропом сахарным душенька её...

Одевалась в последний момент и была чуть с ног не сбита сюрпризом: новым платьем необычного покроя, брюками и обувью!

Оказалось, что Гудрун с Доброгневой и сенными купеческими девками за день и ночь пошили ей обнову в традициях нордов: тонкую льняную ткань богатого кирпично-рыжего окраса дала тетка Гната, брюки приготовила Гудрун, вышивку простую, но к месту сделала Стеша, компаньонка Доброгневы, сапоги до колена почти, мягкие, удобные получила Эйрин от Митрия, длинные золотые серьги с топазом — от Эйвинда с отцом, и пара золотых же браслетов- от Аладдина.

Ирина чуть не расплакалась, когда это великолепие увидела лежащим на кровати. Надела и опять готова была пустить слезу-село все как влитое! Небольшое зеркальце продемонстрировало красивую молодую русоволосую девушку с яркими глазами, сочными губами, напрашивающимися на поцелуй и алеющими щечками...Фигурка тоже радовала глаз-где надо, кругленько, где надо-ровненько, шея длинная серьгами подчеркнута, талия тонкая...Хороша!

— Это...это — заикаясь, паданка пыталась высказать благодарность..

— Эйрин, то наш общий тебе подарок! — веско проговорила Доброгнева. — Обещала я тебе наряд, да Гудрун остановила. Нет, я платье-то тебе отдам, на память, а вот сейчас права твоя тетушка: ты северянка, значит, и одета должна быть по вашим правилам, так вернее будет.

Растроганная Эйрин по очереди крепко обняла всех дарительниц, а мужчинам решила сказать спасибо после. Гудрун довольно улыбнулась, оправила платье темно-коричневого цвета и поверх Надела связанный Ириной жилет, сразу превратившись в гордую вельву: спина прямая, взгляд уверенный, подбородок чуть приподнят...Знай наших!

Доброгнева рассмеялась, и женщины, исполненные достоинства, присоединилась к остальным ожидавшим отправки купцовым гостям.

Теперь осталось начать и кончить, как говорится! Ну, ни пуха, ни пера!

Дом юбиляра не узнать было невозможно: у распахнутых ворот стоял сам хозяин в компании своей молодой копии и приветствовал подходящих к дому разного калибра и масти мужчин и редких числом — взрослых женщин.

Добрыня Званыч, заметив толпу нордов, вышел им навстречу, широко разведя руки и довольно улыбаясь.

— Ждем, ждем только вас, ребяташки! Сын мой, Мирослав, проводит, место покажет, людей представит, а я пойду, отдам распоряжения, чтобы начали угощение подавать, остальные уже внутри. Заходите, дорогие!

Двор, скрытый со стороны улицы высоченным забором, оказался большим, мощным, с одной стороны ограничен зданием дома в виде буквы «Г», с другой, куда и повел северян сын хозяина, переходил в приличных размеров... поляну, что ли, обсаженную садовыми деревьями и (похоже) ягодными кустарниками; далее просмотр перекрывал плетеный шпакетник — огород, наверное, еще имелся. Кто знает? И на этой поляне стояли длинные столы со скамьями по обеим сторонам, покрытые полотнищами, исполняющими функцию скатертей, и прикрывающими, скорее всего, грубые доски сидений.

«Явление Христа народу» в лице новой порции гостей на мгновение превратило кучки приглашенных, тут и там стоящих по всему двору и ведущих неторопливые беседы, в соляные столбы, потерявшие дар речи. Было с чего онеметь: четыре десятка плечистых северян, чужестранец «весь в белом, элегантный как рояль», бесстыжая девица в штанах и с невообразимой прической, обвешанный инструментами скандально-известный мальчишка Седой, сурового вида высокая старуха с острыми глазами... И ведущий со всем почтением эту группу «товарищей из райкома» старший сын хозяина с непередаваемым выражением лица: вроде и уважительно, но и непонимающе — чего это отцу в голову взбрело столько чужаков на пир притащить?

Эйрин, да и остальные из компании Густафссона, прятали улыбки, понимая, что уже произвели впечатление на будущих слушателей. Однако молчаливо кивали всем подряд, мол, приветствуем, и шли, куда указано. Через несколько секунд во дворе возобновились шепотки и разговоры, а хирд определился с рассадкой за двумя столами на краю «поляны». Митрий с Доброгневой отстали по дороге: купец присоединился к одной из «троек», а тетку Гната увела в сторону небольшой кучки женщин в дальнем углу двора невысокая дородная дама в парчовой душегрее и кике, видимо, жена хозяина.

Мирослав, выполнив задание, ретировался в направлении дома, откуда уже шел сам юбиляр, зычно обратившийся к гостям:

— Дорогие гости, друзья мои! Присаживайтесь за столы, как удобно будет, позвольте угостить вас, чем бог послал! Не обессудьте, ежели что не так! Разделите со мной трапезу по случаю шестидесятой годовщины моего топтания по земле предков!

Пока гости рассаживались по одной им ведомой системе, Эйрин смогла немного оценить публику, как делала и раньше: без настроя на слушателей выступление невозможно. Отметила, что основной «контингент» — это представители купечества, уж больно классически они выглядели: разной степени полноты и роста стриженные «под горшок» бородатые мужики примерно 40–60 лет, одетые в косоворотки или рубахи со «стоечкой», широкие, заправленные в начищенные сапоги, шаровары, через одного полосатые,

разноцветные жилеты со свисающими из боковых кармашков часами(?) и сюртуки темных расцветок, но, даже на первый взгляд, из дорогих тканей — сукна, шерстяного крепа, льна, кажется.

Однако заметила Эйрин и несколько кавалеров в «европейском платье» (по ассоциации с «Гардемаринами»): камзолы атласные, кюлоты, башмаки с пряжками, блузы с жабо, скрепленными камнями или золотыми булавками, волосы зачесаны назад и собраны в низкие хвосты. «Официальные лица?»-подумалось Валиевой. Ну да, Митрий намекал на подобные связи юбиляра.

Разглядеть представительниц прекрасного пола попаданке не удалось: стол, за которым немногочисленные дамы присели, был фактически спрятан за густыми кустами и виднелись лишь покрытые платками да повязками головы купчих. А кого же еще?

Пока иномирянка разглядывала гостей, Добрыня Званыч обошел столы с размещающимися за ними гостями и пригласил нескольких, среди которых оказались Эйвинд с Эйриком и польщенный такой честью Митрий Селятович (Алладин вежливо отказался, сославшись на свое инкогнитое-хаха), за отдельный, хозяйский, стол, споро установленный слугами перед остальными, и началось гастрономическое дефиле.

А как еще назвать череду одинаково одетых парней с огромными подносами, бесконечным потоком выходящих из неприметной дверцы дома и устанавливающих на столы блюда с осетрами, молочными поросятами, судаками, запеченными в сливках, щуками, тушеными с квашеной капустой, жареными карасями, мисками с солеными грибами, огурцами, тушеной с луком свеклой, моченой брусникой, тарелками с салом, бужениной, копченым мясом, противни с холодцом, тельным из рыбы (рубленая рыбная мякоть типа котлет), сульчинами, мисочки с хреном, кувшины с квасом и медовухой, штофы с водкой(!), пустые чарки, кружки, рюмки, «стаканы» с ложками, вилками, тарелки перед каждым едоком... Ребята заполнили столовое пространство оперативно и аккуратно, а потом разнесли и порционные блюда: щи из крошева, понятное дело, по желанию-уху или лапшу куриную, разлили напитки и обнесли гостей пышным свежим хлебом, нарезанным ломтями-ржаным и ситным пшеничным.

Пока официанты суетились, Валиева вспомнила описание пира у Ивана Грозного по случаю завершения строительства храма Василия Блаженного или Покровского собора на Рву, в прочитанной еще в детстве книге, кажется, «Зодчие», и автора которой позже она так и не могла вспомнить. В ее жизни было несколько таких потерь: прочитала, понравилось, а найти заново-увы. Как отшибало! И даже сеть не помогала..

Так вот, там перечислялись кушанья, которыми царь-батюшка потчевал бояр и строителей, занявшие в книге чуть ли ни страницу. И чего только не называлось! И шти пяти наименований, и ухи разные, и языки соловьиные, и лебеди жареные, и головы щучьи с чесноком, и огурцы, вареные в меду, и пряники, и кулебяки, и пироги с вязигой...

Да много чего, что поразило тогдашнюю Ирочку! Особо запомнилось, что перемены блюд следовали так быстро, что главный герой даже попробовать не успевал, как тарелку уносили, а сосед посмеивался над наивняшкой, мол, не торопись, сидеть нам тут часа четыре, обожрешься еще. Так и вышло!

Глядя на заставленный разносолами стол, Валиева ощущала, что нечто подобное пиру в книге переживает сама в этот момент, только в другом мире: разносчики также наполняли тарелки, заменяли несъеденное, подкладывали закуски, освежали напитки после каждого

тоста в честь юбиляра, подносили все новые блюда.

Короче, пир горой длился и длился, животы едоков готовы были развязаться, как и языки захмелевших гостей, солнце, к счастью, неяркое, ползло по небосводу к горизонту, отмеряя своим положением проведенное на банкете время.

Ирине удалось попробовать всего понемногу, поддерживая здравицы медовухой, хотя, стыдно признаться, хотелось водки! Ну, правда, чего хлебать слабенький медок, когда на столе обалденные грузди, розоватое мягкое как масло сало, холодец на натуральных говяжьих бульонках высотой сантиметров 15, ноздрястый хлеб...УУМММ! Слюной захлебнуться, как представишь обжигающую небо и язык горечь спирта, растекающегося теплом позже по горлу, захватывающую дух крепость, перебиваемую втянутым после выдоха запахом хлеба с салом или соленостью крепенького груздя, или хрусткого огурчика...

Валиева сдерживалась долго, но когда раскрасневшийся от поздравлений и выпитого Добрыня встал и объявил, что хочет порадовать гостей необычным зрелищем, выразительно глядя на нордов, махнула рукой и хряпнула чарку самолично налитой водки под ошарашенными взглядами хирда и вельвы, сидящей рядом!

— Для куража! — пояснила она свое действие парням, закусывая вожделенным огурцом подзабытую и, честно, непривычную на вкус местную пьянящую влагу, довольно-таки крепкую, поскольку, несмотря на съеденное, повело малек хормейстера, да... — Хорошо пошла!!!

«Шахерезада Степановна, вы готовы? — хихикнула про себя попаданка. — Я готова!» — пробасила она же, подражая кукольной примадонне. И вышла из-за стола. Пора!

— Парни, подъем! — тихо сказала и, расправив плечи, пока хористы выстраивались за ее спиной в оговоренном порядке, а Гнат — на передней скамье с инструментами, окидывала внимательным взором разворачивающуюся в их сторону публику.

«Ну что, гости новгородские, не ждали? А мы приперлись! Щас споем, мать вашу! И полетят клочки по закоулочкам! От винта!»

Ирина Михайловна никогда не придерживалась строгого плана выступлений, полагаясь на собственное вдохновение и настроение публики, поскольку считала, что всегда есть место случаям, которые предусмотреть невозможно. Она выходила на сцену, держа в голове последовательность номеров, и изменяла её в зависимости от конкретной ситуации.

Ирине бог дал не только голос, баян и неисчерпаемый (почти) репертуар, но и эмпатию в купе с подвешенным языком, позволявшими чутко реагировать на колебания эмоций слушателей, заполнять паузы между песнями конферансом, поддерживать интерес зрителей шутками, афоризмами и прочей словесной мишурой, переходя от номера к номеру максимально плавно, как бы рассказывая историю. То есть, для Валиевой импровизация была необходимой составляющей ее выступлений: не просто спеть несколько песен, а поставить спектакль!

Вот и сейчас она чувствовала, как в душе поднимается желание сыграть пьесу на тему... Ну, допустим, «Жизнь человека от рассвета до заката».

Попаданка встала перед занявшими свои места северянами, глубоко вздохнула, настраиваясь на нужную эмоциональную волну, и обратилась к сидящими в явном ожидании чего-то необычного гостям:

— Уважаемые господа и дамы! — сделала кивок в сторону вытянувших шеи из-за кустов женщинам. — Настал момент удовлетворить ваше любопытство, которое, несмотря на прекрасный обед и здравницы в честь дорогого юбиляра, — изобразила легкий поклон хозяину, — так и плещется в глазах большинства из присутствующих. Я права? Думаю, сидели вы и гадали, отдавая должное угощению: «И чего это хозяин столько нордов незнакомых на пир притащил? Глянь, сидят наравне с нами, закусывают, юбиляра не чествуют. Непорядок!»

Эйрин окинула взором столы и под ее взглядом одни гостюшки глазки-то вниз опускали, а другие ухмылялись. Добрыня же оглаживал бороду и лукаво шурился.

— Мы, хоть и иноземцы, но понятие имеем — на праздник без подарка не являются! Наш — не золото-серебро, не меха, не дичина, не лалы-яхонты, то, что увидеть нельзя, а удивиться — можно! «Поющий хирд Густафссона» представляет! В честь уважаемого юбиляра Добрыни Званова — единственный концерт!

Эйрин дала парням знак, те поклонились, приветствуя хозяина уже как исполнители, и девушка продолжила:

— Мы — гости, поэтому представимся, если кто-то о нас не знает. Ульф!

Тенор вышел вперед, и в саду зазвучала ария «Нордского гостя», сопровождаемая низкими переливами гуслей Гната (еще зимой Эйрин заменила в тексте «варягов» на «нордов» и «нордманов»):

От скал тех каменных у нас, у нордов, кости,

От той волны морской в нас кровь-руда пошла.

А мысли тайны от туманов,

Мы в море родились, умрём на море.

Слушатели онемели и напряглись, а Эйрин снова заговорила:

— Земля у нас сурова, поэтому и характеры наши непросты. Однако, мы-такие же люди, как и все, ничто человеческое нам не чуждо. Проводя много дней в морях и походах, мы

ценим дружбу и братство, а еще — песню, потому что:

Легко на сердце от песни веселой, Она скучать не дает никогда. И любят песни деревни и села, И любят песни большие города.

Хор выучил «Марш веселый ребят» во время зимовки в Клайпи, и теперь ребята с радостью подхватили предложение Эйрин. Гости заулыбались, Эйрин продолжила:

— Норды, как, думаю, и некоторые из присутствующих, часто бороздят водную гладь. Что же думается нам там, в далекой синеве? — сделала мах рукой, и парни запели песню "Любэ":

"Синее море, только море за кормой
Синее море, и далёк он, путь домой. Там за туманами, вечными, пьяными,
Там за туманами берег наш родной"

— Дом родной — источник жизни и силы. Здесь ребенок, появившись на свет, начинает свой жизненный путь, знакомясь с миром, выбирая направление движения и применение своим способностям и талантам. И в начале этих поисков ему помогают не только родители, но и первые друзья.

"Если с другом вышел в путь,"

Бодрая детская песенка в исполнении взрослых парней вызвала широкие улыбки у сидящих на скамьях, стоящих в разных углах поляны гостей и прислуги. Эйрин уже поняла, что купцы увлеклись выступлением. Это радовало и вдохновляло!

— В детстве маленькие человечки подражают старшим, слушают взрослых, рассказы которых помогают им познавать мир. А еще дети верят в чудеса и любят сказки, правда? Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит... Сказочные герои сражаются со злом, ищут клады, путешествуют в неизвестные дали. Ребенок начинает мечтать, улетая в своих снах все выше и выше. А если и сказочные жители поют о таком...

Эйрин помахала Эйрику, мол, отец, твой выход! Эйрик встал из-за стола рядом с хозяином банкета и прямо там запел: «Я водяной, я водяной...».

Рыжий здоровяк так уморительно рассказывал историю несчастной болотной нечисти, так проникновенно жаловался на тяжелую жизнь предводителя подводного дворянства, закатывая глаза, поглаживая живот, смахивая невидимые слезы досады, что шквал аплодисментов обрушился на артиста сразу после завершения последней ноты.

Купцы вытирали слезы, хохотали, вздыхали и приговаривали: «Ой, не могуууу! Водянооооой, летаать... Фух, насмешили!». Ладони слушателей и ранее приходили в движение, показывая удовольствие от услышанного, но выступление солидного моряка их покорило. Гости заерзали, предвкушая продолжение концерта. Им явно нравились и песни, и конферанс Эйрин.

И попаданка повела историю дальше. Она говорила о взрослении, поиске себя, новых знаниях, и хор пел:

А ну-ка, песню нам пропой, веселый ветер, Веселый ветер, веселый ветер!

Ребята так задорно повторяли припев, что некоторые слушатели подхватывали «Кто привык за победу бороться», пусть и ошибались, другие притоптывали в такт, а Микола, ведущий главную партию, размахивал руками и помогал хирду всем своим существом! Это было воистину коллективное исполнение!

Потом Эйрин заговорила о чувствах, переживаниях, о первой любви, рано или поздно испытываемых людьми, независимо от пола или национальности, о сладком томлении, взаимности и, иногда, о разочарованиях и обидах, что тоже является частью становления личности. Сопровождали ее слова о любви их с Миколой дуэт «Ах ты, душечка, красна

девица», о трудностях и коварстве любимой — шутливая «Ты ж мене пидманула», о страданиях девушки — «За рекой, за лесом».

Развивая мысль о чувствах, Эйрин подвела всех к теме семьи и брака(ха-ха), и пришло время для знаменитой: "Ой, мороз, мороз.."

Вели Микола и Ульф: один начинал, второй вступал на второй строке, а парни хором — с третьей. Получалось так лирично и красиво, что гости, очарованные мелодией, начали раскачиваться, словно ковыль под ветром, в такт песне. Аккомпанемент Гната добавлял душевного размаха, и Эйрин почувствовала-надо выпить!

Когда хор, следуя ее указаниям на снижение тона, смолк, Валиева заметила, что желание выпить посетило не только ее: гости заметались по столам в поиске горячительного. Ну, нельзя в этом препятствовать, правда же?

— А не выпить ли нам по рюмашке? — неожиданно (для других!) громко предложила попаданка. Мгновение стояла тишина, потом застолье огласилось громовым хохотом довольных мужиков, уже откровенно тянущихся за чарками и кружками. Официанты помогали, и вскоре Добрыня Званыч взял слово:

— Ну, девушка, ну, молодец! Мы, хоть и не поем, но горло промочить рады, поскольку от удовольствия вас слушать рты открываем, они и сохнут! — гости подтвердили сказанное хмычками и выкриками «Верно! Так и есть!». — И хирду квасу или? — он выразительно посмотрел на северян.

За всех ответил, конечно же, Ульф:

— Хозяин, да разве от квасу наши голоса зазвучат громче? Мы ж не дети малые, покрепче чего неси, да, парни? — обратился он к ватаге.

— Да уж, какое веселье без огня в крови! — ответил Ларс Тор, и остальные хористы дружно закивали.

Добрыня сделал знак официантам, те споро наполнили кружки и обнесли северян. Эйрин, затеявшая безобразие, получила рюмашку водки и беззлобно-показательное покачивание пальцем от Эйрика(мол, смотри у меня, бедовая!). Валиева улыбнулась:

— Ох, горлышко пересохло, язык призамялся...Надо промочить! Здрaвы будьте, люди добрые! — подняла рюмку, обвела ею всех присутствующих в тосте. — Дай бог не последнюю, а последнюю-не дай бог! — и одним глотком опустошила сосуд, закусив поданным мальцом огурчиком.

Действие ведущей было подхвачено остальными и сопровождено выкриками: «Молодец, огонь-девка! Вздрoгнем, братие! Здравия всем!». Эйрин глянула непроизвольно в сторону Эйвинда, и ее обжог его горячий, наполненный восхищением и любовью (верно же?), взгляд, пока капитан пил свой напиток. Попаданка вспыхнула и смущенно опустила глаза. «Мама дорогая, Ирина, держи себя в руках!»

Концерт продолжило рассуждение о превратностях судьбы, о трудностях на жизненном пути, подстерегающих любого, и иллюстрацией с этой сентенции стала нравящаяся парням казачья:

Ой, то не вечер, то не вечер... Мне малым-мало спалось, Мне малым-мало спалось, Ой да во сне привиделось.

Начинал Микола, ему помогал Ульф, и далее вступали хористы. Драматичное повествование не оставляло равнодушным никого и никогда, Ирина знала по опыту прошлой жизни. Брала песня за душу, аж до дондышка доставала! Слушатели так прониклись историей, что из-за кустов послышалось женское всхлипывание...

За ней парни (сами!) завели «Из-за острова, на стрежень». У Ирины сердце зашло — вдруг чего? Про атамана ведь, считай, крамола? Но, судя по реакции, имя героя здесь было неизвестно, и у слушателей негативом не отозвалось, а песня трогала: лица посуровели, губы сжимались в гузку... Финал так и вовсе некоторых разозлил, несмотря на преимущественно мужскую аудиторию.

— И почто бабу загубил? — раздалось со стороны одного из столов. — Растревожили душеньку! Ты уж прости, Добрынюшка, но не могу стерпеть! Пусть и твой день ныне, но, опосля такого, вспомнились мне ушедшие, безвинно страдавшие. А посему, помянуть хочу всех сродственников. Братие, поддержите! — закончил со слезами на глазах ближний к хозяину гость, солидный купец с проседью в волосах и окладистой бороде. Он налил себе в чарку водки, его примеру последовали остальные и юбиляр.

— Помянем рабов божих, ушедших от нас в царствие небесное! — перекрестился и выпил залпом, не закусывая. — Не вижу в том греха! С небес смотрящие на нас не осудят, а песней такой им память вечная.

Валиева, не ожидавшая подобной реакции, молчала. Молчали и северяне, переглядываясь. Вот она, великая сила искусства!

Говоривший купец присел, опустив голову, а через минуту, тряхнув шевелюрой, окликнул Эйрин:

— Милая, а давай еще чего-нибудь?

Попаданка кивнула. Желание клиента-закон!

Живое-живым! Всяко бывает в жизни: и обретения и потери. На ошибках учатся, достижения помогают двигаться вперед. Но рано или поздно каждому приходится задумываться о себе. Думаю, все здесь через такое проходили. Размышления одолевают, особенно темными ночами, когда мир затихает, а вот мысли — нет. Тогда смотрят люди в звездное небо и рождаются у некоторых такие песни. Хенрик, твой выход!

Из рядов вперед вышел смущающийся от направленных на него взглядов знакомых Нибо-младший, а Гнат взяв домру, заиграл вступление. Пару минут бывший трактирщик стоял, готовясь, сосредотачиваясь, и тишину ожидания и непонимания разрезал его густой бас:

Гори, гори, моя звезда.

Звезда любви приветная!

Ты у меня одна заветная,

Другой не будет никогда.

Ирина стояла напротив певца, помогая ему не сбиться мимикой, беззвучным суфлированием, направляя пение движением рук. Гнат, в свою очередь, вел мелодию фоном, заполняя струнным аккомпанементом паузы для вдохов баса. На сад опускались сумерки, воздух наполнялся прохладой и она, влажная, усиливала голос певца.

Хенрик пел, не видя никого, кроме соперяжающей Эйрин, следовал ее указаниям, то поднимая тональность, то спускаясь до предела возможностей. Он растворялся в мелодии, жил ею, и слушатели поддавались торжественности романса. Когда Нибо повторял последнее двустипие, Ирина довела его голос до нижнего баса, а потом аккуратно заставила вытянуть финал.

Романс закончился, а зрители не подавали признаков жизни. Эйрин глянула на растерянного отсутствием реакции Нибо и сжала его большую руку, поддерживая. Что такое, они же хорошо справились!? Девушка только хотела открыть рот, чтобы спросить, в чем дело, как к ним широкими шагами, ускоряясь, двинулся виновник торжества. Добрыня шел, глаза его блестели, руки расходились в стороны... Чтобы сомкнуться на плечах исполнителя в тройном объятии.

— Голубчик ты мой, что ж ты столько лет молчал-то, а? Да такого голоса во всем Новограде нет! — воскликнул хозяин дома. — А уж песня-то какова! Братья, как думаете? Заслужили певцы награду, а?

Очнувшиеся слушатели загалдели одобрительно, а тот купец, что предлагал помянуть усопших, подошел, вынул из кармана небольшой мешочек и передал его в руки Хенрика.

— Вот что я тебе, Хейни-норд скажу: не вздумай вернуться к своей жене-склочнице! Дура-баба, прости господи, такой талант на кухне держала! Тьфу! Ты от своих теперь не отставай!

Купец отошел, посмотрел на хирд и проникновенно проговорил:

— Ребятюшки, спасибо! Добрыня, и тебе поклон! Я много где бывал, но лучше этих песен не слыхивал! Крамола, но, думаю, и у царя-батюшки таких артистов нетути, а, мужики?! — бросил он провокацию в ряды присутствующих. Ответом стал громкий смех и аплодисменты. — Дева, хороша и ты, и те молодчики, что поют по одному! Нет у меня с собой на всех кошелей, но завтра пришло к Седому, слово даю! Добрыня, не отставай, да и вы, братие, не жмитесь! Внукам рассказывать будете, как нордов слушали да душой цвели! Я за всеми прослежу! — погрозил он пальцем гостям, взял юбиляра за плечо и сказал, идя к своему столу:

— Ох и жучара ты, Званыч! Завсегда первым умудряешься быть! — остановился и обернулся к Эйрин. — Радость моя, спевай еще! Был бы моложе, украл бы, до чего ж хороша! Да не кипишуй, капитан, шучу! Разве ж такую украдешь? Тем более у нордов?! — бросил в сторону поднявшегося с места Густафссона.

Реплика потонула в смехе, Эйрин глянула на сжавшего кулаки Эйвинда, покачала головой, улыбнулась и решила вернуть народ в лоно концерта, от греха.

— Благодарю за лестные слова в наш адрес и предлагаю продолжить! Готовы?

В этот момент вдалеке послышался глухой звон колоколов к вечерне. Это стало знаком для выступления хора с новинкой в репертуаре. Эйрин глубоко вздохнула и начала:

Вечерний звон, вечерний звон!

Микола запел следом, к нему присоединился Ульф, а парни слаженно «бомкали» позади. Гнат поддерживал музыкальный лад на балалайке, не форсируя звук, но создавая

необходимый фон.

Как много дум наводит он! О юных днях в краю родном, Где я любил, где отчий дом, Последние слова трио вытянуло вверх, а хор продолжил, затихая, свое «БОМ, БОМ. БОМ». Песня закончилась, и публика взорвала тишину аплодисментами..

Дождавшись, когда народ успокоится, Эйрин решила закругляться.

— Мы вам пели, не плясали, вы сидеть-то не устали? Чтобы косточки размять, предлагаю поплясать! Парни, Гнат, «Калинку»!

И норды грянули, как репетировали, самую известную в России ее прошлого песню, что была визитной карточкой великого народа!

Калинка, калинка, калинка моя!

В саду ягода малинка, малинка моя!

Микола отрывался по полной, выхаживая перед публикой, поводя плечами, играя. Эйрин дирижировала хором, а у самой мурашки по коже бегали от восторга и гордости за ребят. Исполнение было выше всяких похвал! И шквал аплодисментов по завершении был тому подтверждением! А еще — пустившиеся в пляс некоторые гости! Эйрин сдерживала смех, краем глаза наблюдая, как солидные дядьки шли в присядку, кричали, выкручивали ногами коленца и, задыхаясь, падали на скамейки!

Как ни пыталась Эйрин остановить процесс, пели до хрипоты и темноты. Хористы, так искренне принимаемые публикой, вошли в раж, и, с подачи Ульфа (вот ведь заводила!), исполнили ВСЕ песни, что выучили ранее: и «Лейся, песня», и «Если тебе почему-то взгрустнется», и ЛЮБЭ «Ты неси меня река», и магомаевское «Море», и «Ты помнишь, как все начиналось». Валиева только диву давалась — как? Микола раскрыл секрет: оказалось, когда она зимой пела, Эйвинд по-тихому записывал и отдавал Миколу, тот — ребятам, и учили они сами.

Ребята пели, руководимые Ульфом, Эйрин сидела на скамье-отдыхала и наслаждалась представлением со стороны, пока один из ватаги, обычно невыделяющийся Кнут Йенссен, не подошел к ней и не попросил:

— Эйрин, спой и ты что-нибудь! Особенно ту, про сатану...

Хирд с энтузиазмом подхватил просьбу товарища, а Ульф принялся рассказывать, как путешественников принимали в той бабьей деревне. Повествование вызвало безудержное веселье у гостей, которые затем принялись уговаривать девушку исполнить и для них забавную и поучительную песню. Отказаться Эйрин не смогла, и в Новограде узнали, чем грозит порой долгое отсутствие мужа, а также некоторые тайны женской души.

За «Сатаной» последовала «Ніч яка місячна», «Темно-вишневая шаль» (Доброгнева встряла), а дальше Ирину и саму, как Остапа, понесло: была и «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина», и «Миленький ты мой», и «По Муромской дорожке», и «Напилася я пьяна», после чего в кустах заголосили растроганные дамы и бросились обнимать певицу, вытирая об ее плечо слезы восхищения. Тут уж Ирина Михайловна решила сменить тематику и, стряхнув с себя и баб, и грусть, во всю мочь запела, стараясь повторить манеру Руслановой — придыханием, шепотом, заливисто, игриво, то растягивая слова, то учащая темп:

Валенки да валенки, Ой, да не подшиты стареньки. Нельзя валенки носить, Не в чем к миленькой сходить. Валенки, валенки, Эх, не подшиты стареньки. Где-то со второго куплета парни стали подпевать, а Гнат-подыгрывать на балалайке. Ирина же, плюнув на всё, пошла в пляс перед гостями, заводя тех еще больше! Теперь топтались на полянке и мужики, и их

пары, а заводная мелодия объединяла сердца.

Выступление необычной гостью произвело фурор! Раззадоренные ранее Гордеем Фокиным (тем, обещавшим назавтра вознаграждение купцом), местные толстосумы трясли мощной: просили еще песен и отдаривались разного размера кошелями, пока юбиляр не сказал свое веское слово.

— Ну дорогие гости, довольны ли вы праздником? — названные закивали, загомонили, подтверждая. — Тогда пора и честь знать, утро скоро! Не обессудьте, но надо расходиться, пока соседи до протоиерея Никодима не послали за нарушение покоя и благочиния! Наложит на меня, старого, епитимью, седины мои не жалея!

Гости дружно рассмеялись и стали подниматься, благодарить хозяина, нордов-особо, высказывая похвалу Гнату, уставшему, но довольному, после чего кучками покидали двор Звановых.

Эйрин с парнями уходили последними. Юбиляр провожал их до ворот, нагрузил корзинами со снедью, обнял всех, вызвав у северян смешки и шутки про то, что завтра рук не поднимет.

— Спасибо, ребятушки, от всей души спасибо! Приду на пристань проводить всенепременно! — ответил купец, и хирд, выполнивший обещанное, двинулся к месту ночевки. Северяне были утомлены, но на лицах дебютантов и сопровождающих сияли улыбки: довольные, гордые, радостные.

Эйрин плелась позади всех: враз как-то навалилась усталость, так что ноги не шли. В темноте она боялась споткнуться и упасть, когда вдруг ее подхватили крепкие мужские руки, и носа коснулся знакомый запах.

— Ой, да зачем? Я сама по... — попыталась возразить попаданка.

Эйвинд только подбросил ее, устраивая по-удобнее.

— Ты устала! Завтра в путь. — Капитан помолчал, а потом прямо на ухо прошептал, — Ты была великолепна, дорогая! Спасибо! Это было прекрасно! Парни счастливы, и вы прилично заработали!

Эйрин чувствовала, как ее заливают краска смущения, уткнулась Густафссону в шею, прячась от взглядов команды и родни, хотя видела, что никто не осуждает ее поведение, скорее, наоборот. Сердце же иномирянки колотилось о грудную клетку, а в животе порхали пресловутые бабочки!

Выйдя на большую воду Ильмен-озера, оставляя позади город и провожающих, норды и сопровождающие их лица расслабленно сидели на палубе и анализировали события последних дней. Мысли у всех, понятное дело, были разные.

Парни-певчие переживали заново успех выступления и удивлялись доле от собранного гонорара, утром врученной каждому капитаном — неплохо так! Столько иной раз и за сезон не выходило...

Гнат рассматривал опухшие пальцы, мял подушечки и наполнялся решимостью учить с Эйрин нотную грамоту и что там еще нужно, чтобы стать настоящим музыкантом! Впервые парень гордился собой: ночью, дома уже, отец хвалил его, обнимал как в детстве, плакал от избытка чувств и просил прощения, что не видел раньше его способностей...

— Больше я, сынок, не буду требовать от тебя заниматься моим делом! Денег, что я заработал, хватит и мне, и тебе... Иди своей дорогой, мешать не стану... Видела бы тебя Лада моя... — всхлипнул купец и побрел к себе, оставив растроганного лаской сына в слезах и

почтении.

Алладин смотрел вдаль и переживал противоречивые чувства: ему хотелось увидеть отца и совсем не хотелось расставаться со ставшими почти родными товарищами...

Эйрин гордилась собой и хирдом, тайком перебирала воспоминания об объятиях Эйвинда и грезила о большем...

Эйвинд Густафссон прикидывал время на дорогу, рассчитывал маршрут, думал об Эйрин, о предстоящем расставании с ней, уже заранее тоскуя....

Когда двигался вперед, драккар шел в фарватере, ветер наполнял паруса, а мечты и планы — умы и души. Их ждали новые встречи, города, даже страны. Будущее рисовалось необыкновенным!

Однако, как говорится, хочешь насмешить богов — расскажи им о своих планах...

Больше книг на сайте - Knigoed.net